

Джон Беллами

ФОСТЕР

ОТКРОВЕННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ —

«бремя
белого
человека»...

ОТКРОВЕННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

NAKED IMPERIALISM

THE U.S. PURSUIT OF GLOBAL DOMINANCE

John Bellamy Foster

MONTHLY REVIEW PRESS
New York

**Джон Беллами
Фостер**

ОТКРОВЕННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ—

«бремя
белого
человека»...

*Перевод с английского
В. Л. Артемова*

Москва
■ **ПОКОЛЕНИЕ**
2007

УДК 327.2(73)
ББК 66.4(7Coe),9
Ф81

Фостер Джон Беллами

Ф81 Откровенный империализм — «бремя белого человека».../
Пер. с англ. В. Л. Артемова.— М.: Поколение, 2007.— 320 с.: ил.

ISBN 978-5-9763-0052-1 (рус.)

ISBN 1-58367-131-5 (англ.)

ISBN 1-58367-132-3 (англ.)

Вооруженный конфликт во Вьетнаме долгое время считался последней империалистической войной — войной, в результате которой США надеялись укрепить свое политическое и экономическое влияние в Азии. В 1970-е идеологической ширмой, за которой американский капитализм прятал свои хищнические цели, было желание остановить распространение коммунизма. После распада СССР казалось, будто вооруженная борьба с коммунизмом на территории других стран ушла в прошлое. Но не тут-то было — теперь вместо пугала «мирового коммунизма» США начали использовать жупел «мирового терроризма». Однако суть со времен Вьетнама не изменилась. Под видом борьбы с очередной «угрозой» США вновь пытаются навязать миру свой порядок — порядок, при котором странам типа Вьетнам и Ирак, равно как и большинству других государств, отводится роль американских «сырьевых складов». Многие считают, что ответственность за выбор подобного курса лежит на клике неоконсерваторов, пришедшей к власти в США. Джон Беллами Фостер последовательно доказывает, что в действительности нынешняя агрессивность Америки — закономерный результат ее общественно-политического и экономического развития. Автор проводит тщательный анализ природы империализма, предпосылок возникновения у США империалистических притязаний и делает неутешительный вывод о том, что подобная политика, если ее вовремя не пресечь, неминуемо ведет к мировой катастрофе.

УДК 327.2(73)
ББК 66.4(7Coe),9

Copyright © 2006 by John Bellamy Foster.
All rights reserved.

© Артемов В. Л., перевод, 2007

© Амитон Е. Л., оформление, 2007

© ООО «Издательство «Поколение»,
2007

ISBN 978-5-9763-0052-1 (рус.)

ISBN 1-58367-131-5 (англ.)

ISBN 1-58367-132-3 (англ.)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Введение	10
Глава 1. После атаки... Война с терроризмом	29
Глава 2. Империализм и «империя»	46
Глава 3. Монополистический капитализм и новая глобализация	62
Глава 4. Военные базы США и империя	90
Глава 5. Второе открытие империализма	111
Глава 6. Имперские амбиции США и Ирак	137
Глава 7. «Имперская Америка» и война	160
Глава 8. Новый век империализма	179
Глава 9. Киплинг, «Бремя белого человека» и империализм США	206
Глава 10. Ирак – второй Вьетнам?	224
Глава 11. Империя США: Рах Americana или Рох Americana?	243
Глава 12. Империя варварства	251
Глава 13. Крушение империи	276
Примечания	297

ПРЕДИСЛОВИЕ

Глобальная война, объявленная якобы терроризму — на самом деле она ведется в интересах империализма, — доминирующая политическая реальность десятилетия, открывающего XXI столетие. Хор ведущих ученых мужей, политических лидеров и лидеров крупных корпораций США, прославляющих империю, звучит сегодня ничуть не тише, чем когда-либо в истории. Влиятельный журналист Роберт Каплан, корреспондент *Atlantic Monthly*, горделиво провозгласил на первой странице изданной в 2005 году книги *Imperial Grunts: The American Military on the Ground* («Имперское рыканье: американские войска на земном шаре»): «К началу XXI столетия вооруженные силы США уже занимали всю Землю и были готовы по первому сигналу хлынуть в самые глухие места». Каплан поет дифирамбы тому, что он называет «идеалистическим» содержанием расистского стихотворения Редьярда Киплинга «Бремя белого человека», написанного в оправдание завоевания и колонизации США Филиппин после испано-американской войны 1898 года. Он восхищается американской военной картой, где вся планета поделена на пять четко очерченных, единых командных зон, и сравнивает ее с аналогичной картой, впервые нарисованной немецким теоретиком геополити-

ки и нацистским идеологом Карлом Хаусхофером, чьи идеи завоеваний и *Lebensraum* оказали непосредственное влияние на Гитлера. «Победив во Второй мировой войне разрастающуюся мировую империю Германии,— вещает нам Каплан,— США теперь испытывают операционные потребности иметь свою собственную... Американскую империю»¹.

От подобных воинственных мыслей можно было бы с легкостью отмахнуться, если бы США не втягивали мир в новый период неприкрытого империализма, того, который несет всем разлад и страдания. До сих пор общественные науки в США не сумели дать объяснение этим явлениям. За небольшим исключением, террористическое нападение 11 сентября 2001 года трактуется так, будто оно прогремело «как гром среди ясного неба» или как эманация головы одного человека — Усамы бен Ладена (Osama Bin Laden). В общем потоке комментариев вы не найдете серьезного анализа исторической роли империализма в развитии американского капитализма и его борьбе за глобальную политическую, экономическую и военную гегемонию. Вторжение в Ирак, предпринятое якобы в поисках несуществующего оружия массового уничтожения, часто описывается как политическая аберрация, вызванная ошибкой разведки, которая наложилась на самые «идеалистические» намерения. Расползающаяся по миру американская империя откровенно преподносится как источник гордости для американцев, которым не предлагается никакого серьезного объяснения последствий этой тенденции и не рассказывается о том, как на это смотрит остальной мир.

Эта небольшая книжка не ставит целью объяснить причины, по которым американцы этого не

понимают. Скорее мои намерения состоят в том, чтобы показать намного более последовательную, глубокую и убедительную картину этих исторических событий, совершенно иной подход, основанный на критике империализма и обычно уходящий корнями в марксизм и леворадикальную мысль. Для того чтобы продемонстрировать это наиболее конкретно, я пошел по пути, которым следовали Лео Губерман, Пол Суизи и Гарри Магдофф в своей классической работе *Vietnam: The Endless War* («Вьетнам: Нескончаемая война», 1970), отказавшись обращаться в ней к аргументам прошлого. Тринадцать глав этой книги представляют собой редакционные статьи (известные как «Ежемесячные обзоры»), публиковавшиеся в *Monthly Review* с ноября 2001 года (они были написаны вскоре после террористической атаки 11 сентября) по январь 2005 года. Кроме того, в книгу включено вступление, написанное в процессе работы над ней и опубликованное в *Monthly Review* в сентябре 2005 года. Ни одна из тринадцати глав не претерпела изменений в содержании, проведена лишь незначительная редакционная правка.

Все эссе, как правило, написаны по свежим следам конкретных событий, связанных с развитием курса империализма США после сентября 2001 года. Поскольку главы расположены в хронологическом порядке, повествование разворачивается последовательно. Убедительность аргументации нарастает последовательно, и это происходит вследствие того, что материалы статей представляют собой непосредственную реакцию на быструю смену исторических событий, ряд из которых стали поворотным пунктом в истории. Уже ясно очерченная в первой главе глобальная трагедия, свидетелями которой являемся все

мы, развивается в последующих главах. Как потенциальные действующие лица истории, мы обладаем способностью действовать. Необходимо скоординированное глобальное сопротивление, важнейшую часть которого составляет протестное движение в самих США,— вот мысль, которой в той или иной форме завершается почти каждая глава.

Все эссе в этой книге, за исключением «Империи варварства», соавтором которого был Бретт Кларк, либо полностью написал я, либо они были первоначально разработаны мной совместно с редакторами *Monthly Review* Гарри Магдоффом и Робертом У. Макчесни (редактор *Monthly Review* с апреля 2000 по июнь 2004 года). Гарри и Бобу я обязан всем. Книга во всех отношениях столько же их, сколько моя. В процессе подготовки книги ее читали и делали свой вклад многие другие, среди них Джон Мейдж, Джон Симон, Майкл Йейтс, Клод Музикевичс, Виктор Уоллис, Фред Магдофф и Бретт Кларк. В *Monthly Review* довести книгу до ума помогли Эндрю Нэш, Мартин Пэддио и Рене Пендерграсс.

Мы и живем в век империализма, поэтому совершенно необходимо напоминать нам, что мы принадлежим к миру, в котором существуют фундаментальные принципы гуманизма. Я благодарен моим детям Саулу и Иде Фостер за все то, что они каждый свой день делят со мной.

Я посвящаю эту книгу своей жене Кэрри Энн Наумофф в признательность за то, что она разделяет мои убеждения и борьбу за мирный мир, справедливость и человеческое общество, которую она ведет всю свою жизнь.

Юджин, Орегон
Ноябрь 2005

ВВЕДЕНИЕ

Действия США в глобальном масштабе после 11 октября 2001 года часто считают «новым милитаризмом» и «новым империализмом». Тем не менее ни милитаризм, ни империализм — не новинка для США, которые с самого начала были экспансионистской державой — континентальной и глобальной. Что изменилось? — откровенность, с которой происходит экспансия. Амбиции США стали поистине безграничными — планетарными.

Макс Бут (Max Boot), научный сотрудник Совета по международным отношениям, утверждает, что «величайшую опасность» для США в Ираке и по всему миру представляет то, что «мы не используем всю нашу мощь, боясь слова «империализм»... Если вспомнить исторический груз, которым обременен этот «империализм», то для правительства США нет нужды пользоваться эти термином. Но ему определенно следует воспользоваться его практикой». По его словам, «США следует быть готовыми без смущения взять на себя имперское руководство». Если Вашингтон не имеет планов обзавестись «постоянными базами в Ираке... они там должны быть... Если из-за этого поднимется крик об американском империализме, ну и что»¹. То же самое говорит Дипак Лал (Deepak Lal), профессор истории международных от-

ношений Калифорнийского университета, Лос-Анджелес: «Главная задача Рах Americana должна состоять в том, чтобы искать пути для создания нового порядка на Ближнем Востоке... Многие говорят с укором, что любое подобное изменение там status quo было бы актом империализма и мотивировалось бы в первую очередь желанием установить контроль над ближневосточной нефтью. Империализм вовсе не нечто нежелательное. Это именно то, что необходимо для восстановления порядка на Ближнем Востоке»².

Эти взгляды хотя и исходят от неоконсерваторов, вполне укладываются в проводимый в настоящее время США внешнеполитический курс. И действительно, в правящих кругах США не наблюдается серьезных разногласий по поводу попыток расширить американскую империю. Ибо, как выразились Иво Даалдер (Ivo Daalder) и Джеймс Линдсей (James Lindsey), старшие научные сотрудники Брукингского института, «подлинные споры... идут не по поводу того, иметь или не иметь империю, а по поводу того, какого рода империю иметь»³. Майкл Игнатьев (Michael Ignatieff), директор Центра политики в области прав человека им. Карра в Школе менеджмента Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете, заявляет без обиняков: «Новый империализм... теоретически гуманитарный, но на практике империалистический, он создает «подсуверенитет», при котором государства обладают независимостью в теории, но не фактически. Причина, по которой американцы находятся в Афганистане или на Балканах, заключается в том, что там есть необходимость поддерживать порядок в борьбе с угрозой варваров». В качестве «последнего на Западе военного государства» и последней «оставшейся империи» США несут ответ-

ственность за «имперское структурирование и управление» «по аналогии с Римом... Теперь мы увидели варваров... Варварам воздалось, и их ждет новое воздаяние»⁴.

Все это отражает реальности американской имперской власти. В преамбуле к посланию президента Джорджа У. Буша осенью 2002 года «Национальная стратегия безопасности США» говорится, что «теперь, после распада Советского Союза, существует единственная модель национального процветания: свобода, демократия и свободное предпринимательство», воплощением которой является американский капитализм. Любое общество, не желающее руководствоваться этой моделью, обречено на гибель и, как дается понять в послании, объявляется угрозой для безопасности США. Основная часть документа, изложенная после этого заявления, представляла собой открытое провозглашение целей Вашингтона — установить на неопределенное время стратегическое господство над всей планетой. В послании объявляется о намерении США вести превентивную войну против стран, которые угрожают или могут с большой степенью вероятности составить в будущем угрозу США, прямо или косвенно, — через угрозу, которую эти страны могут представлять друзьям или союзникам США в любой точке земного шара. В новой «Национальной стратегии безопасности» подчеркивалось, что будут предприняты превентивные действия, направленные на то, чтобы не допустить в любое время в будущем усиления какой-либо страны до уровня, который позволил бы ей соперничать с США в военной мощи. Президент Буш выступил 13 апреля 2004 года с заявлением, что США необходимо «переходить в наступление и не прекращать на-

ступать», ведя беспощадную войну против всех, кого сочтут своими врагами.

После 11 сентября 2001 года США ведут войну в Афганистане и Ираке, расширили число своих военных баз за рубежом и увеличили военные расходы до уровня, равного военным расходам всех стран мира, вместе взятых. Выражая восторги по поводу блицкрига США в Ираке, журналист Грег Истербрук (Greg Easterbrook) заявил в *New York Times*, что вооруженные силы США «самые мощные, какие только знал мир... мощнее, чем вермахт в 1940 году, сильнее легионов времен расцвета римской мощи»⁵.

Множество критиков со стороны левых в США отозвались на это утверждение, провозгласив: «Давайте вышвырнем этих мерзавцев вон». Объясняя свое требование, они указывали, что правительство США при президенте Буше захватила неоконсервативная клика, навязавшая стране политику милитаризма и империализма. Например, социолог Майкл Манн (Michael Mann) в конце своей *Incoherent Empire* («Непоследовательной империи») пишет, что с приходом к власти президента Джорджа У. Буша «неоконсервативный суп из цыплят с ястребами... заполнил Белый дом и Министерство обороны». Манн видит выход в том, что следует просто «вышвырнуть милитаристов вон»⁶.

В этой книге предлагается другой вывод. У милитаризма и империализма США глубокие корни в истории США и политико-экономической логике капитализма. Как готовы признать даже сторонники американского империализма, США были империей с самого начала. «США,— пишет Бут в книге *American Imperialism?* («Американский империализм?»),— были империей начиная по меньшей мере с 1803 года, когда

Джефферсон купил территорию Луизианы. На протяжении XIX века то, что Джефферсон называл «империей свободы», распространилось на весь континент»⁷. Позже США завоевали и колонизовали земли за морем в результате испано-американской войны 1898 года и последовавшей сразу же за ней жестокой филиппино-американской войны, которую оправдывали как попытку взять на себя «бремя белого человека». После Второй мировой войны США и другие главные империалистические государства отказались от своих официальных политических империй, но сохранили неофициальные экономические империи, поддерживая право на них с помощью угроз применить силу и нередко реальными военными интервенциями. «Холодная война» оттеснила эту неокOLONиалистскую реальность на второй план, но никогда не скрывала ее полностью.

Рост империи — не особенность одних только США или простой результат политики отдельных государств. Это систематический результат всей истории и логики капитализма. С самого зарождения в XV—XVI веках капитализм был глобально расширяющейся системой — такой, которая иерархически делится между метрополией и сателлитом, центром и периферией. Как и в прошлом, цель нынешней империалистической системы заключается в том, чтобы открыть экономику периферии для инвестиций из основных капиталистических стран, обеспечивая, таким образом, и непрерывное получение дешевого сырья, и приток экономического избыточного продукта с периферии к центру мировой системы. Кроме того, третий мир рассматривается в качестве источника дешевого труда и представляет собой глобальную резервную армию труда. Экономика пе-

риферии структурирована таким образом, чтобы обслуживать внешние потребности США и других ведущих капиталистических стран, а не для удовлетворения собственных внутренних потребностей. Это привело (за небольшим примечательным исключением) к созданию условий бесконечной зависимости и долгового рабства в более бедных регионах мира.

Если «новый милитаризм» и «новый империализм» не такие уж новые, а представляют собой наследие всей истории США и мирового капитализма, то возникает центральный вопрос: почему империализм США за последние годы стал откровенным и его вдруг вновь открыли для себя и адепты, и противники? Прошло всего несколько лет, как некоторые теоретики глобализации, принадлежащие к левому крылу ученых, такие как Майкл Хардт (Michael Hardt) и Антонио Негри (Antonio Negri), в своей книге *Empire* («Империя») писали о том, что век империализма остался в прошлом и что вьетнамская война была последней империалистической войной⁸. И тем не менее сегодня империализм осуществляется властными структурами США намного откровеннее, чем в любой период после 1890-х годов. Такой сдвиг можно понять, рассмотрев только исторические изменения, которые произошли за последние три десятилетия после окончания вьетнамской войны.

Окончание вьетнамской войны в 1975 году означало, что США понесли решающее поражение в войне, которая, как бы ни объясняли ее с позиций «холодной войны», была, несомненно, империалистической. Это поражение совпало с внезапно разразившимся в начале 1970-х годов спадом в росте американской и мировой капиталистической экономики, когда вновь замаячили тени старого возмездия

капиталистической системе — ее периодические стагнации. Широкий экспорт долларов, связанный с войной и ростом империи, создал огромный евро-долларовый рынок, сыгравший главную роль в принятии в августе 1971 года президентом Ричардом Никсоном решения отвязать доллар от цены на золото, что означало конец золотого долларового стандарта и начало сокращения экономической гегемонии США. Энергетический кризис, ударивший по США и другим ведущим индустриальным странам, когда страны Персидского залива сократили экспорт нефти в качестве акции ОПЕК по поднятию цен и в ответ на помощь Запада Израилю в Шестидневной войне 1973 года, показал уязвимость США в связи с их зависимостью от зарубежной нефти.

То, что консерваторы окрестили «вьетнамским синдромом» — а именно нежелание американского населения поддерживать вооруженную интервенцию в странах третьего мира, помешало США в этот период ответить на мировой кризис, приведя в действие свою гаргантюанскую военную машину. Вслед за этим масштабы американской интервенции сократились, и быстро распространился отпад стран от империалистической системы: Эфиопия порвала с ней в 1974 году, португальские колонии (Мозамбик, Ангола, Гвинея-Бисау) в 1974—1975 годах, Гренада в 1979-м, Никарагуа в 1979-м и Зимбабве в 1980 году.

Самый серьезный удар империализм США получил в конце 1970-х годов, когда произошла Иранская революция 1979 года и был свергнут шах Ирана, главная опора американского военного доминирования над Персидским заливом и его нефтяными запасами. В январе 1980 года президент Джимми Картер обнаружил документ, который получил название

доктрины Картера: «Попытка любой внешней силы овладеть контролем над Персидским заливом будет рассматриваться как нападение на жизненно важные интересы США, и такое нападение будет отражено любыми необходимыми средствами, в том числе с применением военной силы». Все это едва ли не дословно напоминало доктрину Монро, провозгласившую претензии США на господство в обеих частях Американского континента и применявшуюся в качестве мнимого «законного принципа» для оправдания американского военного вмешательства в другие страны Западного полушария. Фактически доктрина Картера означала, что США претендуют на военное господство в Персидском заливе, который должен был быть полностью включен в американскую империю «любыми необходимыми средствами». Утверждение американского господства на Среднем Востоке сопровождалось началом развязанной Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) войны против советских войск в Афганистане (это была самая большая тайная война в истории), в которой США использовали исламские силы, включая Усаму бен Ладена, объявившие священную войну джихад против советских оккупационных войск. Отзвуки этой войны и последовавшая затем война в Персидском заливе не могли не привести к террористической атаке 11 сентября 2001 года.

В период эпохи Рейгана в 1980-е годы США расширили свою экспансию, возобновили гонку вооружений и одновременно стремились подавить революции 1970-х годов. Помимо ведения тайной войны против Советов в Афганистане, они предоставляли военную и экономическую помощь Ираку режима Саддама Хусейна, нарастили свое военное вмеша-

тельство на Среднем Востоке (безуспешно вмешавшись в события в Ливане в начале 1980-х годов и выведя оттуда войска только после катастрофического обстрела казарм американской морской пехоты) и финансировали тайные операции, имевшие целью подрывные действия против недружественных стран и революционного движения во всем мире. Самые крупные тайные войны были спровоцированы против сандинистов в Никарагуа и революционных сил в Гватемале и Сальвадоре. В 1983 году США напали на Гренаду, а при преемнике Рейгана президенте Джордже Буше в декабре 1989 года, осуществляя план восстановления контроля над Центральной Америкой, вторглись в Панаму.

Но подлинные перемены для США принес крах Советского блока. Вот что писал в «Американской империи» Эндрю Басевич: «Как победа в войне 1898 года (испано-американской) превратила Карибское море в американское озеро, так и победа (в «холодной войне») в 1989 году превратила весь земной шар в вотчину США. И как следствие — американские интересы стали «безграничными»⁹. С внезапным уходом Советского Союза с мировой арены (чтобы рухнуть окончательно в 1991 году) открылась возможность для широкомасштабной интервенции США на Ближнем Востоке. Это произошло почти сразу после окончания войны в Персидском заливе, весной 1991 года. Несмотря на то что США были полностью осведомлены о предстоящем вторжении Ирака в Кувейт, они не выступили сколько-нибудь решительно против этой агрессии и сделали это только после того, как она совершилась¹⁰. Иракское вторжение в Кувейт предоставило США предлог для начала на Среднем Востоке большой войны. Во вре-

мя войны в Персидском заливе было убито от 100 до 200 тысяч иракских солдат и около 15 тысяч мирных жителей погибли во время американских и английских бомбардировок¹¹. Оценивая то, что он считал одним из главных результатов войны, президент Буш заявил в апреле 1991 года: «Клянусь, мы справились-таки с вьетнамским синдромом».

Тем не менее в тот момент США предпочли не пользоваться сложившейся обстановкой, не вторгаться в Ирак и не оккупировать его. Хотя для такого решения было много причин, включая тот факт, что против него, скорее всего, выступили бы арабские члены коалиции, поддерживавшей американцев в войне в Заливе, главным фактором был геополитический сдвиг, вызванный развалом Советского блока. К этому времени зашатался и сам Советский Союз. Не имея ясного представления о будущем Советского Союза и всей геополитической сферы, которую он контролировал, Вашингтон не мог решиться на то, чтобы надолго связать свои войска оккупацией Ирака. Развал самого Советского Союза произошел несколькими месяцами позже.

Оставшиеся 1990-е годы США (в основном при президенте-демократе Билле Клинтоне) осуществляли широкое военное вмешательство на Африканском Роге, Среднем Востоке, в бассейне Карибского моря и в Восточной Европе. Апогея эта политика достигла в Югославии (Косово), во время которой страны НАТО под водительством США в течение семи недель осуществляли бомбардировки, а затем ввели в страну свои сухопутные войска. Под видом «того, что это предпринимается для приостановления «этнических чисток» на Балканах, США вели войну в геополитической сфере ради расширения

имперского господства в регионе, входившего прежде в советскую сферу влияния.

Уже к концу XX столетия властная элита США перешла к политике неприкрытого империализма, причем в масштабах, которые невозможно было представить в начале века, — теперь империю США стали задумывать как глобальную. Несмотря на развертывание массивного антиглобалистского движения, особенно ярко проявившегося в ноябре 1999 года протестами в Сиэтле, истеблишмент США быстрыми шагами продвигался к империализму XXI века — такому, который обеспечивал бы либеральную глобализацию и опирался бы на мировое господство США. По этому поводу лауреат Пулитцеровской премии, обозреватель *New York Times* Томас Фридман писал: «Скрытая рука рынка никогда не будет работать без скрытого кулака — McDonald's не может процветать без Макдоннелла Дугласа, создателя F-15. И скрытый кулак, который открывает мир для технологии Силиконовой долины, называется армией, военно-воздушными силами, военно-морским флотом и морской пехотой США»¹². Однако «скрытый кулак» был не таким уж скрытым, и в последующие годы о его скрытости стали беспокоиться еще меньше.

Конечно, сдвиг в сторону более откровенного милитаристского империализма происходил постепенно, по этапам. Большую часть 1990-х годов в правящем классе и истеблишменте национальной безопасности США за сценой обсуждался вопрос о том, что делать теперь, когда с исчезновением Советского Союза США остались единственной сверхдержавой. Естественно, никто не сомневался в том, что именно должно быть главным экономическим на-

правлением глобальной империи, управляемой США. Годы 1990-е стали свидетелями усиления неолиберальной политики устранения барьеров перед капиталом по всему миру, что напрямую увеличивало власть богатых капиталистических стран, занимающих центральное место в мировой экономике по сравнению с находящимися на периферии бедными странами. Главным элементом этого процесса было создание Мирового банка и Международного валютного фонда в качестве организаций, задачей которых является навязывание другим странам правил игры, установленных монополистическим капиталом. С точки зрения большей части мира, голову поднял еще больший эксплуататор — экономический империализм. Но в странах, находящихся в центре мировой экономики, неолиберальная глобализация была воспринята как блестящий успех, невзирая на признаки глобальной финансовой нестабильности, что показал азиатский финансовый кризис 1997—1998 годов.

Тем не менее в правящих кругах США продолжались обсуждения того, какими способами и в каких масштабах США могут прибегать к помощи огромной военной силы в качестве средства, обеспечивающего глобальное верховенство США в новом «однополюсном» мире. Если неолиберализм возник в ответ на экономическую стагнацию и перенес расплату за экономический кризис на бедняков мира, то проблема сокращения экономической гегемонии США, по-видимому, требовала совершенно иного ответа — восстановления мощи США как военного колосса мировой системы.

Сразу же после развала Советского Союза Министерство обороны США в годы правления Джорджа

У. Буша приступило к пересмотру национальной политики в области безопасности в свете изменившейся мировой ситуации. В марте 1992 года командой, возглавлявшейся Полом Вулфовицем (Paul Wolfowitz), в то время заместителем государственного секретаря по вопросам политики, был написан доклад, получивший название *Defense Planning Guidance* («Руководство по планированию в области национальной безопасности»). В нем указывалось, что главной целью в области национальной безопасности США должно быть «предотвращение возникновения любой возможности потенциального глобального соперничества»¹³. В последовавшей затем в 1990-х годах внутри истеблишмента США дискуссии в центре внимания стоял не столько вопрос, следует ли США добиваться глобального превосходства, сколько следует ли им избрать многосторонний или односторонний подход к решению этой проблемы. Некоторые из ведущих действующих лиц, которые потом составили администрацию Джорджа У. Буша, включая Дональда Рамсфельда (Donald Rumsfeld) и Пола Вулфовица, должны были создать структуру *Project for the New American Century* («Проекта Нового американского века»), которая в предвосхищении завоевания Белого дома Бушем выпустила доклад по вопросам внешней политики под названием *Rebuilding America's Defenses* («Перестройка обороны Америки»)¹⁴. В нем подтверждалась односторонняя и откровенно агрессивная стратегия *Defense Planning Guidance* («Руководства по планированию в области национальной безопасности») 1992 года. После 11 сентября 2001 года этот подход стал официальной американской политикой в *The National Security Strategy of the United States* («Национальной стратегии

США в области безопасности») 2002 года. Грохот барабанов, призывающих к вторжению в Ирак, совпал с выпуском этой новой декларации о национальной безопасности, фактически декларации о новой мировой войне.

Среди критиков внешней политики США стало принято, как мы отмечали ранее, объяснять эти драматические перемены просто захватом политических и военных командных центров США неоконсервативной кликой (пришедшей к власти в результате сомнительного исхода выборов 2000 года), что вместе с дополнительными стимулами, созданными террористическими атаками 11 сентября, привело к глобальному империалистическому наступлению и новому милитаризму. И все же экспансия американской империи, которая последовала за концом Советского Союза, с самого начала была проектом, который поддерживали обе партии. При администрации Клинтона США вели войну на Балканах, составлявших прежде часть сферы влияния Советского Союза в Восточной Европе, и одновременно начали процесс создания военных баз США в Центральной Азии, бывшей части самого Советского Союза. В 1990-е годы Ирак подвергали ежедневной бомбардировке, и когда Джон Керри, кандидат в президенты от демократической партии на выборах 2004 года, заявлял, что будет продолжать войну в Ираке и войну с терроризмом едва ли не с большей решимостью и большими ресурсами и что отличается он только отношением к тому, в какой степени США могут принимать на себя роль единственного полицейского, а не одного из команд полицейских, то он просто продолжал поддерживать ставку демократов на империю,— ставку, которой демократы придержи-

вались на протяжении 1990-х годов и впоследствии,— все это было не чем иным, как откровенным империализмом.

Историко-материалистическая критика предлагала более глубокий анализ ситуации, указывая на то, что курс, которым пойдет империализм после распада Советского Союза, абсолютно предсказуем. Капитализм по самой своей логике представляет собой систему, расширяющуюся в глобальном масштабе. Для капиталистической системы непреодолимо противоречие между транснациональными экономическими устремлениями и тем фактом, что политически она коренится в отдельных национальных государствах. При этом с самого начала обреченные на неудачу попытки конкретных государств преодолеть это противоречие всего лишь подтверждают фундаментальную логику системы. При нынешней ситуации в мире, когда одно капиталистическое государство обладает фактической монополией на средства массового уничтожения, у этого государства появляется непреодолимое желание попытаться захватить всеобъемлющее господство и превратиться в *de facto* глобальное государство, управляющее мировой экономикой. Как заметил известный философ — марксист Иштван Мешарош (Istvan Meszaros) в своей работе *Socialism or Barbarism?* («Социализм или варварство?»), написанной, что примечательно, до того, как Джордж У. Буш стал президентом: «Сегодня на карту поставлен не контроль над отдельно взятой частью планеты — какой бы обширной она ни была,— при котором отдельных соперников все еще терпят, хотя и ставят в невыгодное положение, а контроль тотальный, осуществляемый одной гегемонистской экономической и военной сверхдержавой с помо-

щью всех доступных ей средств, даже в высшей степени авторитарных, а при необходимости и военных»¹⁵.

Беспрецедентные опасности, которые несет с собой такая ситуация, проявляются в двойном катаклизме, к которому в настоящий момент катится мир: распространение ядерного оружия и связанное с этим возрастание вероятности развязывания ядерной войны и планетарная экологическая катастрофа. Это наглядно демонстрируется отказом администрации Буша подписывать Всеобъемлющий договор о запрете ядерных испытаний, предусматривающий ограничение разработки ядерных вооружений, и ее нежеланием ставить подпись под Киотским протоколом, представляющим собой первый шаг к контролю над глобальным потеплением. Как заявлял Роберт Макнамара (Robert McNamara), бывший министр обороны США в администрации Кеннеди и Джонсона: «США никогда не поддерживали политику «отказа от первого удара», во всяком случае, те семь лет, пока я был министром. Мы были готовы и готовы сейчас применить ядерное оружие первыми по решению одного человека, президента, против противника, как обладающего ядерным оружием, так и не обладающего ядерным оружием, в любой момент, когда сочтем, что такой шаг отвечает нашим интересам»¹⁶. Страна, обладающая самыми большими обычными вооруженными силами и готовая использовать их в одностороннем порядке ради увеличения своей глобальной власти, располагает одновременно самыми крупными ядерными вооружениями и готова использовать их, как только посчитает это необходимым, поставив тем самым весь мир на грань гибели. Страна, которая больше всех

других способствует росту выброса двуокиси углерода в атмосферу, ведущему к глобальному потеплению (выброс американских промышленных предприятий составляет приблизительно четверть мирового выброса), стала самым большим препятствием в борьбе с глобальным потеплением и растущими мировыми экологическими проблемами, увеличивая возможность коллапса самой цивилизации в случае, если нынешняя тенденция продолжится.

США стремятся осуществлять суверенную власть над всей планетой в момент, когда глобальный кризис расширяется: наблюдается экономическая стагнация, усиливается поляризация между глобальными богатыми и глобальными бедными, налицо ослабление американской экономической гегемонии, растущая ядерная угроза и углубляющееся ухудшение экологической обстановки. В результате происходит обострение глобальной нестабильности. В мире появляются другие потенциальные силы, такие как Европейский союз и Китай, который в конечном итоге может бросить вызов мощи США, сначала в своем регионе, а там и глобально. Революции в третьем мире, вовсе не сошедшие на нет, опять начинают набирать силу. Примером тому служит боливарская революция в Венесуэле под предводительством Хуго Чавеса. Попытки США ужесточить свою хватку на Среднем Востоке с его нефтяными запасами наталкиваются на отчаянное и, по-видимому, непреодолимое сопротивление в Ираке. Создаются условия имперского перенапряжения. США размахивают своим ядерным арсеналом и отказываются поддерживать международные соглашения о контроле над таким оружием, поскольку это ограничивает их собственную мощь, тогда как распространение ядерного

оружия продолжается. Новые страны, вроде Северной Кореи, вступают в «ядерный клуб», или от них можно ожидать и такого шага. Теперь стало общепризнанной реальностью, что империалистические войны в третьем мире вызывают ответную террористическую реакцию, которая заставляет ожидать новых террористических атак в Нью-Йорке, Лондоне и других местах. Такие необъятные и накладывающиеся друг на друга исторические противоречия, которые коренятся в составном и неравномерном развитии глобальной капиталистической экономики, вместе с походом США за планетарное господство, предопределили наступление самого опасного периода в истории империализма.

Курс, которому следуют США и мировой капитализм, ведет к глобальному варварству — или к чему-то еще худшему. И все же важно напомнить, что ничто в развитии человеческой истории не бывает неизбежным. Всегда остается альтернативный путь — глобальная борьба за гуманное, демократическое и устойчивое общество. Классическое название такого общества — «социализм». Такое возобновление борьбы за мир, в котором существует настоящее равенство, должно начаться с выступления против самого слабого звена системы и в то же время за разрешение самых насущных мировых проблем — с организации глобального движения сопротивления новому откровенному империализму.

Глава 1

ПОСЛЕ АТАКИ... ВОЙНА С ТЕРРОРИЗМОМ

Ноябрь 2001 года

Мало что можно сказать внятного относительно террористической атаки 11 сентября на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и на Пентагон в Вашингтоне, кроме того, что это были акты совершенно бесчеловечного насилия, которые не поддаются оправданию. Они принесли глубокую и непреходящую человеческую скорбь. Такой терроризм должен быть стерт с лица земли. Вся трудность в том, как это осуществить. Терроризм порождает контртерроризм, и США уже давно участвуют в этой смертельной игре — чаще в роли преступника, чем жертвы.

Стратегия ответного удара в форме глобальной войны с терроризмом, которую взяли на вооружение США и которая уже начала осуществляться с 7 октября военным ударом по Афганистану, несомненно, продлит трагедию на месяцы и годы. По этой причине теперь, как никогда, важно, чтобы общественность знала правду о милитаризме и империализме США, а также о том, какую роль в сокрытии правды от населения страны играет пропаганда.

МИЛИТАРИЗМ И АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

То, что США являются доминирующей глобальной империей — современным Римом,— совершенно очевидно. Начиная с 1940-х годов США включились в борьбу за сохранение и даже расширение своих позиций как самой первой военной, экономической и политической силы в мире. В настоящее время военные расходы США составляют более одной трети всех военных расходов в мире. США — ведущий в мире продавец вооружений. И они сеяли смерть и разрушения среди населения большего числа стран земного шара, чем любая другая страна за период после окончания Второй мировой войны.

Достаточно вспомнить, что с 1945 года США прибегали к военной силе свыше семидесяти раз, не считая неисчислимых карательных операций ЦРУ. Только на Ближнем Востоке и в исламском мире за последние двадцать лет вооруженные силы США:

- сбивали ливийские реактивные самолеты в 1981 году;
- направляли в 1982 году военный персонал и вооружение на Синай в качестве участника многонациональных сил;
- направляли морскую пехоту в Ливан в 1982 году;
- посылали в Египет электронный разведывательный самолет AWACS для ведения разведки против Ливии;
- использовали в 1984 году AWACS для оказания помощи Саудовской Аравии в борьбе с иранскими реактивными истребителями в Персидском заливе;

- выпускали ракеты и сбрасывали бомбы на Ливию в 1986 году;
- сбивали ливийские истребители в 1989 году;
- эскортировали кувейтские нефтеналивные танкеры во время ирако-иранской войны;
- вели войну в Персидском заливе против Ирака в 1991 году;
- на протяжении последнего десятилетия многократно выпускали ракеты и наносили бомбовые удары по Ираку;
- проводили военные маневры в Кувейте (против Ирака) в 1992 году;
- размещали военный контингент в Сомали в 1992 году;
- уничтожили один из немногих фармацевтических заводов в Судане, нанеся по нему ракетный удар в 1998 году;
- выпустили шестьдесят ракетных зарядов с касетными бомбами против Усамы бен Ладена в Афганистане в 1998 году;
- в 2001 году начали боевые действия в Афганистане¹.

Во время войны в Персидском заливе было убито больше ста тысяч иракских мирных граждан и не менее полумиллиона детей умерли в результате санкций, наложенных США после окончания войны. Поддержка, оказываемая США Израилю ежегодно в форме миллиардов долларов военной помощи, вместе с отказом умерить территориальные аппетиты Израиля сделали США участником войны террора против народа Палестины.

Чем объясняется эта империалистическая активность? Со времен Второй мировой войны капита-

лизм США зависел от огромных вливаний на военные расходы, как для поддержки его имперских интересов за рубежом, так и для укрепления его экономики. С этой точки зрения развал Советского Союза имел для правящих классов США как негативные, так и позитивные последствия. Каким образом можно было оправдывать гигантский военный бюджет в сотни миллиардов долларов ежегодно после исчезновения «империи зла»? С этим же был связан и возрастающий нажим на экономику США со стороны конкурирующих капиталистических стран, которые, как правило, подчиняли свои интересы интересам США во имя широкой коалиции времен «холодной войны».

Таким образом, в годы, следовавшие за падением Советского Союза, правящие классы США искали замену «холодной войне», с помощью которой можно было бы оправдывать империалистические планы. Обсуждались разные предложения: война с терроризмом; борьба с «государствами-преступниками»; «столкновение цивилизаций» (ислам и Китай против Запада, как предлагал Сэмюэль Хантингтон); война с мировой наркоторговлей; гуманитарная интервенция — все это до сих пор считается неудовлетворительным, но достаточным, чтобы оберегать бюджет от резкого сокращения после «холодной войны». Но повезло, не было бы счастья, да несчастье помогло: в 1990 году Саддам Хусейн начал агрессию в Кувейте. Однако быстрое поражение иракской армии в Персидском заливе было настолько полным и настолько сокрушительным, что Хусейна уже нельзя было использовать как достаточное оправдание военным вмешательствам во всех уголках мира. Вот как в 1991 году обозначил эту проблему генерал

Колин Пауэлл: «Подумайте сами. У меня больше нет демонов. У меня нет больше злодеев»².

Не приходится сомневаться, что в коридорах власти в Вашингтоне это считалось неразрешимой проблемой. Всего за несколько недель до того, как были написаны эти строки, создавалось впечатление, будто предложение президента Буша увеличить военные расходы путем создания противоракетной оборонительной системы (отказавшись от договора по ПРО, выработанного вместе с Советским Союзом) встретит в Конгрессе жесткую оппозицию — хотя большая часть программы Буша все-таки была в конце концов одобрена, потому что и Республиканская и Демократическая партии постоянно поддерживали наращивание военных расходов.

Террористическая атака на Всемирный торговый центр и Пентагон изменила все. США ведут дело к тому, что называют сейчас первой войной тысячелетия. Для страдающей от экономической стагнации и растущей неопределенности Уолл-стрит единственной хорошей новостью является то, что буквально за ночь военные расходы США взвились до небес и что в ближайшее время следует ожидать нового увеличения, отчего акции военных подрядчиков взмоют еще выше.

Невзирая на шок и ужас, вызванные террористическими атаками, правящий класс США ухватился за это событие как за непосредственную возможность начать новый всемирный крестовый поход, приближающийся к масштабам «холодной войны», и, не теряя времени, принялся раздувать пламя войны. Милитаристский ответ на террористические атаки был увековечен в главной речи президента Буша, с которой он обратился к нации 20 сентября 2001 го-

да. Он обвинил Усаму бен Ладена и его террористическую сеть за эти нападения и выступил с угрозами правительству талибов в Афганистане, предупредив его, что оно также является целью ударов возмездия за предоставление врагу США убежища. Но на этом он не остановился. Он также объявил, что «тысячи этих террористов находятся на территории более шестидесяти стран... Теперь каждая страна в каждом регионе должна принять решение, либо вы с нами, либо вы с террористами. С этого дня любая страна, которая продолжает предоставлять убежище или помогать террористам, будет рассматриваться США как враждебный режим». США втягивались в «длительную кампанию, каких мы еще не видели» и которая будет включать впечатляющие военные удары и тайные операции. Будут использоваться сухопутные силы, и следует ожидать потерь. США будут использовать «любое необходимое оружие войны» (в этом заявлении намеренно не исключалось использование ядерного оружия) против этих врагов. «Господь,— воскликнул Буш,— не нейтрален»,— напомнив знакомое христианское представление о воздаянии грешникам.

Но за этой речью скрывается еще более страшная реальность. Конгресс (при единственном голосе против Барбары Ли, конгрессмена от штата Калифорния) вернул президенту полномочия не только вести по своему усмотрению непонятную войну, но также определять, кто является врагом, и это уже распространяется на весь мир. Буш с его администрацией четко и ясно заявили, что войну нужно вести и что она должна вестись против целых стран (это легче, чем искать террористов). Тем не менее общественность в США все еще остается в неведении, кто такие

эти враги, не считая Усамы бен Ладена и «Талибан» в Афганистане, или куда еще американская армия нанесет следующий после Афганистана удар. Таким образом, выступление Буша создает базу для серии военных интервенций, не имеющих географических границ или морального ограничения на применение любого оружия и без каких-либо пределов числу и характеру противника, с которым предстоит вести войну. Кроме того, это план значительного расширения федеральных полномочий по поддержанию внутренней безопасности, для чего будет создано Управление внутренней безопасности (Office of Homeland Security).

Возможно, что со временем правящий класс США решит ряд этих проблем: масштабы милитаризации; число стран, против которых будет вестись эта война и вводиться ограничение свободы граждан США. Возможно, союзники будут оказывать нажим, требуя сдерживать милитаризм. Но это второстепенные вопросы. Как представляется, властная элита США оказывает безоговорочную поддержку глобальному расширению роли вооруженных сил США и жестким репрессалиям в ответ на атаки. Не приходится сомневаться, что мир стоит перед тем, что Иштван Мешарош в своей книге «Социализм или варварство?» назвал «потенциально самой смертельно опасной фазой империализма», являющейся результатом глобального распространения имперской власти США³.

ПРОПАГАНДА ИМПЕРИИ⁴

Главную напряженность в капиталистическом обществе, ограниченном всеобщим избирательным пра-

вом, создает проблема, как примирить неэгалитарную экономику с формально эгалитарной политической системой. Для стоящих у власти это — извечная проблема: как удержать неимущее большинство от попыток сократить привилегии кучки богатых. В условиях демократии решение проблемы с помощью применения грубой силы может иметь место только во время кризиса системы. Обычно же решение должно быть найдено в области идеологии или пропаганды. Главное — деполитизировать массы или так запутать их, чтобы они даже не подумали действовать в своих интересах.

Проблема возрастает еще больше, когда демократическое капиталистическое общество — одновременно еще и крупная империя. Массу населения нужно убедить, чтобы она согласилась оплачивать расходы империи, несмотря на то что выгоды, которые может это приносить, трудно объяснить. И когда наступает неизбежная война, нужно убедить массы сражаться и умирать за империю. В условиях демократии честное и откровенное разъяснение целей и природы империализма оборачивается эффектом бумеранга, и результат оказывается прямо противоположным желаемому. Поэтому в Англии империю оправдывали великодушным несением «бремени белого человека». А в США империализма не существует и в помине: «мы» просто защищаем дело свободы, демократии и справедливости во всем мире.

Как показывает время, заручиться в США поддержкой общественности войн за рубежом — дело трудное. С конца XIX века правительство США не раз настойчиво старалось убедить граждан в необходимости вступления в войну. В таких случаях, как

Первая мировая война, Корея, Вьетнам и война в Персидском заливе, правительство проводило изощренные пропагандистские кампании, имевшие целью довести население до истерии. В то время истеблишмент очень хорошо понимал — и это подтвердила история, — что правительству необходимо лгать, чтобы заручиться поддержкой своим воинственным планам. В каждом из этих случаев система средств массовой информации показала себя как превосходный орган пропаганды милитаризма и империи.

Об этом нужно помнить, чтобы понять содержание средств массовой информации после 11 сентября. Опыт истории говорит о том, что нам следовало ждать лавины лжи и полуправд в интересах власти, и это именно то, что мы и наблюдаем. Средства массовой информации США, которые ничего не любят так, как хвалить себя за независимость от государственного контроля, даже глазом не моргнули, как стали неприкрытыми агентами милитаризма и империалистической пропаганды.

Единственный путь понять масштабы пропагандистского артобстрела — задать себе вопрос, как среагировало бы на события, подобные 11 сентября, истинно демократическое общество с подлинно независимой и свободной прессой. В моменты кризиса демократическая система средств массовой информации нуждается в воспроизводстве фактической информации по всем животрепещущим вопросам. Она нуждается в скептическом подходе к тем, кто стоит у власти, и к тем, кто хотел бы встать у власти. И она нуждается в том, чтобы создавать базу для широкого обсуждения предложений о способах преодоления кризиса, включая разъяснение историче-

ских предпосылок и исторического контекста событий, чтобы граждане могли разбираться в проблемах и определять наилучшие пути их решения. Такая свободная пресса «служила бы управляемым, а не правителям», как однажды выразился судья Верховного суда Хуго Блэк.

Несмотря на внезапность и ужасающий характер нападения, в средствах массовой информации США в течение недель после 11 сентября не появилось ничего такого, что следовало бы ожидать от свободной и независимой прессы.

Совсем наоборот, средства массовой информации создавали поистине манихейскую картину: щедрая и великодушная страна подверглась зверскому нападению безумных злодеев террористов, которые ненавидят США за ее свободу и богатый образ жизни. США должны немедленно увеличить вооруженные силы и расширить тайные операции, найти оставшихся в живых преступников и истребить их, а затем подготовиться к длительной войне за искоренение раковой опухоли терроризма и уничтожить ее. Те, кто не помогают США в их кампании за справедливое возмездие — а по логике это и внутренние и международные элементы, — будут считаться соучастниками преступления, и им не миновать той же судьбы.

Причины такого в высшей степени искаженного освещения событий вовсе не в том, что существует некий заговор, а в низком уровне профессионализма современной журналистики в США и в том, что очень небольшое число очень больших и могущественных корпораций, занятых получением прибыли, осуществляют контроль над нашими основными средствами массовой информации.

Профессиональный журнализм зародился около ста лет назад, к жизни его вызвала потребность монополистов — владельцев газет предлагать публике правдоподобный «беспартийный» журнализм, чтобы не дискредитировать предприятия своего бизнеса. Стремясь избежать партийной окраски, профессионализм превращает официальные или достоверные источники в основу для информационных материалов. Такой подход придает новостям предвзятый характер. Репортеры сообщают то, что говорят и что обсуждают те, кто стоит у власти. Когда журналистика пишет о том, что говорит и что обсуждает элита, она профессиональна. Когда она выходит за границы обсуждаемого в официальных кругах, чтобы показать альтернативную точку зрения, она перестает быть профессиональной. Большинство журналистов настолько вжились в роль стенографов официальных источников, что уже не видят в этом проблемы для демократического общества.

Помимо опоры на официальные источники, важную роль играют эксперты, особенно при написании сложных материалов вроде настоящего. Как и источники, эксперты привлекаются исключительно из истеблишмента, если учесть, что их главная цель отразить консенсус, царящий среди власть имущих. Со времени 11 сентября эксперты-аналитики черпались по преимуществу из представителей военного и разведывательного сообществ и близких к ним людей, в интересы которых, естественно, входило навязать версию военных, которая редко проверялась или ставилась под сомнение. Поскольку между демократами и республиканцами практически никаких дискуссий по поводу информационного реагирования не велось, версия военных была просто принята

в качестве единственной. Так и не был задан совершенно очевидный вопрос, который должен был бы быть на языке у любого уважающего себя журналиста: на каких основаниях мы должны поверить тому, что проблему решит выделение новых десятков миллиардов на военных и ЦРУ и тем самым людям, которые не сумели предотвратить атаку 11 сентября, располагая своим текущим заоблачным бюджетом?

Вполне возможно, что в последующие недели и месяцы в среде элиты развернутся более широкие дискуссии. Вполне возможно, что некоторые займут «либеральную» или «интернационалистскую» позицию, которая сводится к тому, что США следует притормозить несущиеся на всех парах милитаризм и ультрапатриотизм, так как в отдаленной перспективе это может оказаться вредным для долговременных целей США на Ближнем Востоке и на мировой арене. Те, кто примут эту позицию, неизбежно станут говорить, что США нужно завоевать «сердца и умы» потенциальных противников, используя для этого более тонкие мирные способы и дополняя ими несравнимые военные. Но фундаментальные вопросы определенно останутся неразрешенными. Не будет поставлена под сомнение роль военных как главного источника силы. Не подвергнется сомнению представление о том, что США единственный в мире благодетель. Неоспоримой останется посылка, согласно которой США, и только одни США, имеют право, если только они не передадут это право другой стране, например Израилю, осуществлять по своей прихоти интервенцию в любую страну и выбирать время по своему желанию. И любая обеспокоенность по поводу того, что какие-нибудь военные действия США нарушат международное право, что совершенно оп-

ределенно случится, возникнет не из принципиальных соображений, а только потому, что интересам США может повредить, если другие государства сочтут их нарушителями этого права. Здесь следует вспомнить, как в 1960-х и 1970-х годах газеты подавали интервенцию США во Вьетнаме. Со времени, когда США начали широкое наземное вторжение в 1965 году, до конца 1967-го или начала 1968 года информационные сообщения были классическим примером «большой лжи». Война — это большое доброе дело и необходима для укрепления свободы и демократии, и те, кто выступал против нее, шельмовались, объявлялись маргиналами, их выступления искажались или игнорировались. К 1968 году газеты стали подавать антивоенную позицию несколько мягче. Освещая нарастающую в обществе оппозицию войне, газеты излагали материалы об этом, отражая по большей части наметившиеся к этому моменту расхождения в элите: некоторые деятели на Уолл-стрит и в Вашингтоне пришли к пониманию, что война обходится слишком дорого и начинает угрожать росту прибылей, а потому стали высказываться за выход из нее. То, что писалось в газетах, не выходило за рамки суждений, высказываемых элитой. США по-прежнему имели несомненное право вторгаться в любую страну. Спорным считался вопрос, можно ли считать вторжение во Вьетнам должным употреблением силы. Никто и не пытался поставить вопрос о моральной стороне вторжения, хотя опросы общественного мнения показывали, что мысль о его аморальности не была редкой в массе населения страны.

Другим слабым местом журналистики истеблишмента является боязнь объяснять причинно-следст-

венные связи. Причина здесь в том, что приведение вразумительного контекста и описание конкретных обстоятельств события, если это подается соответствующим образом, вынуждает журналиста занять определенную позицию и стимулирует свободное и открытое обсуждение, от которого профессиональный журнализм решительно уклоняется. В результате складывается картина, при которой о проблемах, получающих в прессе широкое освещение, вроде Ближнего Востока, население США оказывается осведомленным столь же, если не менее, сколько о вещах, которым в средствах массовой информации отводится гораздо меньше места. Журналистика скорее вносит путаницу, провоцирует рост цинизма и безразличия, чем способствует пониманию происходящего и зовет к активному действию. Освещение событий больше похоже на лавину разрозненных фактов — идеальный рецепт паралича. Если профессиональный журнализм и позволяет себе некий анализ происходящего, то только в поддержку посылок, выдвигаемых элитой.

Характерное для журналистики после 11 сентября отсутствие попыток проанализировать события было, как на это ни смотреть, совершенно невероятным. Публиковались бесчисленные подробности об Усаме бен Ладене и его террористической сети и бесконечные рассуждения о факторах, которые могут повлиять на успех или неуспех предстоящего военного вторжения в Афганистан, обо всем остальном говорилось вскользь и глухо. Вдумайтесь. Никто даже не пытался разобраться в том, а не играют ли США роль подлинного главного террориста в мире? В 1998 году, например, *Amnesty International* опубликовала доклад, из которого явствовало, что США, как

никакое другое правительство на земном шаре, несет ответственность за невообразимые нарушения прав человека, в том числе пытки, терроризм и применение силы⁵. Большинству населения США неведома роль, которую США играли в поддержке продажных режимов в Саудовской Аравии и Кувейте, и ужасающая картина того, как США помогают и финансируют израильские нападения на палестинцев. Почти никогда не упоминается и уже вовсе не становится предметом обсуждения информация о том, что Усама бен Ладен получал через Пакистан помощь от ЦРУ для ведения в Афганистане войны без правил против Советов. Мало кому в США известно из средств массовой информации, что ислам и арабский мир — это одно и то же, распространяется только крайне упрощенное представление о разнице между «умеренными государствами» и «исламскими экстремистами».

Корпорации средств массовой информации США существуют вне поля действия морального кодекса журналистики, они живут в институциональном мире, который считает естественной поддержку империи США. Эти гигантские фирмы относятся к числу тех, кто в первую очередь выигрывают от неолиберальной глобализации (их прибыли за пределами США быстро увеличиваются) и той роли, которую играют США в качестве самой могущественной мировой державы. Не случайно правительство США выступает первым адвокатом глобальных медиафирм, когда ведутся переговоры о торговых соглашениях и интеллектуальной собственности. В теории эти фирмы могли бы предоставлять информацию, которая помогала бы понять, что вооруженные силы и капитализм США — вовсе не благодетели мира, но на практике такое невероятно.

В целом правительство, военные и корпоративные средства массовой информации делают все, чтобы убедить народ в необходимости, неизбежности и полезности войны с терроризмом почти без границ, которая проводилась бы самыми большими военными силами на планете. Им требуется широкая поддержка в массах, но сказать простую, неприукрашенную правду они не могут. Значительная часть населения США, к его чести, проявляет скептицизм относительно такого милитаристского разгула, и поэтому необходимо продолжать вести пропаганду.

Для тех, кто в этой тревожной обстановке выступает против милитаризма и империализма США и отстаивает мир, есть совершенно отчетливая перспектива действий. Нам нужно разоблачать империалистическую ложь и создавать широкую коалицию, способную остановить военную кампанию. Если мы заколеблемся и вашингтонские милитаристы не будут остановлены, то, как нас учит история, цена, которую за это платит человечество, будет расти и оплачиваться главным образом кровью невинных людей в самых бедных и самых жестоко эксплуатируемых регионах мира.

ГЛАВА 2

ИМПЕРИАЛИЗМ И «ИМПЕРИЯ»

Декабрь 2001 года

Всего только месяц с небольшим назад, еще до 11 сентября, мы писали о том, что массовые выступления против капиталистической глобализации, произошедшие еще в ноябре 1999 года в Сиэтле, до сих пор продолжают набирать силу. О чем свидетельствуют события июля 2001 года в Генуе. Эти события обнажили противоречия капиталистической системы с такой силой, какой не наблюдалось многие годы. Но характерным для этих выступлений было то, что никто не вспоминал о концепции империализма, вместо этого все говорили о глобализации, которая подразумевает, что самые худшие формы международной эксплуатации и соперничества, похоже, пошли на убыль.

Пример все более модного среди левых подхода к проблеме глобализации, который оказывается не менее привлекательным и для правящих классов, если судить по вниманию, уделяемому ей средствами массовой информации, мы находим в новой книге Майкла Хардта и Антонио Негри *Empire* («Импе-

рия»). Она была опубликована в прошлом году издательством *Harvard University Press* и превознесена до небес в таких изданиях, как *New York Times*, журнал *Time* и *London Observer*, после чего Хардта пригласили выступить в популярнейшем *Charlie Rose Show*, а затем написать большой материал для *New York Times*. Суть комментария сводилась к мысли, что под влиянием информационной революции мировой рынок проходит процесс глобализации в таких масштабах, что национальные государства уже не в состоянии влиять на него. Суверенитет национальных государств себя изжил, на его место приходит новое глобальное суверенное образование, или «империя», созданная путем соединения «ряда национальных и сверхнациональных организмов, объединенных единой логикой управления и без отчетливой интернациональной иерархии»¹.

Ограниченность места не позволяет мне проанализировать все аспекты этого тезиса. Остановлюсь только на одном: на предполагаемом исчезновении империализма. Термин «империя» у Хардта и Негри не имеет отношения к империалистическому господству центра над периферией, а означает всеобъемлющую сущность, не признающую вне себя никаких территориальных рамок или границ. «В период расцвета, — пишут они, — империализм действительно представлял собой распространение суверенитета европейских национальных государств за пределы их собственных границ»². В этом смысле империализм, или колониализм, умер. Но Хардт и Негри провозглашают мертвым и новый колониализм — экономическое господство и эксплуатацию других стран промышленно развитыми без установления над ними прямого политического контроля.

Они утверждают, что все формы империализма, насколько они связаны с ограничением или сдерживанием объединяющей тенденции мирового рынка этим самым рынком, обречены на умирание. Таким образом, империя — это «одновременно постколониальное и постимпериалистическое образование»³. Нам говорят, что «империализм — это машина глобального создания артерий для канализирования потоков капитала, их кодификации и привязки к конкретной территории. При этом какие-то потоки блокируются, другие, наоборот, получают поддержку. Мировой рынок, напротив, требует для себя неразделенного пространства для некодифицированного и не знающего территориального разделения потоков капитала... империализм убил бы капитал, если бы его не удалось преодолеть. Полная реализация мирового рынка с неизбежностью ведет к концу империализма»⁴.

Представления о центре и периферии, по утверждению этих авторов, утратили всякий смысл. «Благодаря децентрализации производства и консолидации мирового рынка, международное разделение труда и потоки рабочей силы и капиталов раздробились и умножились, и теперь больше не удастся провести разделение больших географических зон на центр и периферию, Север и Юг». Больше нет «различий по существу» между США и Бразилией, Великобританией и Индией, разве только в «степени развитости»⁵.

Империализм США перестали преподносить как главную силу в сегодняшнем мире. «США,— пишут они,— не являются центром какого-то империалистического проекта, и, в сущности, таковым не может быть никакое национальное государство. Империа-

лизм остался в прошлом. Ни одно государство не будет мировым лидером, каким были европейские державы⁶. «Вьетнамскую войну,— заявляют Хардт и Негри,— можно считать последним эпизодом империалистической политики и, таким образом, поворотным пунктом в переходе к новому режиму Конституции»⁷. Переход к новому глобальному конституционному режиму демонстрирует война в Персидском заливе, во время которой США выступили «как единственная держава, способная осуществлять международное правосудие *не в качестве функции, определяемой собственными национальными мотивами, а в качестве глобального права*. ...Мировая полиция США действует не в империалистических интересах, а в интересах имперских (то есть в интересах устранения границ внутри империи). В этом смысле война в Персидском заливе действительно, как и сказал Джордж Буш, провозгласила рождение нового мирового порядка»⁸.

Империя, как назвали этот новый мировой порядок,— продукт борьбы за суверенитет и конституционализм на глобальном уровне в век, когда стал возможным новый джефферсонизм — экстраполяция конституционных форм США на глобальную сферу. Эти авторы отрицают, что на локальном уровне происходит борьба против империи как таковой, они полагают, что борьба теперь идет просто по поводу того, какую форму примет глобализация, и вокруг вопроса о том, в какой степени эта империя сможет выполнить обещание и осуществить «глобальное распространение положений внутренней Конституции США»⁹. Тем самым они как бы поддерживают выступления «множества против империи», то есть борьбу множества за право быть автономны-

ми политическими субъектами, но это может происходить, утверждают они, только в рамках «онтологических условий, которые предоставляет империя»¹⁰.

На этом покончим с нынешними модными взглядами. Я бы предпочел смотреться решительно немодным автором. В пику «Империи» новая книга Иштвана Мешароша «Социализм или варварство?» во многих отношениях устарела — даже для левых¹¹. Он не обещает новому универсализму никакого наращивания потенции, проистекающей из процесса капиталистической глобализации, если только это будет протекать в правильной форме, он утверждает, что увековечение системы, в которой господствует капитал, гарантировало бы прямо противоположное: «Несмотря на насильственную «глобализацию», неизлечимо чудовищная система ни в каком смысле этого термина структурно несовместима с универсальностью... в социальном мире не может быть универсальности без существенного равенства»¹².

По Мешарошу, правление капитала лучше всего понять, представив его как процесс обмена, аналогичный процессу метаболизма в живом организме. Другими словами, в нем нужно видеть комплекс отношений. Чего бы капитализм ни добился в смысле «горизонтальной» либерализации, все это будет сведено на нет «вертикальной» системой управления, что всегда составляет решающий момент. Этот доминирующий антагонизм означает, что «капиталистическую систему нужно представлять себе как джунгли противоречий, с которыми какое-то время можно *справляться*, но никогда не удастся *преодолеть*»¹³. К числу принципиальных противоречий, которые в рамках капиталистической системы непреодолимы, следует отнести: 1) производство и

контроль; 2) производство и потребление; 3) конкуренция и монополии; 4) развитость и неразвитость (центр и периферия); 5) мировая экономическая экспансия и межкапиталистическое соперничество; 6) накопление и кризис; 7) производство и разрушение; 8) господство над трудом и зависимость от труда; 9) занятость и безработица; 10) рост производства любой ценой и разрушение окружающей среды¹⁴. «Ни одно, даже единственное, из этих противоречий, не говоря уже об их сложно переплетенной ткани,— замечает Мешарош,— преодолеть невысказанно, не создав радикальной альтернативы капиталистическому способу контроля над социальным метаболизмом»¹⁵.

Согласно этому анализу, период исторического возвышения капитализма завершился. Капитализм распространился по земному шару, но в большинстве районов мира создал только анклавов капитала. Многообещающей перспективы, что неразвитые страны догонят в экономическом отношении развитые капиталистические или что в большинстве стран периферии добьются хотя бы устойчивого экономического и социального подъема, не осталось и в помине... По всему миру условия жизни для большинства рабочих ухудшаются. Затянувшийся структурный кризис системы, который начался в 1970-х годах, не дает капиталу даже временно эффективно преодолеть свои противоречия. Вливания со стороны государства больше не могут служить ускорителем развития системы. Отсюда «разрушительная бесконтрольность» — все заметнее и заметнее проявляются последствия разрушения прежних социальных отношений и неспособность системы найти им некую существенную замену¹⁶.

В центре рассуждений Мешароша лежит утверждение, что в настоящий момент мы живем во времена «потенциально самой опасной фазы империализма» (так называется вторая глава его книги). Он говорит, что империализм проходит три очевидные исторические стадии: 1) ранний современный колониализм; 2) классическую стадию империализма, описанную Лениным; и 3) стадию глобального гегемонического империализма, при котором США выступают в роли его доминирующей силы. Третья фаза начала консолидироваться после Второй мировой войны, но сделалась «резко выраженной» с наступлением структурного кризиса капитализма в 1970-е годы¹⁷.

В отличие от других аналитиков Мешарош утверждает, что гегемония США не закончилась в 1970-х, хотя США переживали тогда, по сопоставлению с 1950-ми годами, ослабление своих экономических позиций в сравнении с другими ведущими капиталистическими государствами. Правильнее было бы сказать, что 1970-е годы, с момента отказа администрации Никсона от золотого стандарта, знаменовали развертывание намного более решительного похода США за установление их глобального превосходства в экономической, военной и политической области, чтобы утвердиться в качестве заместителя глобального правительства.

На данной стадии глобального развития капитала, как утверждает Мешарош, «больше невозможно не видеть фундаментального противоречия и структурной ограниченности системы. Эта ограниченность проявляется в серьезнейшей неспособности создать государство капиталистической системы в дополнение к транснациональным устремлениям и

риторике». Здесь-то «США делают опаснейшие шаги к принятию на себя роли государства капиталистической системы как таковой, всеми доступными им способами и средствами подминая под себя другие конкурирующие с ними державы», и действительно приближаются к тому, чтобы стать почти «государством системы капитала»¹⁸.

Но, сумев приостановить ослабление своих относительных экономических позиций по сравнению с другими ведущими капиталистическими государствами, США в то же время оказались неспособными добиться достаточного научного превосходства, чтобы взять на себя управление мировой системой, которая, что бы там ни говорили, такому управлению не поддается. Поэтому для установления глобального превосходства они полагаются на свою колоссальную военную мощь¹⁹. «Сегодня,— пишет Мешарош,— речь идет не о контроле над какой-то частью планеты — сколь бы велика она ни была,— ставя некоторых конкурентов в невыгодное положение, но все-таки проявляя терпение к их независимым действиям, а о контроле тотальном, осуществляемом одним гегемоном, экономической и военной супердержавой, с применением любых доступных ей средств, даже самых крайних авторитарных, а при необходимости и самых грубых военных. Конечная рациональность глобально развитого капитала — это тщеславная попытка взять под контроль непримиримые антагонизмы. Беда в том, однако, что такая рациональность, которую можно обозначать без кавычек, поскольку она на деле соответствует логике капитала на сегодняшней исторической стадии глобального развития, в то же время представляет собой крайнюю в истории иррациональность, включая на-

цистскую концепцию мирового господства, если говорить об условиях, необходимых для выживания человечества»²⁰.

Утверждения, что сегодняшний империализм в лице прежде всего США, в силу незначительного прямого военного контроля над иностранными территориями, в некоторой степени ослаблен, свидетельствуют просто о непонимании того, перед какими проблемами мы оказываемся. Как указывает Мешарош, европейский колониализм действительно оккупировал только небольшую часть территории периферии. Ныне средства иные, а глобальные притязания империализма даже возросли. США в настоящее время оккупируют иностранную территорию в форме военных баз приблизительно в шестидесяти странах — их число продолжает расти. Далее, «невиданное возрастание разрушительной силы военного арсенала сегодня — особенно катастрофического потенциала воздушного оружия — в определенной степени модифицировало формы навязывания империалистического диктата стране, которую намереваются подчинить (сухопутные войска и прямая оккупация требуются в меньшей степени), но сущность, содержание остается прежним»²¹.

С распадом Советского Союза и окончанием «холодной войны» империализму понадобилось сменить одежды. Старые способы оправдания интервенции больше не работают. Саддам Хусейн, как отмечает Мешарош, предоставил такую новую возможность, но только ненадолго. Даже в этом случае США были вынуждены прибегнуть к новому оправданию своих военных авантур под видом мирового альянса в интересах глобального права, хотя и тогда США выступили в роли и судьи и палача.

Среди тревожных сигналов, на которые указывает «Социализм и варварство?», мы видим: невообразимо число жертв среди мирного населения в Ираке за время войны в Персидском заливе и гибель более чем полумиллиона детей в результате санкций, наложенных на Ирак после войны; военное нападение на Балканы и оккупация региона; расширение НАТО на Восток; новая политика США использования НАТО в качестве наступательной военной силы, которая может заменять ООН; попытки США вести курс на ограничение и подрыв ООН; бомбардировку китайского посольства в Белграде; развитие направленного против Китая Японо-американского договора о безопасности и рост агрессивного военного противостояния в отношении Китая, который на глазах становится соперничающей с США супердержавой. В долгосрочной перспективе даже очевидную гармонию между США и Европейским союзом нельзя считать само собой разумеющейся, так как США не оставляют своих претензий на мировое господство. Решения этой проблемы в рамках самой системы на нынешней стадии развития не найти и в развитии капитала. Мешарош говорит, что глобализация сделала мировое государство императивом для капитала, но врожденный характер социального метаболического процесса капитала, требующего плюрализма, исключает такую вероятность. Таким образом, «потенциально опаснейшая стадия империализма» не может не выливаться в расширение круга варварства и разрушения, которые должны стать результатом воцарения таких условий.

Как же сегодня, после событий 11 сентября и начала в Афганистане глобальной войны против терроризма, выглядят эти две точки зрения на глоба-

лизацию (империализм) — все более *модную*, проповедующую идею глобального суверенитета (под названием «империя»), и решительно *немодную*, трактующую о «потенциально опаснейшей стадии империализма»?

Возможно, кто-то будет утверждать, что анализ, предъявленный в «Империи», подтвердился после того, как вызов зарождающейся системе глобального суверенитета бросило не национальное государство, а интернациональный терроризм из-за пределов империи. С этой точки зрения можно посчитать, что США выступают в Афганистане в роли «мировой полиции» и при этом не «следуют собственной национальной мотивации, а действуют во имя глобального права», — так объясняют Хардт и Негри действия США в войне в Персидском заливе. Именно так или приблизительно так описывает свои собственные действия Вашингтон.

Однако «Социализм и варварство?» предлагает совершенно иную интерпретацию, которая видит в империализме США главный центр террористического кризиса. Выраженная в книге точка зрения состоит в том, что террористы, атаковавшие Всемирный торговый центр и Пентагон, наносили удар не по глобальному суверенитету или цивилизации (атаковали вовсе не ООН в Нью-Йорке), еще в меньшей степени ценности свободы и демократии, которые провозглашает государство США, а целенаправленно атаковали символы финансовой и военной мощи США и тем самым *глобальную* мощь США. Какими бы непростительными и не находящими оправдания во всех отношениях ни были эти террористические акты, они составляют более широкую историю империализма США и являются попытками США уста-

новить глобальную гегемонию, особенно в историю интервенций на Ближнем Востоке. Далее, США ответили на этот вызов, не прибегнув ни к процессу глобального конституционализма, ни к простой полицейской операции, а в духе империализма, в одностороннем порядке объявив войну международному терроризму и развязав военные действия против талибского правительства Афганистана.

В Афганистане вооруженные силы США пытаются уничтожить тех самых террористов, которых своими же руками и создавали. Забыв о собственных конституционных принципах в международном масштабе, США долгое время поддерживали террористические группы всякий раз, когда это отвечало их собственным империалистическим замыслам и планам, и сами осуществляли государственный терроризм, убивая гражданское население. Вашингтон заявил, что его новая война с терроризмом может потребовать военную интервенцию во множество стран, помимо Афганистана, — Ирак, Сирию, Судан, Ливию, Индонезию, Малайзию и Филиппины, которые уже намечены как возможные места дальнейшей интервенции.

Все это, взятое вместе с охватившим мир экономическим спадом и усилившимися репрессиями в ведущих капиталистических странах, по-видимому, говорит о том, что «разрушительная бесконтрольность» все больше дает о себе знать. Империализм, озабоченный сдерживанием центростремительных тенденций, то есть увековечением развития неразвитости на периферии, взрастил терроризм, который бумерангом ударил по самому ведущему империалистическому государству, создав спираль разрушений, конца и края которой не видно.

Поскольку при капитализме глобальное правительство невозможно, но в более глобальной реальности сегодняшнего дня необходимо, утверждает Мешарош, система вынуждена прибегать к «крайним силовым решениям для того, чтобы всем миром бессрочно управляло одно-единственное империалистическое государство-гегемон... абсурдный и ненадежный способ поддержания мирового порядка»²².

Десять лет назад, после войны в Персидском заливе, редакторы *Monthly Review* Гарри Магдофф и Пол Суизи писали:

«Создается впечатление, что США втянулись в курс, который имеет серьезнейший резонанс для всего мира. Изменение — единственный определенный закон Вселенной. Изменение невозможно остановить. Если обществам (на периферии капиталистического мира) не дадут решать собственные проблемы собственными способами, они, естественно, не будут решать их способами, которые им диктуют другие. А если они не могут двигаться вперед, то неизбежно будут откатываться назад. Что и происходит сейчас в значительной части мира, и, как создается впечатление, США, самая могущественная страна, обладающая неограниченными средствами принуждения, говорит другим, что такова судьба и с этим следует под страхом уничтожения соглашаться. Альфред Норт Уайтхед, один из величайших мыслителей прошлого столетия, сказал однажды: «Я никогда не оставлял мысли, что человеческая раса может подняться до определенной точки, а затем начнется движение по нисходящей, и она никогда больше не

поднимется. Подобное произошло со множеством других форм жизни. Эволюция может идти вниз с таким же успехом, как вверх». В голову приходит беспокойная, но отнюдь не надуманная мысль, что форма и главный фактор этого движения вниз складываются перед нашими глазами, на протяжении этих завершающих лет двадцатого века.

Это, конечно, не означает, что необратимый спад неизбежен, пока он не произойдет. Но это означает, что ход событий за последние полвека, особенно за последний год, подтверждает потенциальную возможность именно этого. И это означает, что мы, американский народ, несем особенную ответственность за то, чтобы было что-то сделано, потому что это наше правительство грозит сыграть роль Самсона в храме человечества»²³.

Прошедшие десять лет только подтвердили правильность этого анализа. С любой объективной точки зрения США самая разрушительная страна на земле. После Второй мировой войны они убили и терроризировали больше любой другой страны на земле. Их употребляемая на убийства мощь кажется неисчерпаемой, они имеют все мыслимые виды вооружения. Их имперские интересы, направленные на глобальную гегемонию, практически безграничны. Отвечая на террористические атаки в Нью-Йорке и Вашингтоне, правительство США объявило войну террористам, которые проживают, по словам представителей правительства, более чем в шестидесяти странах и угрожают военными выступлениями против правительств стран, на территории которых находятся. Называя это просто первым этапом в длительной борьбе, США развязали войну в Афгани-

стане и уже пожали ужасающий урожай человеческих смертей, включая тех, кто погиб от голода из-за нехватки продовольствия.

Можно ли видеть в этих событиях что-нибудь другое, кроме расцвета империализма, варварства и терроризма, которые подпитывают одно другое, в век, когда капитализм, казалось бы, достиг пределов своего исторического роста? На что в этих условиях остается надеяться человечеству, кроме как на восстановление социализма и, в обозримом будущем, на развертывание народной борьбы с центром в США для того, чтобы помешать Вашингтону продолжить свою смертельную игру в Самсона в храме человечества. Никогда еще слова «социализм или варварство», когда-то красноречиво произнесенные Розой Люксембург, не звучали столь злободневно, как в наше время.

ГЛАВА 3

МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И НОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Январь 2002 года

Мы живем во времена, когда капитализм обрел еще более крайние формы и, как никогда, заявляет себя явлением природы, которая требует таких крайностей. Глобализация — проникновение саморегулирующегося рынка в каждую нишу и щель на теле планеты — рисуется по преимуществу его принадлежащими к истеблишменту поборниками как процесс, разворачивающийся повсеместно, спонтанно и без какого-либо центра и видимой глазу структуры власти. Как уверяла *New York Times* в своем номере от 7 июля 2001 года, повторяя ставшие модными представления, нынешняя глобальная действительность — это «текучая, беспредельно расширяющаяся и высокоорганизованная система, охватывающая население всего мира», но не имеющая каких-то привилегированных частей или «места власти»¹.

В поддержку идеи неизбежной глобальной судьбы, которая, кажется, определяет все и вся, но не обла-

дает явным двигателем изменений, привлекают даже революционную фигуру Карла Маркса. Так, Всемирный банк на первой странице своего ежегодного доклада о развитии мира за 1996 год, утверждая, что переход от планирования к рыночной экономике и стремительное продвижение неолиберальной глобализации был неизбежным естественным процессом, свободным от какой-либо стоящей за ним видимой силы, цитировал «Коммунистический манифест»: «Беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от всех других... Все застывшее разрушается, все возникающее вновь оказывается устарелым, прежде чем успеваешь окостенеть»².

Исчезли — их место заняли многоточия — имеющиеся в том же абзаце ссылки Маркса и Энгельса на «буржуазную эпоху» и их последующее замечание о том, как «потребность в постоянно расширяющемся рынке для ее расширяющейся продукции гонит буржуазию по всему земному шару».

Несомненно, преимущественной реакцией на эту атмосферу неизбежности, в которой глобализация отделяется от каких-либо внутренних движущих сил, можно объяснить то, что движение против неолиберальной глобализации предпочло преувеличить роль зримых инструментов глобализации за счет серьезного рассмотрения исторического капитализма. Радикальные диссиденты часто выбирают в качестве объектов критики Всемирную торговую организацию (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк и многонациональные кор-

порации — и даже отдельные корпорации, вроде McDonald's, но при этом лишь вскользь касаются самой системы и ее кажущихся неотвратимыми сил.

Эти две искаженные точки зрения, одна обычно поддерживает глобализацию, другая обычно выступает против, в одинаковой степени оторваны от действительности. Те, кто хочет вмешаться в эти процессы, не имеют, таким образом, реальной основы, на которой можно было бы выстроить свои действия. Оба подхода делают упор на проблеме ослабления суверенитета национального государства. Адам Смит в конце XVIII века описывал капитализм как систему, которая уничтожает всякую потребность в существовании суверенной власти в царстве экономики, заменяя зримую руку абсолютистского или меркантилистского государства незримой рукой рынка. «Монарх, — писал он, — полностью освобождается от обязанностей», связанных с рынком³. Теперь нам говорят, что незримая рука была глобализована до такой степени, что сама суверенная власть национальных государств над их территориальными владениями существенно сократилась. Для Томаса Фридмана, международного обозревателя газеты *New York Times*, автора книги *The Lexus and the Olive Tree* («Лексус и оливковое дерево»), глобализация — это новая технологическая и экономическая система, базирующаяся на микрочипе и управляемая «электронным стадом» финансовых инвесторов и многонациональных корпораций, свободных от каких-либо структур национального государства или просто от властных структур и никому ничем не обязанных⁴.

Те, кто стремятся опровергнуть такие взгляды, могли бы ответить, что капитализм со всеми его противоречиями никуда не девался. Но наиболее рас-

пространенные сегодня концепции капитализма слишком далеко отходят от исторической специфики и конкретности и слишком увлекаются идеей ничем не ограниченной конкуренции, чтобы ими можно было пользоваться в борьбе с этой господствующей идеологией. По сути дела, саму идею капитализма лишили всех ее определяющих элементов. Идея гегемонии глобального свободного рынка без государства и зримых центров власти (только легко-различимых инструментов рынка) означает концепцию капитализма, который стал фактически синонимом глобализации. Нам говорят, что альтернативы не существует, так как вне системы нет ничего и нет никакого центра внутри ее.

Идеологический туман, которым окутаны все аспекты споров относительно глобализации, в конце концов рассеется, потому что становится ясным, что противоречия капитализма так и не были преодолены и существуют в более универсальной и более разрушительной, чем когда-либо прежде, форме. Для тех, кто хочет пробиться сквозь этот туман и разобраться в созвездии действующих на сегодняшний день сил, прежде всего необходима конкретная и исторически определенная концепция капитализма, которая позволит нам разобраться в таких вопросах, как глобализация. В марксизме в XX веке такой анализ был представлен теорией монополистического капитализма.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТЕОРИИ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Термин «монополистический капитализм» широко использовался в марксистской экономической науке

для обозначения той стадии капитализма, когда наблюдалось господство крупных корпораций. Эта стадия развития капитализма зародилась в последней четверти XIX века и достигла зрелости ко времени Второй мировой войны. Маркс в «Капитале», подобно другим классикам политической экономии, исходил из того, что рыночная система характеризовалась свободной конкуренцией, причем она происходила между небольшими, преимущественно семейными, фирмами. Классическая политическая экономия никогда не знала таких абсолютных фантазий, как «совершенная» или «чистая» конкуренция, которые были привнесены в экономическую науку позже, на ее неоклассической стадии. Тем не менее она восприняла в свою основополагающую теорию свободной конкуренции положение, что происходит жестокая конкуренция цен и что ни один индивидуальный капиталист или фирма не обладает силой, позволяющей контролировать существенный сегмент рынка⁵.

Однако для Маркса, в отличие от других классиков политической экономии, капитализм — историческая система, а потому имеет динамический характер и проходит несколько стадий развития. Хотя сам Маркс не развивал теории монополистического капитализма, он указывал на концентрацию капитала как на фундаментальную тенденцию накопления при капитализме. Все развитие кредитной системы и фондового рынка было для Маркса «новым и страшным орудием в конкурентной борьбе и в конце концов превращается в колоссальный социальный механизм для централизации капитала»⁶. Двумя десятилетиями позже, работая над подготовкой к печати второго и третьего томов «Капитала»,

Энгельс подчеркивал тот факт, что свободная конкуренция пришла «к концу своего пути»⁷. Маркс и Энгельс, однако, были склонны видеть в этом признаки новых условий социализации производства, которые помогут становлению нового способа производства, а не указание на новую стадию капитализма.

Поэтому на долю более поздних мыслителей выпало проделать анализ этих явлений и выяснить, что они значили для законов движения капитализма. Первым это сделал далекий от ортодоксии американский экономист Торстейн Веблен, который в книге *The Theory of Business Enterprise* («Теория делового предприятия») и последующих работах проследил экономические последствия роста большого бизнеса и сопровождающие его изменения в кредите, корпоративных финансах и формах сбыта. Но влияние Веблена не распространилось за пределы США. В марксизме, который в то время сосредоточивался в Германии, первым важным теоретиком монополистического капитализма был австрийский экономист Рудольф Гильфердинг, за работой которого *Finance Capital: The Latest Phase of Capitalism* («Финансовый капитал: последняя стадия капитализма») вскоре последовал ленинский «Империализм как высшая стадия капитализма».

Гильфердинг обратил внимание на тенденцию концентрации и централизации капитала вызывать все новую и новую консолидацию капитала, которая приводит к созданию одного большого картеля,— это было чрезмерное упрощение, которое упускало из виду ряд уравнивающих влияний. Он рассматривал эти изменения как преимущественно количественные, и, невзирая на то, что в его работе было много важных догадок, он не исследовал во-

проса качественных изменений в законах развития капитализма. Тем не менее взгляды Гильфердинга вдохновили Ленина соединить империализм с монополистической стадией капитализма. Поэтому он смог увидеть, что рост гигантского капитала неразрывно связан и с экспансией капитала на мировой арене, и с борьбой между странами за долю мирового рынка. Но Ленин, как и Гильфердинг до него, не исследовал вопроса о том, что основные законы развития капитализма меняются на стадии монополии. Концепция монополистического капитализма оставалась аксиомой для советских экономистов в 1920-е и 1930-е годы, когда в теории наметились важные новые сдвиги. К концу же 1930-х годов, в условиях господства жесткой сталинской ортодоксии, эта концепция свелась к обыкновенной догме.

Между тем в 1930-е годы на Западе передовые ученые-экономисты, в первую очередь Джоан Робинсон, Эдвард Чемберлин и молодой Пол Суизи, начали наконец заниматься изучением монополии. И все же теория «несовершенной конкуренции», которая выросла из их анализа, имела формальный характер, поскольку, как правило, абстрагировалась от реального исторического процесса. Не была она и ничем больше, как некоторым дополнением к теории совершенной конкуренции, которая продолжала считаться общим правилом и преобладала в экономике в целом.

К 1930-м годам в марксистской экономической науке наметились три составные части: 1) теория накопления капитала; 2) начала теории монополистического капитализма (основанные на Марксовой концепции концентрации и централизации капитала); 3) теория империализма. Вторая и третья состав-

ляющие — растущая монополизация и империализм — были связаны воедино Лениным. Но, как это ни парадоксально, не существовало теоретического анализа, который привязывал бы вторую составляющую к первой, то есть не была установлена связь между растущей концентрацией и централизацией капитала и формами накопления и кризисом. Обсуждение проблемы экономического кризиса в марксистской теории, которая в начале XX века концентрировалась вокруг знаменитых Марксовых схем воспроизводства, приведенных во втором томе «Капитала», происходило в отрыве от анализа роста монополии.

Ход исторического развития тем не менее говорил о том, что такая связь существует. С начала столетия в США разворачивались бурные выступления против гигантских монополий и трестов. На прокатившуюся по стране огромную волну слияний в начале XX века смотрели как на качественно новую реальность. Было подсчитано, что в результате слияний только между 1898 и 1902 годами консолидации подверглось от четверти до трети всех активов в США. Колоссальные слияния того периода, образование в 1901 году под финансовым руководством инвестиционного банковского дома Моргана знаменитой US Steel Corporation, объединило 165 отдельных компаний. В результате сложилась монополистическая корпорация, контролировавшая 60% всей стальной промышленности США. В 1936 году Артур Бернс написал свою классическую работу *The Decline of Competition: A Study of the Evolution of American Industry* («Упадок конкуренции: исследование эволюции американской промышленности»)⁸. И в условиях Великой депрессии в кругах неортодоксальных эконо-

номистов, особенно адептов Веблена, часто разгорались споры по поводу того, не усугубляется ли состояние стагнации ростом гигантских корпораций, обладающих значительной монопольной властью. Изучение этого вопроса было одной из задач, поставленных перед Временной комиссией по национальной экономике, созданной рузвельтовской администрацией во время Великой депрессии (впрочем, полученные ею результаты оказались весьма скромными).

Но тем не менее «Общая теория занятости, процентов и денег» (*General Theory of Employment, Interest and Money*) Джона Мейнарда Кейнса, которая трансформировала макроэкономику в борьбе с Великой депрессией, по-прежнему основывалась на вековых представлениях об атомистической конкуренции.

Первым экономистом, связавшим теорию кризиса с теорией монополии, был польский экономист Михаль Калецки, черпавший вдохновение в работах Маркса и Розы Люксембург. В работах Калецки начала 1930-х годов, по словам Джоан Робинсон и других членов кружка молодых экономистов, сложившегося вокруг Кейнса, обозначились элементы «кейнсианской» революции еще до самого Кейнса. В середине 1930-х годов Калецки перебрался в Англию, где продолжил пересмотр экономического анализа в духе Кейнса. Там он разработал концепцию «степени монополизации» — она определяется масштабом, в пределах которого фирма в состоянии делать наценку на прямые издержки производства (зарплата рабочих и сырье). Таким путем Калецки смог связать мощь монополии с распределением национального дохода, источниками экономического кризиса и стагнации. Калецки также исследовал наиболее общие

исторические условия, которые влияют на инвестиции. В завершающем параграфе своей *The Theory of Economic Dynamics* («Теории экономической динамики») он приходит к выводу, что «долгосрочное развитие не является неотделимым свойством капиталистической экономики. Таким образом, для поддержания долговременного подъема требуются особые «факторы развития»⁹.

Этот анализ продолжил Джозеф Штейндл, молодой австрийский экономист, работавший вместе с Калецки в Англии. Как отмечается в книге Штейндла *Maturity and Stagnation in American Capitalism* («Зрелость и стагнация в американском капитализме»), гигантские корпорации стремятся наращивать чистую прибыль, но им постоянно угрожает недостаточно эффективный спрос, что связано с неравномерным распределением доходов и вызванной этим слабостью основанного на зарплате потребления. В принципе новые инвестиции могут помочь оживлению рынка. Но такие инвестиции ведут к увеличению производственных мощностей, то есть увеличению потенциального предложения товаров. «Трагедия инвестиций в том, — писал Калецки, — что они приносят пользу»¹⁰. Гигантские фирмы, способные в значительных пределах контролировать уровень цен, производства и инвестиций, не станут производить вложений капитала, если большая часть существующих производственных мощностей уже простаивает. Перед лицом снижения конечного спроса монополистические или олигополистические фирмы не снижают цены (что считают необходимым большинством аналитиков при совершенной конкурентной системе), а вместо этого прибегают к сокращению производства, более рациональному

использованию производственных площадей и новым инвестициям. Таким образом они поддерживают до любого возможного уровня существующие цены и преобладающий коэффициент прибыльности. Гигантская фирма при монополистическом капитализме, таким образом, склонна поддерживать более высокий размер прибыли (или более высокий уровень эксплуатации) и большее количество избыточных производственных мощностей, чем это происходит при системе свободной конкуренции, тем самым способствуя упорной тенденции к экономической стагнации¹¹.

**МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ:
ОЧЕРК АМЕРИКАНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА**

Выход в 1942 году классической работы Пола Суизи *The Theory of Capitalist Development* («Теория капиталистического развития»), одной из великих работ по марксистской экономике, ознаменовал начало особой традиции марксистского анализа в США, той, которая позже стала ассоциироваться с журналом *Monthly Review*, основанным Суизи в 1949 году вместе с историком и журналистом Лео Губерманом. В «Теории капиталистического развития» Суизи продолжает Марксову теорию кризиса реализации, показывая тесную связь между нею и кейнсианской теорией эффективного спроса, и производит сложный анализ экономической стагнации. «Теория капиталистического развития» также расширила Марксов анализ монополизации. Но два этих элемента остались в его работе разделенными¹². На это обратил внимание Штейндл в пространном критиче-

ском очерке о работе Суизи, опубликованном под названием *Maturity and Stagnation in American Capitalism* («Зрелость и стагнация в американском капитализме»). Штейндл утверждает, что «из Маркса... может быть органически выведена» более объединенная теория, основанная на модели капиталистической динамики Калецки, которая объединила явление кризиса реализации с увеличением «степени монополизации» в экономике в целом¹³.

Доводы Штейндла сразу произвели впечатление на Суизи, как и на Пола Барана, профессора экономики в Стэнфорде и близкого друга и сотрудника Суизи в *Monthly Review*. В 1957 году Баран опубликовал «Политическую экономию роста», в которой обработал теорию монополистического капитализма, вытекающую из Калецки и Штейндла, и в то же время провел анализ роли империализма в усилении экономической неразвитости стран на периферии капиталистического третьего мира¹⁴.

В последней части своих суждений Баран заметно отходит от ортодоксальной экономической науки. Отказавшись от традиционного подхода, выразившегося в тезисе, что бедные страны периферии всегда были «отсталыми», Баран подходит к вопросу с исторических позиций. «Сразу же,— пишет он,— встает вопрос, почему отсталые страны не развиваются по пути капитализма, знакомому нам из истории других капиталистических стран, и почему если было там продвижение вперед, то оно было либо медленным, либо вообще никаким?»¹⁵ Он говорит, что ответ состоит в том, как был принесен в эти страны капитализм в период, который Маркс назвал «первоначальным накоплением», для которого были характерны «неприкрытый разбой, порабощение и

убийства», и в том, как этот самый процесс помогал «душить опережающую промышленность» в колонизованных обществах¹⁶.

То, каким образом европейцы завоевывали и грабили остальной мир, и проложило огромную пропасть между центром и периферией мировой капиталистической экономики, которая продолжает существовать по сей день. Иллюстрируя эту мысль, Баран обращает внимание на то, какими разными путями Индия и Япония, благодаря развитию тенденции капитализма к глобализации, были включены в мировую экономику: первая как зависимое образование, отягощенное наследием того, что Андре Гандер Франк позже назвал «развитием неразвитости»; вторая, являвшая собой исключительный случай общества, которое никогда не было колонизовано, не подвергалось длительному подчинению, неравноправным договорам, сохраняла контроль над собственным прибавочным продуктом, свободно развивалась по автоцентричной модели главных европейских держав. Этот анализ со всей ясностью показывает, что включение в периферию мировой капиталистической экономики само по себе стало главной причиной положения, в котором находятся слаборазвитые страны.

В этом смысле для Барана империализм неотделим от капитализма. Его главная основа заложена в способе накопления, функционирующем в развитом капиталистическом мире. Сложившееся международное разделение труда направляет производство и торговлю бедных стран на периферии в интересах не столько их внутреннего развития, сколько на удовлетворение потребностей богатых стран в центре системы.

Рассмотрение *современного* империализма было бы, однако, неполным, если оставить в стороне законы движения *монополистического* капитала. В работе *The Political Economy of Growth* («Политическая экономия роста») Баран применил концепцию экономического прибавочного продукта к анализу не только развития отсталых стран на периферии, но попробовал также пролить свет на проблему накопления и стагнации в США и других ведущих капиталистических странах. То же самое он сделал в соавторстве с Полом Суизи в книге *Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order* («Монополистический капитал: очерк американского экономического и социального порядка»), опубликованной в 1966 году, через два года после смерти Барана¹⁷ Между 1966 и 1974 годами «Монополистический капитализм» был переведен на шестнадцать языков, и новые левые «почти немедленно признали его... хрестоматийным текстом»¹⁸.

Основная дилемма накопления при монополистическом капитализме была изложена в терминах Калецки. Рабочие, значительное большинство населения богатых стран, получают малую долю или не получают вовсе ничего из прибавочного продукта в форме прибыли, процентов или ренты. Доход рабочих состоит почти исключительно из заработной платы. Большинство работающих живет от зарплаты до зарплаты (хотя могут производить значительные приобретения через систему кредита) и не имеют сбережений, которые можно было бы назвать таковыми. То, что получают рабочие, они тратят на предметы первой необходимости или на то, что экономисты иногда называют товарами, покупаемыми на заработную плату.

Капиталисты, напротив, участвуют в дележе прибавочного продукта, и их главная цель состоит в накоплении еще больших излишков. Они тратят небольшую часть своего общего дохода на предметы роскоши для собственного потребления, но преимущественно стремятся увеличивать свое богатство путем вложений в основной капитал — новые производственные мощности. Но здесь возникает дилемма: если все излишки, которые предназначают для инвестиций, будут направлены в новые производственные мощности (новые предприятия или оборудование), эти новые мощности станут при полной загрузке производить продукцию, по объему превосходящую конечный спрос, что приведет к перепроизводству, падению цен и быстрому снижению прибыли. Для того чтобы предупредить такую, связанную с развитием производства ситуацию, которая поставит под угрозу размер прибыли, монополистический капитал снижал уровень производства, увеличивая нормальный объем резервных производственных мощностей и тщательно регулируя капиталовложения. И все же это означало, что излишек, который система на деле и потенциально способна производить, как правило, превосходил возможности поглощения этого излишка. В результате темпы экономического роста оказывались ниже потенциальных.

По этой теории, монополизация не единственный исторический элемент, работающий в сторону снижения капитальных накоплений. Большую важность имеет явление «зрелости», о которой говорил ведущий последователь Кейнса в США Элвин Хансен, выступая на дискуссии о циклической стагнации в 1930-е годы. С его точки зрения, инвестиции следу-

ет рассматривать исторически. Большинство новых производств преодолели в высшей степени конкурентную стадию вхождения в рынок, во время которой цены имели тенденцию к падению и капиталовложения носили очень динамичный характер. Но как только такие производства «созревали» и обрстали гораздо большим объемом производственных мощностей, чем могли нормально использовать, эти предприятия также попадали в орбиту интересов трех или четырех монополистических или олигополистических фирм, инвестиции начинали испытывать тенденцию к снижению. Те же инвестиции, которые все же осуществлялись, делались во все большей степени за счет амортизационных фондов при незначительных новых общих инвестициях. Кроме того, природа индустриализации была таковой, что в высокоразвитых экономиках наблюдался рост числа зрелых в этом смысле рынков.

Таким образом, общая теория трактует, что характерная для 1930-х годов стагнация была не просто аномалией, но отражала условия, возникающие в связи с действием законов развития капитализма на его монополистической стадии. И все же «Монополистический капитал» был написан уже во время, для которого была характерна не стагнация, а быстрый экономический рост. Как отмечали Баран и Суизи во вступлении к своей книге, «великий кризис 1930-х годов замечательно укладывался в марксистскую теорию. То, что он произошел, конечно, укрепило уверенность, что в будущем экономические спады неизбежны. И все же, к великому удивлению многих марксистов, после Второй мировой войны прошло два десятилетия, не отмеченных возобновлением глубоких кризисов»¹⁹.

Если монополистическая капиталистическая экономика чревата экономическим кризисом и стагнацией, то каким образом экономика США сумела двадцать лет расти, не испытывая крупных кризисов? На этот вопрос больше всего хотел бы ответить *Monthly Review*. Баран и Суизи выделяли ряд факторов, противодействовавших кризису и помогавших экономике оставаться на плаву: 1) эпохальный стимул, обеспеченный в 1950-х годах второй большой волной автомобилизации в США (что означало также расширение стальной, стеклянной, резиновой и нефтяной промышленности, строительство системы шоссежных дорог и появление еще одного стимула в виде субурбанизации); 2) военные расходы времен «холодной войны», включая две региональные войны в Азии; 3) усиливающееся проникновение в сферу производства расточительной функции организации и стимулирования сбыта (это первое, на что указывал Веблен) и 4) значительное расширение финансовой суперструктуры капиталистической экономики — до таких размеров, что она даже стала помехой самому производству. (Этот последний элемент приводился в анализе Барана и Суизи, но подробнее рассматривался в его более поздних работах, вышедших после «Монополистического капитализма».) Благодаря этим факторам экономика США оказалась в состоянии вобрать в себя избыточный продукт и таким образом оттянуть экономический кризис.

Все эти сдерживающие факторы тем не менее были либо недолговечными, либо создавали дополнительные противоречия для монопольно-капиталистического общества. Автомобилизация привела к сдвигу в самой географической базе экономики,

и когда это произошло, процесс пошел на снижение. Более того, на горизонте не маячило никакого эпохального новшества подобного масштаба — даже компьютерная революция последних десятилетий в сравнении с ней по своему воздействию на капиталовложения в целом представляется небольшой. Упор на военные расходы привел США, на долю которых в настоящее время приходится приблизительно треть военных расходов мира, к глобальному милитаризму и империализму — и поиску новых оправданий для огромного и продолжающего расти, несмотря на окончание «холодной войны», военного бюджета. Проникновение функций сбыта в производственный процесс означало производство огромного количества убыточного продукта (ненужной упаковки, бесполезных, разового пользования, стареющих товаров). Естественно, это не могло не сказываться на стоимости и конкуренции. Умопомрачительный рост финансовой суперструктуры капиталистической экономики вместе с одновременной относительной стагнацией производственной базы могли только прибавить неопределенности и нестабильности капиталистической экономике во всем мире.

«Монополистический капитализм» рассматривал изменяющуюся природу конкуренции, изменения в накоплении и растущий милитаризм и империализм при монополистическом капитализме. Однако он в основном обходил вопрос, лежащий в основе Марксовой критики капитализма: сам процесс труда и эксплуатацию рабочих. Этот вопрос разбирал Гарри Браверман, директор *Monthly Review Press*, в прошлом квалифицированный инженер на металлообрабатывающем заводе, в своей выдающейся работе *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the*

Twentieth Century («Труд и монополистический капитализм: деградация труда в двадцатом веке») ²⁰. Взяв за основу «Капитал» Маркса, Браверман применил его метод к анализу роста научно поставленного управления или тейлоризма, который зародился вместе с гигантскими корпорациями в начале XX столетия. Он показал, что при монополистическом капитализме произошла только интенсификация сил, действующих в направлении извлечения большего количества прибавочного продукта путем беспощадного разделения и подразделения труда, а отсюда происходит деградация и дегуманизация труда. В то же время «универсализация рынка», происходящая в таких масштабах, что все аспекты социального существования начали зависеть от него, превратилась в скрытое бремя за фасадом восхваляемого роста «общества потребления» ²¹.

Еще одно добавление к теории монополистического капитализма сделал Гарри Магдофф, который в 1969 году после смерти Лео Губермана стал вместе с Суизи соредактором *Monthly Review*. Книга Магдоффа «Век империализма: экономика внешней политики США» имела целью вновь вернуться к бывшей долгое время в загоне теме империализма США ²². Эта работа продемонстрировала, что у США есть империя, но только отличная от империй Великобритании и Франции, которые им предшествовали. Требовалось понять, что именно это, даже больше, чем противостояние с Советским Союзом, было тем контекстом, в котором происходила тогда вьетнамская война. Выступая против широко распространенного мнения, будто экономика США мало связана с мировой экономикой, Магдофф обращает внимание на то, что перекачка за границу прямых

иностранных инвестиций и возникающий под ее влиянием накопленный капитал порождают возвратный приток доходов. Он критиковал бытовавшую тогда распространенную ошибку, когда просто сравнивается экспорт или иностранные инвестиции многонациональных корпораций с валовым домашним продуктом. Скорее важность этих экономических потоков может быть оценена соотношением их со стратегическими секторами экономики, такими как промышленность, выпускающая средства производства, или сравнением доходов от иностранных капиталовложений с прибылями внутренних нефинансовых корпораций. Доходы от зарубежных инвестиций, указывал Магдофф, выросли от 10% прибыли нефинансовых корпораций США за вычетом налогов в 1950 году до более 20% в 1964 году²³. «Необходим ли империализм?» — в ответ на этот вопрос Макдофф ответил, что империализм — это глобальное лицо капитализма, он так же непреложен для системы, как само накопление²⁴.

Магдофф указывает, что создание после Второй мировой войны Общего соглашения о торговле и тарифах (ГАТТ), Международного валютного фонда и Всемирного банка способствовало формированию международного порядка, в котором США заняли место гегемона. Он подчеркнул международную финансовую экспансию капитала США, основанную на гегемонии доллара в мировой экономике при одновременном росте долговой западни в третьем мире. На заключительных страницах *The Age of Imperialism* («Век империализма») Магдофф писал:

«Типичная международная фирма теперь не только гигантская нефтяная компания. С таким же

успехом это может быть General Motors или General Electric с 15—20% бизнеса за рубежом, которая прилагает все усилия к расширению этой доли. Профессиональная цель этих международных фирм состоит в стремлении получить самую низкую цену производства во всемирном масштабе. Их цель, хотя об этом не говорится вслух, также состоит в том, чтобы опередить других в движении слияний в европейском Общем рынке и контролировать большую долю мирового рынка, как они делают на рынке США»²⁵.

НОВАЯ СТАДИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Таким образом, теория монополистического капитала, развитая Суизи, Бараном, Магдоффом и Браверманом на базе, заложенной Марксом, Вебленом, Гильфердингом, Лениным, Калецки и Штейндлом, уже раньше описала многие из явлений, которые теперь обычно связывают с «глобализацией». Но с этой точки зрения капитализм с самого начала был глобальной системой. Хотя можно говорить о «новой стадии глобализации», она была частью долгого, исторически неотделимого от империализма процесса²⁶. Как подчеркивал Суизи, капитализм зародился в XV и XVI веках. С младенчества капитализма система создавалась как «диалектическая составная управляющего центра и зависимой периферии». И далее:

«Для эволюции его частей был решительно важен тот факт, что капитализм с самого начала имел два эти полюса, которые можно назвать по-разному: независимый и зависимый, господствующий и подчиненный, развитый и неразвитый, центр и пе-

риферия. Движущей силой этой эволюции всегда оставался процесс накопления в центре, а общества на периферии формировались соединением насилия и игры рыночных сил, чтобы соответствовать требованиям центра и обслуживать его потребности»²⁷.

В этой глобальной системе степень эксплуатации на периферии была несравненно выше, чем в центре. И в то же время из периферии избыточный продукт выкачивался для удовлетворения потребностей развития центра. Вследствие этого разрыв в доходах и богатстве между центром и периферией в целом имел тенденцию к возрастанию, хотя в некоторых странах развитие имело место. Конфликт между центром и периферией был поэтому неизбежен и часто принимал форму революции и контрреволюции (в последнем случае обязательно поддержанной США и другими империалистическими державами в центре системы, временами в виде прямого военного вмешательства).

Борьба с империализмом шла не просто между Севером и Югом. Как показал Ленин, рост монополистического капитализма неотделим от соперничества между промышленно развитыми странами в центре мировой системы и принимает форму торговых и валютных конфликтов, борьбы в поддержку интересов национальных корпораций и даже форму войны (как в Первой и Второй мировых войнах). Многие в этом империалистическом соперничестве было связано с борьбой за сферы влияния и контроль за периферией, каждая из великих держав предъявляла исключительные претензии и на определенные зависимые регионы.

Концентрация и централизация капитала, застойные тенденции в центре, империалистическая эксплуатация на периферии, глобализация финансов и имперское соперничество между развитыми капиталистическими странами — все это создавало общую картину мира, какой она рисовалась теорией монополистического капитала. Национальный суверенитет в центре системы (в противоположность периферии), как трактовала теория монополистического капитализма, не эродировал. Отсюда совершенно иной подход к оценке последней стадии глобализации по сравнению с теми, которые преобладают сегодня. Представлялось, что мировая экономика не пребывала ни в хаосе (в том смысле, что не наблюдалось действующих исподволь мощных организующих сил), ни, как утверждали некоторые, в ней не складывался новый интернационал капитала, возглавляемого Всемирной торговой организацией и другими наднациональными организациями.

«Истины ради,— пояснял Магдофф в своем трактате *Globalization — To What End?* («Глобализация — в каких целях?»),— полезно признать, что недавний всплеск глобализации — это часть продолжающегося процесса, имеющего долгую историю. Начать с того, что капитализм появился на свет в процессе создания мирового рынка и длинные волны роста в сердце капиталистических стран подпитывались многовековыми завоеваниями и экономическим проникновением. В прошлом, как и ныне, непреходящая потребность в капитале для поддержания накопления и выгодность обладания контролем за источниками сырья толкали деловые предприятия устремляться за пределы своих наци-

ональных границ... В то время как расширение капитализма всегда предполагало и, больше того, требовало кооперации между его внутренними компонентами... история не знает времени, когда бы отдельно взятые национальные компоненты прекращали бороться за собственную выгоду и предпочтения. Центробежные и центростремительные силы всегда сосуществовали бок о бок в самом центре процесса капиталистического развития, причем время от времени то один из его участников, то другой возобладал. В результате периоды мира и гармонии чередовались с периодами столкновений и насилия. Как правило, механизм такого чередования включал и экономические и военные формы борьбы, и сильнейший одерживал верх и навязывал проигравшему свои условия. Но вскоре поступательное движение сменяется неравномерным, и возобновляется борьба за гегемонию»²⁸.

Такой «сильнейшей державой» в настоящий момент остаются США, которым удастся удерживать империалистическую гегемонию с 1945 года. С 1970 года их гегемонии бросают вызов другие ведущие капиталистические державы. США стремятся использовать каждую возможность для сохранения своего преимущества, расширяя свою роль ведущей военной державы и пользуясь своей экономической и финансовой мощью. Иштван Мешарош пояснял: «Тот факт, что империалистическая гегемония США оказалась настолько успешной и все еще продолжает сохранять свое преобладание, вовсе не означает, что она может считаться устойчивой, не говоря уже о ее нерушимости. Задуманное во время умножающихся военных

столкновений и социальных взрывов в качестве прочного фундамента новейшей версии «нового мирового порядка», «мировое правительство», в котором верховодили бы США, остается таким же эфемерным, как «Союз за демократию» и «Партнерство во имя мира». Вместо него нарастает «потенциально опаснейшая стадия империализма», о чем говорит: 1) усиливающееся соперничество между США, Европой и Японией; 2) возрастающая в правящих кругах США обеспокоенность по поводу потенциальной угрозы со стороны Китая, в котором усматривают растущую супердержаву-соперника; и 3) агрессивные попытки США предупредить такие тенденции расширением геополитической сферы своей гегемонии²⁹. Все разговоры о том, что глобализация интегрировала мир и дезинтегрировала все центры, нивелировав все суверенные державы, по большей части не больше чем элементарные иллюзии. Национальный суверенитет и империализм США не исчезли, они продолжают существовать на этой новой стадии капиталистической глобализации некоей взрывоопасной смесью.

Глобализация капитала на нынешней стадии капитализма, таким образом, неотделима от усиливающейся монополизации, то есть от концентрации и централизации капитала на мировом уровне, что с неизбежностью ведет к еще большим противоречиям и кризису. В 1997 году, выступая в *Monthly Review*, Суизи писал: «Тремя важнейшими определяющими тенденциями в недавней истории капитализма периода, начинающегося со спада 1974—1975 годов, были: и 1) замедление общего уровня роста; 2) расползание по всему миру монополистических (или олигополистических) мультинациональных компаний и 3) то, что можно назвать финансиализацией про-

цесса капиталистического накопления». Все эти определяющие тенденции и были порождением движущей силы капитализма, самого процесса накопления капитала, а не глобализации, которую нужно понимать как процесс, продолжавшийся столько же времени, сколько продолжается история капитализма, но понять который можно только в его рамках. Тем не менее все эти три «определяющие тенденции», связанные с накоплением капитала, нужно видеть происходящими в «контексте продолжающейся глобализации, откладывающей свой отпечаток на все проявляющиеся разнообразные процессы»³⁰.

Что, возможно, наиболее очевидно, так это то, что стагнация, монополизация и финансиализация вместе с новой стадией глобализации, вместе взятые, создают новые и вполне различимые механизмы власти. Как писал английский политэконом Майкл Баррант Браун в работе *Models in Political Economy* («Модели в политической экономике»), «система производства на рынок для получения прибыли по-прежнему это то, что организует производство. Только теперь рука указующая перестала быть невидимой, а принимаемые решения теперь больше не спонтанные. Все более очевидным становится, что рука менеджеров из горстки гигантских компаний определяет рынок и планирует использование мировых ресурсов для того, чтобы делать деньги, а не удовлетворять потребности. Это видит все больше и больше людей».

Капитализм все меньше ассоциируется с действием вездесущей невидимой руки Адама Смита во всемирном масштабе, таким неумолимым механизмом реальности, уйти от которого невозможно. Он все

более становится сферой борьбы разных интересов, где концентрация и централизация производства в мировом масштабе, а следовательно, и всевозрастающая конкуренция между фирмами сопровождаются их двойником, глобализацией эксплуатации. На этой новой стадии глобализации борьба за государственную гегемонию не исчезает, а постоянно выходит на поверхность и нередко в очень бурной форме.

Глобализация — это конец истории, конец суверенитета национального государства, это новый мировой порядок, это интеграция всех народов, это реальность, не имеющая альтернативы,— все это тщательно продуманные мифы нашего времени. Для того чтобы разобраться в этих мифах истеблишмента вместе с «прогрессивным» мифом, будто можно противостоять инструментам неолиберальной глобализации, не выступая против самой системы, нужно понять исторические изменения, которые связаны с развитием монополистического капитала во все расширяющемся глобальном масштабе. Новая глобализация ни в коей мере не преодолевает ни монополистические тенденции капитализма, ни его империалистические противоречия. В лучшем случае эти противоречия принимают последовательно более всеобщие формы. Сейчас, как никогда, мир глобализованного монополистического капитализма и империалистической гегемонии, возглавляемой США, ставит нас перед выбором между убийственным варварством и гуманным социализмом.

ГЛАВА 4

ВОЕННЫЕ БАЗЫ США И ИМПЕРИЯ

Март 2002 года

БАЗЫ ИМПЕРИИ

На протяжении всей истории империи опирались на свои зарубежные военные базы для навязывания своего господства, и в этом отношении Pax Americana ничем не отличается от Pax Romana или Pax Britannica. «Принципиальным методом, с помощью которого Рим устанавливал господство в мире,— писал историк Арнольд Тойнби в книге «Америка и мировая революция»,— было принятие более слабых соседей под свое крыло и защита их от собственных и их более сильных соседей. Отношения Рима с этими протеже строились на основе договоров. Юридически они сохраняли свой предшествующий статус суверенной независимости. Самое большое, что у них просил Рим в территориальном плане, была сецессия в разных местах участков земли под строительство римских крепостей для обеспечения общей безопасности римских соседей и самого Рима».

Во всяком случае, Рим придерживался этой политики поначалу. Но с течением времени «обширные территории недавних союзников», первоначально охранявшиеся системой римских военных баз, «становились частью Римской империи в той же степени, как менее обширные земли бывших врагов Рима, которые Рим намеренно и открыто аннексировал»¹.

Британия в период своего расцвета в качестве ведущей капиталистической державы в XIX столетии правила необъятной колониальной империей, которую охраняла глобальная система военных баз. Как объяснял Роберт Гаркави в своей работе *Great Power Competition for Overseas Bases* («Соперничество великих держав за зарубежные базы»), эти базы были дислоцированы четырьмя цепями вдоль морских коридоров, где доминировала британская морская мощь: 1) Средиземноморье через Суэц в Индию; 2) Южная Азия, Дальний Восток, Тихий океан; 3) Северная Америка и Карибский бассейн и 4) Восточная Африка и Южная Атлантика. В годы наибольшего расцвета Британской империи эти военные базы располагались более чем в тридцати пяти отдельных странах или колониях. Хотя с начала XX века британская гегемония быстро покатила под уклон, эти базы сохранялись, пока существовала сама империя, в годы Второй мировой войны число их даже увеличилось. Сразу после войны, однако, Британская империя рассыпалась, и от большей части баз пришлось отказаться².

Падение Британской империи как державы-гегемона мировой капиталистической экономики сопровождалось возвышением другой, когда США заняли место Британии. США вышли из Второй мировой войны с более разветвленной системой военных баз,

чем это когда-либо было в мире. Согласно Джеймсу Блейкеру, бывшему старшему советнику вице-председателя Объединенного комитета начальников штабов, в конце Второй мировой войны зарубежная система военных баз США состояла из более чем тридцати тысяч объектов в двух тысячах мест расположения баз почти в ста странах и регионах мира, раскинувшихся от полярного круга до Антарктики. Военные базы США существовали по всем находившимся между ними континентам и островам. «После ядерной монополии США,— писал Блейкер,— не было другого общепризнанного символа статуса сверхдержавы, чем система ее военных баз за рубежом»³.

Официальная позиция США в отношении этих военных баз после войны сводилась к тому, что их следует сохранить, сколько бы их ни было, и в дальнейшем наращивать их число. На Потсдамской конференции 7 августа 1945 года президент Трумэн заявил:

«Хотя США не ищут себе выгод или преимуществ из этой войны, мы намерены сохранить военные базы, необходимые для полной защиты наших интересов и мира во всем мире. Мы будем приобретать базы, которые военные эксперты сочтут важными для нашей защиты. Мы будем приобретать их по договоренностям, совместимым с Уставом Организации Объединенных Наций»⁴.

Тем не менее основной тенденцией с конца Второй мировой войны вплоть до корейской войны было сокращение числа военных баз США за рубежом. «Половина структуры баз военного времени,— сви-

детельствовал Блейкер,— была свернута в течение двух лет после дня победы над Японией, и половина оставшихся к 1947 году демонтирована к 1949 году»⁵. Послевоенное сокращение числа зарубежных баз прекратилось, однако, с корейской войной, когда число баз снова увеличилось, а затем выросло снова в годы вьетнамской войны. Только после вьетнамской войны число военных баз за рубежом снова претерпело снижение. К 1988 году их число было несколько меньше того, что было к концу корейской войны, но их расположение было уже иным, чем в период сразу после Второй мировой войны, причем самое заметное сокращение отмечалось в Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке (см. табл. 1).

Таблица 1. *Зарубежные военные базы США по регионам (1947—1988)*

	1947	1948	1953	1957	1967	1975	1988
Европа, Канада и Северная Атлантика	506	258	446	566	673	633	627
Тихий океан и Юго-Восточная Азия	343	235	291	256	271	183	121
Латинская Америка и Карибский бассейн	113	59	61	46	55	40	39
Ближний Восток и Африка	74	28	17	15	15	9	7
Южная Азия	103	2	0	0	0	0	0
Всего	1139	582	815	883	1014	865	794

Источник: James R. Blaker, *United States Overseas Basing* (New York: Praeger, 1990), Table 1.2

Исторически сложилось так, что военные базы приобретаются во время войн. Например, военноморская база США в Гуантанамо на Кубе была получена в результате испано-американской войны. Несмотря на то что база технически «арендуется», эта аренда носит постоянный характер. Согласно договору юрисдикция США на территории базы может закончиться только с обоюдного согласия Кубы и США, пока производится ежегодная выплата аренды, что предоставляет США «права» на эту часть Кубы навечно, как бы к этому ни относилось кубинское правительство и народ Кубы. После кубинской революции чеки, выданные от имени США в оплату аренды базы, оплачивались только один раз (это был первый, выписанный после революции, чек). Все последующие чеки просто не предъявлялись кубинским правительством к оплате, поскольку Куба требует ликвидации базы на своей территории.

Многие из ныне существующих баз были приобретены в результате последующих войн — Второй мировой, корейской, вьетнамской, войн в Персидском заливе, Афганистане. Военные базы США на Окинаве, формально части Японии, — это наследие оккупации Соединенными Штатами Японии во время Второй мировой войны.

Подобно всем империям, США с величайшей неохотой расставались с любой приобретенной базой. Такие базы, полученные в результате одной войны, рассматриваются как позиции передового базирования на случай какой-нибудь будущей войны, часто с новым противником. Согласно докладу, представленному 21 декабря 1970 года подкомитетом по соглашениям в области безопасности и зарубежным обязательствам Комитета по иностранным делам

Сената США, «как только основывается зарубежная база, она начинает жить собственной жизнью. Первоначальные задачи могут давно исчерпать себя, но появляются новые задачи, связанные с их расширением, а не только с проблемами поддержания их функционирования. В наиболее заинтересованных правительственных учреждениях — Государственном департаменте и Министерстве обороны — не наблюдается желания сократить число баз или ликвидировать какую-либо из этих зарубежных объектов»⁶.

В 1950-х и 1960-х годах США сформулировали особую доктрину «стратегического отказа», которая провозглашала, что не будет ликвидирована ни одна из баз, если ею впоследствии может потенциально воспользоваться Советский Союз. Существование большинства баз США оправдывалось «предупреждением» и «сдерживанием» коммунизма. Тем не менее после распада Советского Союза США вели курс на сохранение всей своей системы военных баз, ссылаясь на необходимость присутствия военной мощи США по всему миру и защиты интересов США за рубежом.

ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Гласность и перестройка конца 1980-х годов, за которыми последовало падение зависимых от Советского Союза режимов в Восточной Европе в 1989 году и развал самого Советского Союза в 1991 году, породили большие надежды, особенно среди тех, кто всегда верил в утверждения, будто военные базы США находились там для сдерживания советской

угрозы и что произойдет быстрый демонтаж этой системы. И все-таки Министерство обороны в 1989 году в ежегодном докладе министра обороны утверждало, что «военное присутствие» США предопределяет необходимость такого «передового базирования» США⁷.

Второго августа 1990 года президент Джордж Герберт Уолкер Буш выступил с заявлением, в котором подчеркивалось, что при сохранении в неприкосновенности системы зарубежного базирования США к 1995 году для обеспечения глобальной безопасности США потребуется на 25% меньший контингент вооруженных сил, чем в 1990 году. В тот же день Ирак вторгся в Кувейт. Массивное введение войск США на Ближний Восток во время войны в Заливе привело к провозглашению Нового мирового порядка, основанного на гегемонии и военной мощи США. Буш объявил: «Мы раз и навсегда выкинули вьетнамский синдром»⁸. Новые военные базы были заложены на Среднем Востоке, прежде всего в Саудовской Аравии, где тысячи солдат США остаются уже более десяти лет.

Хотя администрации Клинтона приходилось декларировать необходимость уменьшить иностранные военные обязательства США более громко, чем предшествовавшей ей администрации Буша, никаких попыток уменьшить «передовое присутствие» США за рубежом, представленное широко разбросанными военными базами, предпринято не было. Скорее, главная перемена состояла в сокращении количества войск, постоянно дислоцированных за рубежом, за счет направляемых чаще, но на более короткие сроки. *Los Angeles Times* сообщала:

«Проведенное в 1999 году Army War College исследование показало, что «несмотря на то, что постоянное присутствие войск за рубежом резко сократилось, широкое оперативное размещение военного персонала увеличилось в значительной мере». <...> Прежде члены вооруженных сил регулярно направлялись за рубеж для «постоянного прохождения службы», обычно на несколько лет и часто в сопровождении семей. Теперь они «размещаются» на срок более неопределенный и за редким исключением им запрещается брать с собой семьи. Однако размещение военнослужащих за рубежом происходит одновременно и часто, и на длительный срок. В любой данный день до 11 сентября военный персонал в количестве 60 тысяч человек выполнял временные оперативные задания или проводил учения приблизительно в ста странах. Сократив гигантские военные объекты в Европе, Министерство обороны, как явствует из его документов, в порядке выполнения нового оперативного плана командирует военный персонал на 135 дней в году в армии, на 170 дней — в военно-морском флоте и 176 дней — в военно-воздушных силах. В армии каждый солдат в настоящее время в среднем находится за рубежом раз в 14 недель»⁹.

В дополнение к размещению частых и периодически командимуемых контингентов базы должны были использоваться для сосредоточения военной техники в качестве резерва для быстрого развертывания на случай возникновения новых боевых действий. Например, США забросили в Кувейт технику для бронетанковой бригады, а в Катаре точно такую же

технику для второй такой же бригады вместе с комплектом техники для танкового батальона¹⁰.

Девяностые годы XX века завершились военной интервенцией США на Балканах и обширной помощью США в операциях по борьбе с повстанцами в Латинской Америке в качестве части «Плана Колумбия». После атаки террористов на Всемирный торговый центр 11 сентября и развертывания «войны с терроризмом» началось быстрое расширение числа и географии военных баз США.

Согласно документу Министерства обороны «Доклад о базовой структуре, 2001», в настоящее время у США имеются военные объекты в тридцати восьми странах и на отдельных территориях. Если прибавить военные базы США на территориях и владениях США, не считая пятидесяти штатов и округа Колумбия, эта цифра возрастет до сорока четырех, однако она в высшей степени приблизительная, потому что не включает важные объекты передового стратегического базирования, даже такие, на которых США содержат значительные контингенты войск, вроде Саудовской Аравии, Косова и Боснии. Не включен в нее и ряд недавно приобретенных баз. Используя «План Колумбия», подразумевающий в принципе борьбу с повстанческими силами в Колумбии, но дающий возможность использовать его против более чем непокорного правительства Венесуэлы и широкого народного движения против неоглобализма в Эквадоре, США в настоящее время ведут расширение присутствия своих баз в Латинской Америке и районе Карибского моря. Место Панамы как центра региона заняло Пуэрто-Рико. Тем временем США создали четыре новые базы в Манте, Эквадор, на островах Арубе и Кюрасао и в Камалапе,

Эль-Сальвадор, — все они носят характер передового оперативного базирования. После 11 сентября США открыли военные базы в Афганистане, Пакистане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане, не считая Кувейта, Катара, Турции и Болгарии, с численностью размещенного на них воинского контингента до шестидесяти тысяч солдат. Важной в стратегическом отношении является военно-морская база на Диего-Гарсия в Индийском океане. В общем и целом на сегодняшний день США имеют за рубежом военные базы почти в шестидесяти странах и на отдельных территориях (см. карту № 1)¹¹.

В некоторых отношениях эта карта может вводить в заблуждение, занижая реальное количество мест, которые могут использоваться США в качестве военных баз за рубежом. Все юридические вопросы и вопросы властного порядка в отношении баз в принимающих государствах изложены в форме так называемого соглашения о вооруженных силах. В годы «холодной войны» они считались обычными публичными документами, но теперь часто классифицируются как секретные, например соглашения с Кувейтом, Объединенными Арабскими Эмиратами, Оманом и в известной степени с Саудовской Аравией. По данным Пентагона, на сегодняшний день США имеют официальные соглашения подобного рода с девятью тремя странами¹².

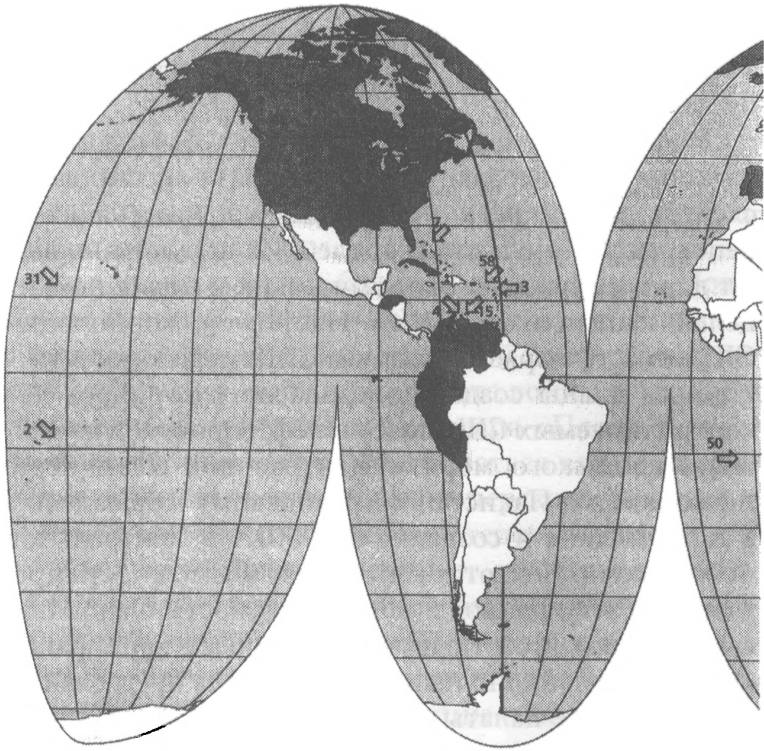
Империализм боится вакуума. Помимо Балкан и бывших советских республик Центральной Азии, которые до этого находились в сфере советского влияния или составляли часть самого Советского Союза, теперь передовые базы приобретаются в регионах, где США произвели резкое сокращение числа баз. В 1990 году, до войны в Заливе, США не имели баз в

Южной Азии и только 10% тех, которыми в 1947 году располагали на Ближнем Востоке и в Африке. В Латинской Америке и на Карибских островах число баз США между 1947 и 1990 годами сократилось приблизительно на две трети. С геополитической/геовоенной точки зрения это составляет реальную проблему для глобального экономического и военного гегемона, каким являются США даже в век межконтинентальных баллистических ракет. Появление начиная с 1990 года новых баз на Ближнем Востоке, в Южной Азии, Латинской Америке и в районе Карибского моря в результате войны в Заливе и войны в Афганистане и благодаря «Плану Колумбия» может поэтому рассматриваться как подтверждение прямого военного и имперского влияния в районах, где оно до некоторой степени ослабло.

Военная доктрина утверждает, что стратегическое значение зарубежной военной базы распространяется далеко за пределы военного использования в военное время, для чего они и создаются, и что планирование других потенциальных задач, для решения которых возможно использовать преимущества их присутствия, должно начинаться немедленно. По этой причине создание баз в Афганистане, Пакистане и трех бывших советских республиках не может не рассматриваться Россией и Китаем как создание новых угроз их безопасности. Россия уже проявила недовольство по поводу перспективы постоянного присутствия военных баз США в Центральной Азии. Что касается Китая, то 10 января 2002 года лондонская *Guardian* отмечала, что база в Манасе, Кыргызстане, где ежедневно приземляются самолеты США, «располагается в 250 милях от восточной границы Китая. Если взять в расчет базы

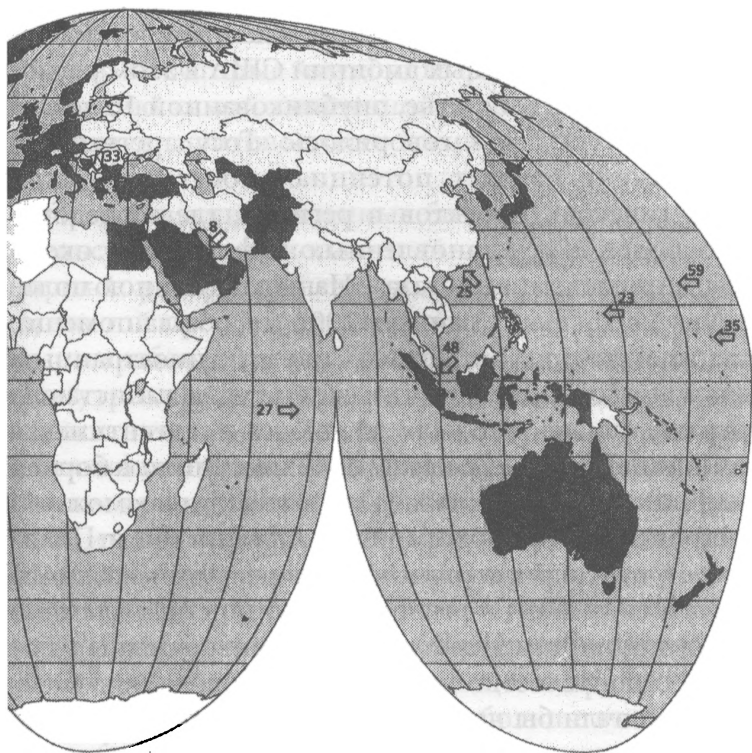
США на востоке от Китая, в Японии, к югу от него, в Южной Корее и военную помощь Вашингтона Тайваню, то Китай может почувствовать, что его окружают».

Распространение военной мощи США на новые регионы путем создания военных баз конечно же не следует расценивать только как решение каких-то непосредственно военных целей. Их всегда используют для поддержания экономических и политических целей капитализма США. Например, корпорации США вместе с правительством США некоторое время строили планы создания безопасного коридора для контролируемых США газо- и нефтепроводов из района Каспийского моря в Центральной Азии через Афганистан и Пакистан к Аравийскому морю. Война в Афганистане и создание баз США в Центральной Азии рассматриваются как главная возможность превращения этих планов в действительность. Основным выразителем этой политики выступает корпорация «Унокал», что видно по выступлению ее представителя в Комитете палаты представителей США по иностранным делам в феврале 1998 года¹³. Тридцать первого декабря 2001 года президент Джордж У. Буш назначил уроженца Афганистана Залмая Халилзада из Национального совета безопасности специальным представителем в Афганистане. Халилзад — в прошлом бывший советник «Унокал» по вопросам, связанным с трансафганским трубопроводом, лоббировавший в правительстве США более мягкую политику в отношении режима талибов. Его позиция изменилась только после того, как администрация Клинтона в 1998 году выпустила баллистические ракеты по целям в Афганистане, нацеливаясь на Усаму бен Ладена («Правда», 9 января 2002 года).

*Карта № 1. Страны и отдельные территории,
где расположены военные базы США
(включая владения США)*

1. Афганистан; 2. Американское Самоа; 3. Антигуа; 4. Аруба;
5. Австралия; 6. Австрия; 7. Багамские острова; 8. Бахрейн;
9. Бельгия; 10. Босния; 11. Болгария; 12. Канада; 13. Колумбия;
14. Куба; 15. Кюрасао; 16. Дания; 17. Эквадор; 18. Эль-Сальвадор;
19. Франция; 20. Германия; 21. Греция; 22. Гренландия; 23. Гуам;
24. Гондурас; 25. Гонконг; 26. Исландия; 27. Индийский океан (Ди-е-го-Гарсия); 28. Индонезия; 29. Италия; 30. Япония; 31. Атолл Джонсон;
32. Корея; 33. Косово; 34. Кувейт; 35. Атолл Кваджа-

лейн; 36. Кыргызстан; 37. Люксембург; 38. Нидерланды; 39. Новая Зеландия; 40. Норвегия; 41. Оман; 42. Пакистан; 43. Перу; 44. Португалия; 45. Пуэрто-Рико; 46. Катар; 47. Саудовская Аравия; 48. Сингапур; 49. Испания; 50. Остров Святой Елены; 51. Таджикистан; 52. Турция; 53. Египет; 54. Великобритания; 55. США; 56. Узбекистан; 57. Виргинские острова; 58. Остров Уэйк.

Источник: U.S. Department of Defence, *Base Structure Report Fiscal Year 2001*; *Los Angeles Times*, Jan. 6, 2002; *New York Times*, Jan. 9, 2001; John Lindsay-Poland, "U.S. Military Bases in Latin America and the Caribbean," *Foreign Policy in Focus* (October 2001) foreignpolicyinfocus.org; Globemaster Links, Baseline Directory, "aviation Top 100" www.globemaster.de/baselinka.html. Map by Claude Misukiewicz

Во время ведущейся сейчас войны в Афганистане средства массовой информации, как правило, молчали по поводу нефтяных амбиций США в этом регионе. Тем не менее в статье, опубликованной 15 декабря в *New York Times*, говорилось: «Государственный департамент изучает потенциал постталибовских энергетических проектов в регионе, где сосредоточено более 6% установленных нефтяных и около 40% мировых запасов газа». На редакционной полосе *New York Times* 18 января 2002 года была помещена статья Ричарда Батлера из Совета по иностранным делам, где он признал, что «война в Афганистане... впервые после того, как «Унокал» и аргентинская компания Bidas в середине 1990-х вступили в борьбу за афганские права, сделала политически возможной постройку трубопровода через Афганистан и Пакистан». Стоит ли говорить, что без сильного военного присутствия США в регионе, сложившегося благодаря созданию там в результате войны военных баз США, строительство такого трубопровода почти наверняка сочли бы непрактичным.

БУМЕРАНГ

История учит, что военные базы — меч обоюдоострый. Самым убедительным образом о том свидетельствует правда о нынешней «войне с терроризмом». Вряд ли можно сомневаться, что атаки на вооруженные силы США за границей и на цели в США, совершенные за последнее десятилетие, были в значительной мере ответом на возрастание роли США как иностранной военной силы в регионах, таких как Ближний Восток, где США не только участвовали в вооруженных конфликтах, даже в пол-

номасштабной войне, но также с 1990 года размещали тысячи солдат. Создание баз США в Саудовской Аравии некоторые саудовцы рассматривали как оккупацию самой священной земли ислама, которой следует противостоять всеми доступными средствами.

Представление о военных базах США как о посягательстве на национальный суверенитет имеет широкое распространение в «принимающих» странах по той простой причине, что присутствие таких баз с неизбежностью выливается во вмешательство во внутренние дела страны. В докладе Подкомитета по соглашениям в области безопасности и зарубежным обязательствам сенатского Комитета по иностранным делам Конгресса США сказано: «Зарубежные базы, присутствие элементов вооруженных сил США, совместное планирование, совместные учения или широкие программы военной помощи... не могут не гарантировать некоторое вмешательство США во внутренние дела принимающего правительства»¹⁴. Такие страны все больше и больше втягиваются в орбиту империи США.

Из-за этого военные базы США вызывают крупные социальные протесты в странах, где они располагаются. До вывода баз США с Филиппин в 1992 году в стране было широко распространено мнение, что эти базы оставались наследием колониализма США. Подобно почти всем зарубежным военным базам США, они приносили с собой множество социальных проблем. Население города Олонгапо, находящегося непосредственно по соседству с военной базой США в Субик-Бей, полностью перешло на обслуживание «отдыха и рекреации» войск США, и в нем жило больше пятидесяти тысяч проституток.

Базы США на Окинаве, ставшие центром зарубежной системы базирования США в Тихоокеанском регионе после утраты баз на Филиппинах, пребывают в постоянной конфронтации с местным населением. По словам Чалмерса Джонсона, остров Окинава, префектура Японии, «в сущности, представляет собой колонию Пентагона, гигантскую конспиративную квартиру, где «зеленые береты» и Разведывательное управление Министерства обороны, не говоря уже о военно-воздушных силах и морской пехоте, делают все, на что они не осмелились бы в США. Она используется для распространения американской военной мощи по всей Азии, осуществляя таким образом де-факто большую стратегию США по закреплению или увеличению американской гегемонии в этом важнейшем регионе мира¹⁵.

В 1995 году на Окинаве развернулись протесты против присутствия на острове базы. Поводом послужило изнасилование двенадцатилетней девочки тремя американскими солдатами, которые для этого взяли напрокат автомобиль, чтобы отвезти ее в укромное место и там изнасиловать. Особенно бурный характер приобрели выступления жителей острова в связи с комментарием, который позволил себе командующий вооруженными силами США в зоне Тихого океана адмирал Ричард Мак. Он сказал журналистам: «Думаю, что это самое дурацкое изнасилование. На деньги, которые они потратили на машину, можно было бы спокойно поиметь девочку». Однако прокатившаяся по Окинаве волна протестов, которую возглавила организация под названием «Женщины Окинавы против насилий военных», была реакцией не только на одно это изна-

силование, каким бы зверским оно ни было. Между 1972 и 1995 годами, писала *Nihon Keizai Shim-bun*, консервативная японская газета, американские солдаты совершили 4716 преступлений — по одному в день. Японо-американское соглашение, которое определяет статус базы на Окинаве, позволяет американским властям отказывать японцам в выдаче солдат, подозреваемых в совершении преступлений, и только единицы из них хоть как-то пострадали за это.

О том, что Пуэрто-Рико продолжает оставаться американской колонией, говорит продолжение, несмотря на массовые протесты, бомбардировок на полигоне в Виекесе, Пуэрто-Рико, где происходят учения по бомбометанию в качестве подготовки к боевым действиям в таких местах, как Персидский залив. Помимо полигонов для бомбометания в Виекесе, Пентагон использует почти 200 тысяч кв. миль водного пространства в районе Пуэрто-Рико для станций слежения за подлодками и полигона для испытаний электронного оружия. На этой акватории военно-морской флот США и разного рода военные подрядчики испытывают системы вооружений¹⁶.

Еще одним вопиющим примером того, что США ведут себя как имперская держава, является превращение военно-морской базы в Гуантанамо на Кубе в тюрьму, где, вопреки возмущению мировой общественности и несогласию кубинского правительства с войной в Афганистане, в нечеловеческих условиях содержатся и допрашиваются пленные, захваченные там американскими войсками.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Как мы видели ранее, США создали цепь военных баз и районов сосредоточения войск по всему земному шару, чтобы иметь возможность в кратчайшие сроки развертывать воздушные и морские силы, и всякий раз в интересах сохранения своей экономической и политической гегемонии. Эти базы, в отличие от британских баз XIX и начала XX века, являвшихся неотъемлемой частью колониальной империи, приобретают еще большее значение «в отсутствие колониализма»¹⁷. США, стремящиеся поддерживать имперскую экономическую систему без формального политического контроля над территориальной независимостью других стран, прибегали к помощи этих баз, чтобы употребить силу против стран, пытавшихся вырваться из объятий имперской системы или предпринимавших меры к проведению независимого курса, который воспринимался как угроза интересам США. Без рассредоточения вооруженных сил США по базам, расположенным по всему миру, и без готовности США применять их в военных интервенциях было бы невозможно помешать многим из наиболее зависимых экономических территорий периферии пойти своим путем.

Отсюда следует, что глобальная политическая, экономическая и финансовая мощь США требует периодической демонстрации военной силы. Другие привязанные к этой системе развитые капиталистические страны также оказались в зависимости от США как главного надсмотрщика за соблюдением правил игры. Расположение военных баз США поэтому нужно оценивать не просто с военной точки зрения, а как маркировку имперской сферы США и

ее передовых постов на периферии. В настоящее время стало ясно, и это стоит повторить, что такие базы теперь приобретаются в регионах, где США до этого утратили многое из своего «передового присутствия», таких как Южная Азия, Ближний Восток и Африка, Латинская Америка и Карибский бассейн, или в таких регионах, где американских баз никогда не было, таких как Центральная Азия и Балканы. Поэтому не приходится сомневаться, что последняя оставшаяся супердержава проводит политику имперской экспансии в качестве средства для обеспечения своих политических и экономических интересов. Нынешняя война с терроризмом, представляющая собой во многих отношениях косвенный продукт военного присутствия США за рубежом, теперь стала поводом для оправдания дальнейшего расширения этого присутствия.

У тех, кто выступает против такой политики, не должно оставаться никаких иллюзий. Глобальная экспансия военной мощи государства-гегемона мирового капитализма — составная часть глобализации экономики. Сказать «нет» этой форме военной экспансии — значит вместе с тем сказать «нет» капиталистической глобализации и империализму, а следовательно, и самому капитализму.

ГЛАВА 5

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Ноябрь 2002 года

Большую часть XX века концепция «империализма» оставалась в значительной мере за пределами политического дискурса внутри правящих кругов капиталистического мира. Упоминание «империализма» во время вьетнамской войны, насколько бы это ни звучало реалистично, почти всегда указывало на то, что автор находится на левом крыле политического спектра. В книге *Imperialism: From the Colonial Age to the Present* («Империализм: от колониального века до настоящего») Гарри Магдофф писал: «Как правило, академические ученые предпочитают не пользоваться термином «империализм». Для них он неприятен и ненаучен»¹.

Теперь вдруг все стало по-другому. Интеллектуалы и политическая элита в США принимают с распростертыми объятиями откровенную «империалистическую» или «неоимпериалистическую» миссию США, о которой постоянно возвещают такие престижные средства массовой информации, как *New York Times* и *Foreign Affairs*. Этот империалисти-

ческий пыл во многом обязан происхождением объявленной администрацией президента Буша «войне с терроризмом», которая, если амбиции организаторов таких авантур осуществляются, принимает форму завоевания и оккупации Афганистана, а также и Ирака. Согласно выдвинутой администрацией Буша «Стратегии национальной безопасности», не существует каких-то признаваемых ограничений и пределов использованию военной силы ради поддержания интересов США. Перед лицом этой попытки расширить то, что не назовешь иначе как империя США, интеллектуалы и политические деятели возвращаются не только к идее империализма, но также к тем взглядам, которые проповедовались его адептами XIX века как реализация великой цивилизационной миссии. В широкой прессе стало обычным сравнивать США с имперским Римом и имперской Великобританией. Для того чтобы заставить эту идею заработать в полную силу, нужно освободить ее от марксистских ассоциаций с экономической иерархией и эксплуатацией, не говоря уже о расизме.

Как писал Михаил Игнатъев в *New York Times Magazine*, «Империализм был бременем белого человека. Этим он заработал плохую репутацию. Но он не перестал быть нужным из-за того, что стал казаться политически некорректным». Говоря о военных операциях США в Афганистане, он продолжает:

«...отряды спецназа не социальные работники. Они имперские подразделения, которые продвигают американскую мощь и интересы в Центральной Азии. Можете называть их силами по поддержанию мира или восстановителями страны, называйте, как вам заблагорассудится, но там про-

исходит империалистическая полицейская операция. В сущности, вся война с терроризмом — это проявление империализма на деле. Это может прозвучать шоком для американцев, которым в голову не приходит считать свою страну империей, но как еще можно назвать шагающие по земному шару американские легионы солдат, шпионов и отрядов спецназа?»²

Дж. Джон Айкенберри, профессор геополитики и глобального права Джорджтаунского университета и постоянный автор на страницах *Foreign Affairs*, издания Совета по международным отношениям, пишет:

«Под сенью войны с терроризмом циркулируют ползучие новые идеи о великой стратегии США и реструктуризации нынешнего однополярного мира. Они призывают к одностороннему и предупреждающему, даже плано-предупреждающему применению американской силы, поддерживаемому, если возможно, коалицией, но в конечном итоге не сдерживаемой никакими правилами или нормами международного сообщества. В своей крайней форме эти представления складываются в неоимпериалистическое мировоззрение, согласно которому США присваивают себе глобальное право устанавливать нормы, определять угрозы и вершить правосудие»³.

Но для Айкенберри это вовсе не звучит осуждающе. «Имперские цели и *modus operandi* Америки,— заверяет он нас,— уже не те, что были у императоров древности, они намного больше ограничены и благотворны».

Другие влиятельные в общественном мнении политические и интеллектуальные фигуры выражаются в не менее модном духе открытой поддержки неоимпериализму. Себастьян Маллаби, обозреватель *Washington Post* и своеобразный «вынужденный империалист», выступая в *Foreign Affairs*, поясняет, что «логика неоимпериализма слишком императивна, чтобы администрация Буша могла устоять перед ней». Макс Бут, обозреватель *Wall Street Journal*, в статье «Вопрос об американской империи» писал: «Перед Америкой теперь маячит перспектива военных действий во многих из тех самых стран, где поколения британских колониальных солдат проводили военные операции. Это те же самые места, где западным армиям приходилось наводить порядок. Афганистан и другие беспокойные иностранные государства вопиют о какой-нибудь просвещенной иностранной администрации, когда-то обеспечивавшейся уверенными в себе англичанами в бриджах и пробковых шлемах». Очеркист журнала *Atlantic Monthly* Роберт Каплан в своей последней книге *Warrior Politics* («Воинственная политика») призывает к крестовому походу США за то, чтобы «принести процветание в отдаленные части мира под мягким имперским влиянием Америки».

Советник по вопросам безопасности при президенте Картере Збигнев Бжезинский утверждает, что главная задача США в сохранении их империи состоит в том, чтобы «предотвращать междоусобицу среди вассалов и держать их в состоянии зависимости, а данников в состоянии покорности и уверенности, что их защитят, и не допускать сплочения варваров». Стефен Питер Розен, руководитель Олиновского института стратегических исследований при Гар-

вардском университете, писал в *Harvard Review* (май — июнь 2002 года): «Наша цель (то есть американской армии) не сражаться с соперниками, а удерживать наши имперские позиции и поддерживать имперский порядок». Генри Киссинджер открывает свою работу «Нужна ли Америке внешняя политика?» словами: «США обладают превосходством, с которым не могла бы сравниться ни одна из великих империй прошлого»⁴.

Однако в этих свойственных истеблишменту рассуждениях о сдвигах в толковании концепций «империи» и «империализма» есть свои правила. Следует всячески подчеркивать исключительно благородные мотивы США. Поборники нового империализма должны всячески придерживаться экономических и военных концепций «империи» и «империализма» (избегая любого экономического толкования). Все радикальные мысли о связи империализма с капитализмом и эксплуатацией полностью исключаются.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИМПЕРИАЛИЗМА

Понятие экономического империализма в отличие от империализма в более общем понимании этого слова родилось в США чуть больше века назад. В своем эссе «Экономические основы империализма», впервые опубликованном в *North American Review*, в период испано-американской войны, Чарльз А. Ко-нант высказал мысль, что империализм необходим, чтобы поглощать избыток капитала в условиях нехватки рынков для прибыльного вложения капитала, другими словами, избавиться от того, что он назвал «перенасыщенным капиталом». Он писал:

«Приобретут ли США территориальные владения, учредят ли пост главнокомандующего и введут свои гарнизоны, возьмут ли на себя нечто среднее, вроде защиты суверенитета номинально независимого государства, или ограничатся военными базами и дипломатическими представителями, как основой своих прав освободить торговлю Востока, это вопрос частных. <...> Автор не является сторонником «империализма» из сентиментальных соображений, но не боится этого слова, если оно означает только то, что США закрепят свое право на свободные рынки в старых странах, которые открываются для излишков ресурсов капиталистических стран и тем самым получают преимущества современной цивилизации. Можно спорить, следует ли для этого прибегать к прямому управлению группами полудиких островов, но с точки зрения экономики существует только один путь — либо каким-то образом вступить в конкурентную борьбу за использование американского капитала и предприятий в этих странах, либо продолжать ненужное дублирование существующих средств производства и коммуникации при огромном количестве неупотребленной продукции, сотрясениях после торговой стагнации и постепенном падении прибыли на инвестиции, которые может повлечь за собой такая политика»⁵.

Конфликт между великими державами в конце XIX — начале XX века из-за раздела Африки, китайско-японская война (1894—1895), испано-американская война, Южноафриканская (Англо-бурская) война и Русско-японская война ознаменовали рождение нового империализма, связанного с монополистиче-

ским капитализмом, который качественно отличался от предшествовавшего ему колониализма. Это привело к созданию теории империализма, который его адептами уже не рассматривался с просто «сентиментальной» точки зрения, о которой писал Конант. Изменения в империализме вскоре вызвали появление более глубокого критического анализа, начало которому положил А. Гобсон книгой *Imperialism: A Study* («Империализм: исследование»), первое издание которой вышло в 1902 году. Гобсон был едва ли не главным критиком бурской войны, натолкнувшей его на обобщение теории империализма. В знаменитой главе из этой книги, называвшейся «Главный корень экономики империализма», Гобсон писал:

«Каждое усовершенствование методов производства, каждая концентрация собственности, по-видимому, подчеркивает тенденцию (империалистической экспансии). По мере того как страна за страной вступает в эру машинной экономики и начинает использовать современные промышленные методы, производителям, торговцам и финансистам становится все труднее распоряжаться своими экономическими ресурсами. Повсюду возникают избыточные производительные силы, жаждущий инвестирования избыточный капитал. Всеми бизнесменами признается, что рост производительных сил в их стране превышает рост потребления, что имеется возможность увеличить выпуск товаров, которые можно реализовывать с прибылью, и что имеется больше капитала, чем возможность найти ему выгодное приложение. Этот экономический фактор составляет главный корень империализма»⁶.

Работа Гобсона не была социалистической. Он считал, что империализм — порождение определенного рода концентрированной экономики и финансовых интересов и что радикальные реформы в области неправильного распределения доходов и потребностей внутренней экономики могут положить конец империалистическим побуждениям. Однако его работе было суждено приобрести гораздо большее значение, поскольку она оказала влияние на марксистскую теорию империализма, которая в этот период делала первые шаги. Самой важной марксистской работой того времени был ленинский «Империализм как высшая стадия капитализма», впервые опубликованная в 1916 году. Главная цель ленинской работы заключалась в том, чтобы объяснить межимпериалистическое соперничество, приведшее к Первой мировой войне. Но в процессе анализа Ленин увидел связь империализма с монополистическим капитализмом, сформулировав положение, согласно которому «если бы необходимо было дать как можно более короткое определение империализма, то следовало бы сказать, что империализм есть монополистическая стадия капитализма»⁷. Выделяя эту сторону вопроса, он пошел дальше несправедливого распределения доходов или стремления к прибыли определенных монополистических корпораций. Монополистический капитал рассматривался на новой стадии, когда он перешагнул стадию капитализма свободной конкуренции, на которой в государстве господствуют финансовый капитал, союз между крупными фирмами и банковским капиталом. Конкуренция не была устранена, но происходила главным образом между сравнительно небольшим числом гигантских фирм, которые были

в состоянии контролировать существенные доли национальной международной экономики. В этом смысле можно говорить, что монополистический капитализм неотделим от межимпериалистической конкуренции, принимающей преимущественно форму борьбы за глобальные рынки. В результате образуется разделение мира на имперские сферы, и как следствие — разгорается борьба за их сохранение или расширение, что и привело к Первой мировой войне. Более комплексный подход к проблеме империализма позволил Ленину преодолеть ограниченность предшественника, сосредоточившего внимание только на необходимости поиска выхода для избыточного капитала. Он также подчеркивал стремление монополий к исключительному контролю над сырьем и усилением контроля над иностранными рынками, что обуславливалось условиями глобализации, которые создаются на монополистической стадии капитализма.

Позднее марксистская (и радикальная немарксистская) наука обратила больше, чем это было у Ленина, внимания на некоторые общие особенности империализма, характеристику капитализма на всех его стадиях, таких как деление на центр и периферию, о чем упоминал еще Маркс. Но ленинское представление о новой, более развитой форме империализма, связанной с концентрацией и централизацией капитала и зарождением монополистической стадии, сохранило свое значение и в наш век, характеризующийся монопольным капитализмом в его современной стадии глобализации. В сущности, именно успех марксистской теории империализма, с большими подробностями вскрывшей капиталистическую эксплуатацию пе-

риферии и условия межимпериалистической конкуренции — так что все увидели императора голым, — привел к тому, что сам термин «империализм» был выброшен из дискуссий. Пока существовал Советский Союз, а на периферии наблюдался мощный подъем антиимпериалистических революций, капитализм не имел возможности открыто следовать концепции «империализм во имя поддержки цивилизации». Военная интервенция США по всему миру, предпринимаемая с целью подавления революций или установления контроля над рынками, неизменно оправдывалась официальным Вашингтоном ссылками на «холодную войну», а не на имперские цели США.

ВЕК ИМПЕРИАЛИЗМА

Опубликованный в 1969 году труд под названием *The Age of Imperialism* («Век империализма») Гарри Магдоффа выделялся тем, что в нем была предпринята самая мощная попытка противостоять проповедовавшимся Вашингтоном взглядам на внешнюю политику страны в годы вьетнамской войны с помощью эмпирического подхода к экономике американского империализма.

От работы Магдоффа было не так-то просто отмахнуться, списав ее на идеологию, потому что его разоблачение американского империализма базировалось на фундаменте анализа его экономической структуры, который строился на самых упрямых фактах — на американской экономической статистике. Неудивительно, что он вызвал на себя сильнейший огонь со стороны истеблишмента

и в то же время вдохновил многих противников войны.

«Век империализма» возродил интерес к критике империализма среди левых в США. Обратившись к тому, что всеми считалось аномалией в отношении США ко всему остальному миру,— интервенционистской внешней политике, сочетающейся с мнимой «изоляционистской экономикой»,— Магдофф показал, что американскую экономику никак нельзя назвать «изоляционистской». Свои утверждения он подкрепил данными, показывающими, что между 1950 и 1964 годами доходы от иностранных инвестиций более чем удвоились и составляли около 10% прибылей после уплаты налогов, полученных внутренними нефинансовыми корпорациями США⁸.

Эта работа также обращала на себя внимание выкладками о международной финансовой экспансии американского капитала, использовавшего гегемонистские позиции доллара в мировой экономике и рост долговой западни третьего мира. Здесь Магдофф представил свое первое объяснение «процессу обратного потока», заложенного самой природой постоянной опоры на иностранный долг. «Если страна занимает, скажем, 1000 долларов в год,— писал он,— не пройдет много времени, и деньги на обслуживание долга станут больше ежегодного притока». Взяв для примера самый простой случай займа в 1000 долларов под 5% годовых «при условии выплаты долга равными частями в течение 20 лет», он показывает, что на пятый год почти 50% ежегодного займа будет уходить на обслуживание долга, на десятый год на обслуживание долга будет уходить 90% нового займа, на пятнадцатый выплаты процентов и уплата

амортизации перерастут сумму капитальных поступлений, а на двадцатый год «заемщик платит 1,5 доллара за каждый занятый им 1 доллар»⁹.

Нельзя ли, спрашивал Магдофф, стране обойти эту западню, не занимать каждый год деньги, а вместо этого использовать занятые деньги на развитие промышленности, которая будет приносить доход, и использовать этот доход на покрытие долга? Поскольку выплата заемных денег должна производиться в валюте страны-кредитора, долг (вне зависимости от темпов роста) может быть выплачен только при условии, что экспортируется достаточно товаров, выручка от которых даст необходимую валюту. Еще в 1969 году, задолго до того, как задолженность стран третьего мира достигла критической точки, Магдофф писал, что «рост стоимости обслуживания выплат по долгу развивающегося мира увеличивается намного быстрее роста экспорта. Отсюда бремя долга стало тяжелее, и, соответственно, увеличилась финансовая зависимость от ведущих промышленно развитых стран и их международных организаций, таких как Всемирный банк и Международный валютный фонд»¹⁰.

Большая часть эссе в опубликованной в 1978 году книге Магдоффа «Империализм: от колониального века до настоящего времени» (*Imperialism: from the Colonial Age to the Present*) посвящена ошибочным представлениям относительно истории империализма. Самым важным был ответ Магдоффа на вопрос: «Действительно ли необходим империализм?» Отвечая на широко распространенные утверждения, что капитализм и империализм не связанные между собой категории и что последний не обязательно является атрибутом первого, он указывал на то, что

капитализм был мировой системой с самого начала и что империалистическая экспансия в широком смысле слова является в такой же степени частью системы, как сама погоня за прибылью. Он также выступал против тех левых, которые пытались осмыслить современный империализм с позиций особой теории экономического кризиса или идеи о необходимости экспорта капитала, а не признав, что империализм был с самого начала органически присущ глобализационным тенденциям капитализма. Признавая важность экономических законов развития капитализма, которые породили реальности современного империализма, следует избегать упрощенных, механистических, узкоэкономических объяснений (отделенных от политических, военных и культурных факторов). Вместо этого нужно искать первоисточники этого явления, обратившись к истории развития капитализма, начиная с XVI века. «Покончить с империализмом,— делает вывод Магдофф,— невозможно, не разделившись с капитализмом»¹¹.

ОБЕРЕГАЯ КОНЦЕПЦИЮ ИМПЕРИАЛИЗМА

На эти аргументы основная масса ученых откликнулась, все более и более отказываясь употреблять термин «империализм» (в той мере, в какой он связан с капитализмом) в рамках научной дискуссии, приписывая ему чисто идеологическое звучание. В то же время предпринимались попытки изолировать концепцию «экономического империализма» как особую категорию, рассматривая его, как это принято в наших научных кругах, узко, обособленно, вне связи с политическим империализмом, культурным импе-

риализмом и т. п.¹² Эти нападки на марксизм и радикальные взгляды на империализм оказались настолько эффективными, что к 1990 году Прабхат Патнаик написал в *Monthly Review* статью под заголовком «Что такое случилось с империализмом?», в которой обратил внимание на то, что этот термин почти совершенно пропал у левых в Америке и Европе. Этот факт вызывал особое удивление потому, что это произошло в тот момент, когда США осуществляли военную интервенцию (как открытую, так и тайную) против таких стран, как Никарагуа, Эль-Сальвадор, Гватемала, Гренада и Панама, и невзирая на грабительское поведение многонациональных корпораций в разных концах мира (например, в Индии, где Union Carbide убила тысячи людей)¹³.

«Молодые марксисты,— писал Патнаик,— теряются, когда упоминается этот термин. Они обсуждают самые острые проблемы современности, но не говорят об империализме... Эта тема почти исчезла со страниц марксистских журналов, особенно за последнее время»¹⁴. Больше никто не обсуждает ни истории, отмечает он, ни теории империализма.

Что это значит в историческом плане, можно увидеть в идеологическом расколе, происшедшем в связи с борьбой против глобализации и новыми Балканскими войнами, а затем позже в связи с атаками на Всемирный торговый центр и Пентагон 11 сентября и объявлением войны с терроризмом. С одной стороны, большинство интеллектуалов на расширение военных операций США и НАТО, а также поддержку США Всемирной торговой организации предпочло отреагировать приданием нового лоска благотворной гегемонии или «мягкому империализму» единственной мировой сверхдержавы. С другой

стороны, постмарксисты или прежние мыслители-радикалы принялись искать причины, по которым следует отказаться вообще от использования концепции империализма в ее классической марксистской формулировке. Они отделяют его от капитализма, глобальной эксплуатации и экономического империализма и оперируют тезисом, что, поскольку этот термин неприемлем в добропорядочной дискуссии, от него следует отказаться.

Характерный образчик такого подхода мы видим в статье Тома Барри «Возвращение к интервенционизму», опубликованной 11 марта 2002 года в онлайн-новом издании *Foreign Policy in Focus* и мнимо претендующей на то, чтобы ее считали откликом на атаки 11 сентября и войну с терроризмом. Барри, который в 1970-е годы в своих первых работах безоговорочно принимал концепцию империализма, утверждал в этой статье, что «для некоторых, особенно для новых и старых левых, это (вьетнамская война) было «Веком империализма», эрой, когда США закрепляют за собой ресурсы и государства «развивающегося» мира. Такая критика империализма страдала слабостью анализа, и главным образом потому, что не объясняла, почему США настолько глубоко вовлечены в таких местах, которые, по всей видимости, не представляют сколько-нибудь существенного интереса с точки зрения экономики, например в Южном Вьетнаме. Не сумели критики имперской Америки прояснить идеалистическую сторону американской интервенции — вильсонское влечение нести свободу и демократию всему остальному миру. Если они ставили целью реформировать внешнюю политику США, то представление о США как сорвавшейся с тормозов имперской державе не нашло под-

держки ни у политических руководителей страны, ни у общественности. Если что и способствовало выявлению таких тенденций во внешней политике США, которые поддерживали репрессии и военную интервенцию в третьем мире, то это критика с позиций прав человека».

Согласно этой точке зрения, тот факт, что «политических руководителей США», то есть представителей доминирующей системы власти, не привлекала сама идея империализма (плюс тот факт, что познакомившееся с теорией население полагало, будто в истории США империализмом и не пахнет), был достаточной причиной, чтобы вообще придать этот термин забвению. В конце концов, разве США прежде всего, не считая нескольких досадных промахов, не «несут свободу и демократию всему остальному миру»? И тем не менее в тот момент, когда была опубликована эта статья, американские солдаты вели войну в Афганистане, строили базы по всей Центральной Азии и осуществляли интервенцию на Филиппинах и в других местах. В то же самое время, когда идея о «Веке империализма» подвергалась критике со стороны американских левых, большинство ученых мужей и политических деятелей прославляли новый век империализма с США во главе.

Более основательной критике идея империализма была подвергнута Майклом Хардтом и Антонио Негри в их работе *Empire* («Империя»). Хардт и Негри считали, что империализм закончился с окончанием вьетнамской войны. Война в Заливе 1991 года, во

время которой США применили против Ирака всю свою военную мощь, по мнению этих авторов, проводилась «не как функция, обеспечивающая собственные национальные интересы (США), а во имя глобального права... Полицейские действия США в мировом масштабе осуществляются не в империалистических интересах, а в интересах имперских (то есть империи без границ и центра). В этом смысле война в Заливе действительно, как утверждал Джордж Буш (старший), возвестила рождение нового мирового порядка». В другом месте своей книги они заявляют: «США и вообще никакое другое национальное государство сегодня не могут сформировать центр империалистического проекта»¹⁵.

Именно эта позиция — отрицание связи между США и империализмом в классическом эксплуататорском смысле слова при признании расширения суверенитета США и их мощи, что наводит на мысль об «империи» и цивилизаторской «имперской» роли (распространении Конституции США на мировое пространство), — прозвучала в безмерном восхвалении книги Хардта и Негри, которое разразилось на страницах таких изданий, как *New York Times*, журнал *Time*, *London Observer* и *Foreign Affairs*.

Уже позже Тодт Гитлин, бывший президент организации «Студенты за демократическое общество», а теперь профессор журналистики и социологии в Колумбийском университете, писал в *New York Times*:

«У американских левых имелась... своя версия односторонности. Ответственность за атаки (11 сентября) должна была каким-то образом лежать на американском империализме, потому что американский империализм виноват во всем,— обрат-

ное отражение идеи правых, что все хорошее есть и должно быть в какой-то мере американским. Интеллектуалы и активисты с крайне левого фланга не очень пекутся об обороне или сострадании... Мало что зная об «Аль-Каиде», они видят в ней антиимпериалистическую силу, а американское наступление на «Талибан» называют вьетнамской трясинной. Для них главное — помахать флагом... Послевьетнамские либералы, освободившись от пристрастия 1960-х годов к демонстрациям и нашего рефлексивного негативизма, получили теперь возможность воспринять либеральный патриотизм, не нуждающийся в оправданиях и не боящийся запугивания¹⁶.

Для Гитлина, выступающего в обслуживающих истеблишмент органах средств массовой информации с материалами, открыто воспевающими мнимое благородство американского «империализма», весь эмоциональный заряд, заложенный в словах «американский империализм», представлялся неким экстремальным искажением смысла, которое придумали левые. Не имел никакого значения тот факт, что именно дислокация постоянных военных баз в Саудовской Аравии для обслуживания войны США против Ирака в 1991 году заставила исламских фундаменталистов, выходцев из Саудовской Аравии (включая саму «Аль-Каиду»), повернуть оружие против США. Не имело никакого значения, что Усама бен Ладен прошел свою подготовку террориста, участвуя в оплаченной США войне исламских фундаменталистов против Советов в Афганистане. Не имело значения, что Саддам Хусейн являлся бывшим клиентом США во время ирако-иранской

войны (а вообще, до самого момента его вторжения в Кувейт). Не имело значения, что Саудовская Аравия и Ирак занимают, соответственно, первое и второе место в мире по разведанным запасам нефти или что Афганистан — дверь в Центральную Азию, один из богатейших регионов мира по запасам нефти и газа. Наконец, не имело значения, что у США военные базы по всей Центральной Азии и они намерены сохранить их за собой. Так или иначе, невзирая на это и на то, что «мнимый империализм» повсюду прославляется всеми и вся, левым не дозволяется, критикуя внешнюю политику США, поднимать вопрос об американском империализме. Если об империализме вновь заговорили, то только в строго определенных рамках идеологии.

*ГЛОБАЛЬНЫЕ БОГАТЫЕ БОГАТЕЮТ,
ГЛОБАЛЬНЫЕ БЕДНЯКИ БЕДНЕЮТ¹⁷*

Важно обратить внимание на то, что в научных кругах вспомнили об империализме только для того, чтобы оправдать военную и политическую гегемонию США. При обсуждении проблемы расширяющегося разрыва между богатыми и бедными странами, как это рассматривается марксистскими теориями империализма и как трактует ее антиглобалистское и антикапиталистическое движение, вопрос о роли империализма в этом процессе предается забвению. О влиянии нового глобального антикапиталистического движения свидетельствует то, с какой энергией защищаются мировой истеблишмент и его союзники. Значительное место в их системе обороны занимает тезис, будто антиглобалисты не понимают, о чем говорят. Если создается впечатление, что домини-

нирование американской империи становится все более сильным, чем когда-либо прежде, говорят нам, то это не имеет никакого отношения к экономической эксплуатации.

Я имею в виду статью Вирджинии Пострел, одной из постоянных экономических обозревателей *New York Times*, опубликованную в номере от 15 августа 2002 года. Судя по броскому заголовку, «богатые богатеют, бедные беднеют. Правильно? Посмотрим на это с другой стороны», эта статья была приурочена к мировому саммиту по устойчивому развитию, состоявшемуся в Йоганнесбурге в августе — сентябре 2002 года. Целью статьи Пострел было опровергнуть цитируемую в статье мысль Ноам Чомски: «В период глобализации неравенство растет невероятно, и как внутри отдельно взятых стран, так и между странами». Если верить Пострел, то начисто ошибается не только Чомски, но и Доклад о гуманитарном развитии, составленный Организацией Объединенных Наций в 1999 году, в котором на основе данных, собранных ООН, делается аналогичный вывод.

Что же считает Пострел и другие защитники глобализации и либерализации неверным у Чомски и Организации Объединенных Наций? Они утверждают, что их данные не соответствуют действительности. «Доклад Организации Объединенных Наций и другие исследования принимают в расчет разрыв между самыми богатыми и самыми бедными странами, а не богатыми и бедными индивидами. Это значит, что бывшие прежде бедняками граждане больших стран могут стать намного богаче и все равно попасть в эту категорию».

Здесь неолиберальные защитники глобальной системы путаются и смешивают два *разных* вопро-

са — разрыв между странами и неравное распределение доходов у населения различных стран мира. Между этими двумя вопросами существует несомненная разница. Размер страны не имеет никакого отношения к определению разницы в уровне развития. В мировую экономику входят все страны. Для истории капитализма характерно увеличение ножиц между богатыми и бедными странами. Этот разрыв определяется тем, что богатые страны богатеют в значительной степени за счет бедных. Иногда большое государство эксплуатирует группу меньших стран. В других случаях небольшое государство извлекает избыточный продукт из стран, которые по размеру значительно крупнее. Вспомните нынешнюю империю США и ушедшую в прошлое Британскую империю.

Идеологи глобального капитализма, проповедующие благородство американского империализма, утверждают, что глобализация и либерализация приведут к экономическому равенству между странами, большими и малыми. Однако приведенные Организацией Объединенных Наций факты убедительно доказывают, что этого не происходит. Напротив, разрыв между странами расширяется.

Это *New York Times* не интересуется. Она заботится о людях. Пострел далее пишет:

«За последние три десятка лет... две самые большие страны в мире, Китай и Индия, развивались в экономическом отношении быстрыми темпами. То же происходило и в азиатских странах с относительно большим населением. В результате у 2,5 миллиарда человек повысился жизненный уровень, подтягиваясь к жизненному уровню милли-

арда людей в уже развитых странах, глобальная бедность сократилась, глобальное равенство усилилось. С точки зрения индивидов, экономическая либерализация имела колоссальный успех».

Но что за примеры! Давайте взглянем на вклад Индии в сокращение глобальной бедности. Согласно последнему докладу Всемирного банка *86% населения Индии живет менее чем на 2 доллара в день*¹⁸. В 1983 году в Индии верхние 10% лиц, получающих трудовой доход, составляли 26,7% доходов/расходов домашних хозяйств, к 1992 году их доля выросла до 28,4%, а к 1997 году — до 33,5%. Вряд ли это можно назвать ростом равенства!¹⁹

Теперь возьмем Китай. Три десятилетия назад Китай был страной самого большого равенства в мире. Затем руководители государства ради достижения своих целей решили пойти другим путем. Вместо проповеди равенства стали призывать граждан обогащаться. Начали поощрять частное предпринимательство, приоткрыли двери иностранному капиталу, китайское государство принялось заигрывать с американскими многонациональными корпорациями, приветствовалась глобализация, в деловом пространстве появился Всемирный банк, недавно Китай стал членом ВТО.

Все получилось наоборот, а не так, как должно было бы получиться согласно господствующей догме и как это видят Пострел и остальные защитники неолиберальной глобализации. Китай, отличавшийся в прошлом своей преданностью идее равенства, делается во все большей степени страной растущего неравенства. Настолько, что к концу девяностых годов распределение доходов в Китае очень сильно

напоминало неравное распределение доходов в США (см. табл. 5.1).

Таблица 5.1. Распределение доходов в США и Китае²⁰

	Доля (в %) дохода или потребления*			
	Самый низкий 10%	Самый низкий 20%	Самый высокий 10%	Самый высокий 20%
КИТАЙ	2,4	5,9	30,4	46,6
США	1,8	5,2	30,3	46,4

* В зависимости от конкретных данных экономисты Мирового банка делали расчеты распределения доходов или расходов.

Источник: World Bank, World Development Report 2000/2001, U.S. data are for 1997; China for 1998

Существует обширная статистика относительно распределения доходов в мире. Информация была собрана в результате кропотливого, тщательного и в высшей степени компетентного исследования, выполненного Бранко Милановичем, экономистом Всемирного банка. Он проанализировал массу статистических данных, хранящихся в компьютерах Всемирного банка и в своих материалах, и показал распределение мирового дохода в 1988 и 1993 годах. В сущности, они продемонстрировали, что за эти годы неравенство увеличилось (см. табл. 5.2).

**Таблица 5.2. Распределение мирового дохода.
Совокупный процент населения и доходов**

Совокупный процент мирового населения	Совокупный процент мирового дохода	
	1988	1993
Низшие 10%	00,9	00,8
Низшие 20%	02,3	02,0
Низшие 50%	09,6	08,5
Низшие 75%	25,9	22,3
Низшие 85%	41,0	37,1
Верхние 10%	46,9	50,8
Верхние 5%	31,2	33,7
Верхние 1%	09,3	09,5

Источник: Branco Milanovic (World Bank, Development Research Group), "True World Income Distribution, 1988 and 1993; First Calculation Based on Household Surveys Alone." *The Economic Journal*, 112 (January 2002), pp. 51—92

Примечательно, что один высший процент получил большую долю (9,5%) мирового дохода в 1993 году, чем низшие 50%, а высшие 5% в 1993 году получали долю дохода, намного превосходившую долю низших 75% и начинали приближаться к низшим 85%. (Миланович исследовал эти данные намного подробнее, чем это приводится здесь, и показал, что 1% получал такую же долю доходов, как низшие 57% населения Земли.) Именно такие цифры и следовало бы ожидать, зная историю капитализма, который процветает на увеличении разрыва между богатыми и бедными,— это закон системы, которая теперь приобрела глобальный характер.

Такая глобальная эксплуатация составляет сущность капитализма, которая настолько же присуща капитализму и настолько же неотделима от него, как само накопление. Но и это отнюдь не полная характеристика империализма, он представляет собой сложное переплетение политических, военных и культурных (расовых) факторов. Согласно марксистскому подходу, экономический империализм, в сущности, сливается с этими другими составляющими в такой же мере часть развития глобального капитализма факторами.

Если погоня за прибылью является мантрой американской империи, то и его военная и политическая мощь нацелена на расширение масштабов этой погони на весь мир и на выдвижение на первый план интересов американских корпораций и правительства США.

Проблемы империализма вновь становятся предметом широкого обсуждения, что означает только то, что эти процессы представляются теперь, особенно правящими кругами США, в качестве неизбежных, реальностью, от которой никуда не уйдешь. Борьба с этой новой стадией империализма только еще начинает разворачиваться, и это совершенно очевидно. Большая часть населения земного шара знает то, что весьма удобно забыть ученым защитникам империализма в США, а именно то, что американский империализм походит на эксплуататорские империи прошлого и, скорее всего, ему уготована их судьба — нарастающий бунт изнутри, и «варвары» у ворот.

ГЛАВА 6

ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ США И ИРАК

Декабрь 2002 года

Официальной целью нынешней политики Вашингтона в отношении Ирака объявлена «смена режима» либо путем военного переворота, либо с помощью военного вмешательства США, оправдываемого лозунгом «упредительного удара» по государству-преступнику, намеревающемуся разрабатывать и применять оружие массового уничтожения¹. Но вторжение США, если оно и произойдет, будет имеет целью не только смену режима в Багдаде. Более далеко идущей целью будет ни больше ни меньше как распространение власти США на глобальном уровне, что обеспечит установление американского господства над всем Ближним Востоком. Поэтому сейчас мир становится свидетелем нового этапа в истории империализма.

Сегодняшний империализм совершенно определенно не похож на империализм конца XIX века. На заре современной эры империализма несколько держав, а именно Германия, Япония и США, появились на мировой сцене, чтобы бросить вызов гегемонии

Британии в разных частях земного шара. В тот период проявились некоторые существенные черты империализма: борьба между европейскими державами за раздел Африки, развертывание соперничества европейских стран за рынки на территории друг друга, усиливающиеся претензии Германии на роль главного международного валютного рынка, которым до этого оставался Лондон. В то же время США предпринимали шаги, чтобы включиться в соперничество за европейские рынки, и стали приобретать собственные колонии и сферы влияния в Латинской Америке и Азии. Главной причиной Первой мировой войны были одновременно острая конкуренция великих держав за колонии и рынки и попытка Германии уничтожить Британию как центр международных валютных и торговых рынков.

Период после Первой мировой войны явился второй фазой современного империализма. Версальский договор дал старт процессу дележа трофеев между победителями, имевшими к тому же и общую цель — покончить с большевизмом. Торстейн Веблен писал, что стремление стереть большевизм с карты мира было не просто тайной статьей Версальского мирного договора, а его «тканью»². Однако планы изоляции и сокрушения Советского Союза были нарушены Великой депрессией и Второй мировой войной, которая была вызвана борьбой стран Оси — Германии, Италии и Японии за то, чтобы отрезать себе от мировой системы куски побольше.

Третья стадия империализма началась после Второй мировой войны. Во время войны США, выступая в качестве новой страны-гегемона в капиталистическом мире, разработали план установления контроля над тем, что они считали центрами миро-

вой экономики, эти амбиции не могли осуществиться только благодаря существованию советской сферы влияния. В 1981 году Ноам Чомски пишет по поводу формирования геополитической стратегии США в тот период:

«Общие направления идей, которые определяли американскую внешнюю политику после Второй мировой войны, лучше всего просматриваются в документах планирования, разработанных Государственным департаментом и Советом по иностранным делам, который собирался на протяжении шести лет, с 1939 по 1945 год для выработки Программы изучения проблем войны и мира. Безусловно, к 1941—1942 годам не оставалось сомнений, что после окончания войны США станут обладателем небывалого мирового господства. Вставал вопрос: «Как нам организовать мир?»

Была выработана концепция, получившая название «Планирование “больших зон”». Большая зона определялась как район, который, как записано в этих документах, был «стратегически необходим для мирового контроля». Геополитической базой определения таких зон были соображения относительно того, какие районы мира должны быть «открыты», — открыты для инвестиций, открыты для вывоза прибыли. Открыты — значит, находились бы под контролем США.

В целях того, чтобы экономика США процветала без внутренних изменений (важнейшее положение, которое пронизывает все обсуждения этого вопроса того периода), без какого-либо перераспределения доходов или власти или модификации системы, Программа войны и мира определяла,

что минимальная зона, стратегически необходимая для мирового контроля, включала бы все Западное полушарие, бывшую Британскую империю, которую уже начали растаскивать в тот период, и Дальний Восток. Это был минимум, а максимумом была Вселенная.

Где-то между минимумом и максимумом находилось место для концепции Большой зоны и задачи, как ее организовать с точки зрения финансовых институтов и планирования. Это направление мысли оставалось неизменным весь послевоенный период»³.

Освобождение европейских колоний и провал планов Японии в районе Тихого океана позволили американскому капиталу при поддержке военной мощи США начать проникновение на рынки, которые до этого были для него недосыгаемы. В то время как Бреттон-вудские соглашения установили новые экономические правила для империалистических держав, военная мощь США и секретные операции американских спецслужб стали все чаще и чаще использоваться по всему миру — войны в Корее и Вьетнаме, свержение правительства Ирана, Гватемалы и Чили, попытка свергнуть кубинское правительство и вмешательство в многочисленные гражданские войны в Центральной Америке и Африке.

Важнейшим вопросом для концепции Большой зоны был контроль над Ближним Востоком, который рассматривался как часть Британской империи, поскольку без его решения невозможно было обеспечить экономический, военный и политический контроль над земным шаром — и не в меньшей степени

потому, что это было подлинное хранилище большей части мировых разведанных запасов нефти. Соответственно, США в 1950-е годы предприняли длинную серию открытых и тайных вмешательств в регионе, самым главным из которых было свержение в Иране законно избранного демократическим путем правительства Мосаддыка, который провел национализацию иностранных нефтяных компаний. Этот курс давал результаты. Между 1940 и 1967 годами американские компании увеличили свой контроль над ближневосточными запасами нефти с 10% до почти 60%, за это же время запасы, находившиеся под британским контролем, сократились с 72% в 1940 году до 30% в 1967-м⁴.

Затянувшееся объединение Европы, которого долго ждали, которое имело очень большое значение и на которое отчасти подталкивала экономическая стагнация, показало, что Европа не в состоянии встать на пути интересов США, на что так надеялись европейские лидеры. При слабой Европе и неспособности Японии составить серьезную конкуренцию интересам США в Азии, поражение реального социализма в Европе в начале 1990-х годов практически открыло путь к возобновлению гегемонии США, которая несколько ослабела в 1970-е и 1980-е годы.

Если смотреть на историческую эволюцию империализма, то становится ясно, что за нынешней кампанией Вашингтона, подготавливающей общественное мнение к началу войны в Ираке, просматривается ее подлинный мотив. Конечно же это никакая не военная угроза от этой страны, а стремление продемонстрировать готовность США по собственному произволу использовать свою военную мощь. Как заметил по этому поводу Джей Букмен, заместитель

редактора *Atlanta-Journal Constitution*: «Официальные объяснения по поводу Ирака никогда не были вразумительными... Интервенция в Ирак связана отнюдь не с оружием массового уничтожения, терроризмом, Саддамом или резолюциями ООН. Эта война, если до нее дойдет дело, имеет целью официально заявить о США как о готовой глобальной империи, берущей на себя ответственность и власть в качестве планетарного полицейского. Это было бы завершающим моментом в осуществлении плана, вынашивавшегося лет десять или больше теми, кто считает, что США должны воспользоваться случаем и установить глобальное господство, даже если это означает превращение в «американских империалистов», каковыми всегда считали наши враги... Рим не склонялся перед сдерживанием, он побеждал. Так же должны побеждать и мы»⁵.

ЗАЩИТА ИМПЕРИИ

Насколько бы неоправданными ни были войны за имперскую экспансию, они всегда требуют некоего оправдания. Часто их оправдывали с помощью доктрины оборонительной войны. В своем эссе 1919 года *Sociology of Imperialisms* («Социология империализмов») Джозеф Шумпетер писал о Риме периода наибольшей экспансии:

«Не существовало такого уголка мира, для которого бы не изобретали мнимой опасности для каких-нибудь интересов или не объявляли объектом внешней агрессии. Если это были не римские интересы, они были интересами римских союзников, а если у Рима не было союзников, тогда союзников

придумывали. Когда никак не получалось притянуть за уши какой-нибудь интерес, ну и что, тогда заговаривали об оскорблении чести нации. Войну всегда облекали некоей аурой законности. На Рим все время нападали злокозненные соседи, он непрерывно боролся за место под солнцем. Весь мир полнился целым сонмом врагов, и очевидным долгом Рима было не терять бдительности перед лицом их несомненных агрессивных устремлений»⁶.

Ссылка на то, что бесконечная серия оборонительных войн была необходима для того, чтобы остановить злокозненные силы во всех уголках известного мира, не умерла с Римской империей, но сделалась обоснованием экспансии британского империализма в XIX и американского — в XX веке⁷. Той же ментальностью пронизана «Новая стратегия безопасности США», которую недавно исполнительная власть передала в Конгресс⁸. В этом документе устанавливаются три ключевых принципа стратегической политики США: 1) поддержание преобладающего глобального военного доминирования США с тем, чтобы не позволить ни одной стране соперничать с США или угрожать им; 2) готовность США начать в любой точке земного шара «упреждающие» военные действия против стран или сил, которые считаются угрозой безопасности США; 3) иммунитет граждан США от преследования Международным криминальным судом. Комментируя эту новую «Стратегию национальной безопасности», сенатор Эдвард Кеннеди заявил: «Доктрина администрации — это призыв к американскому империализму XXI века, который не может и не должна принять ни одна страна»⁹.

Амбиции Вашингтона создать невиданную глобальную империю сравнимы только с его параноидальным страхом перед бесчисленными врагами, выглядывающими из всех щелей на Земле и готовящимися нанести ущерб безопасности США на их собственной территории. Эта внешняя угроза только оправдывает в глазах Вашингтона масштабы мощи США. Враги США, которым в настоящий момент намереваются нанести удар, весьма удобно расположились в третьем мире, где существуют самые большие возможности для открытой экспансии США.

Ирак с жестокой диктатурой Саддама Хусейна представляют самым страшным государством-преступником, глобальным врагом номер один. Несмотря на то что Ирак пока не имеет самого ужасного оружия массового уничтожения, ядерного оружия, администрация Буша утверждает, что он скоро обзаведется им. Больше того, в связи с предполагаемым безумием его лидера говорят, что Ирак настолько иррационален, что с безразличием относится к угрозе ядерного сдерживания. А потому, уверяют нас, не остается иного выбора, кроме как нанести по этому преступному режиму быстрый удар, пока он не получил это устрашающее оружие. На этом этапе, утверждает администрация Буша (хотя с этим не согласны другие члены Совета Безопасности ООН), инспекция, проводимая Организацией Объединенных Наций, по большому счету, не принесет результатов. Нам твердят, что Саддам Хусейн всегда найдет способ спрятать производство своего самого опасного оружия где-нибудь в обширных комплексах, обеспечивающих его собственную безопасность, куда инспекторы ООН не получат полного доступа, даже

если Ирак изъявит согласие на безоговорочную инспекцию. Не остается иного выбора, кроме «смены режима» (и установления марионеточного режима) с помощью силы, организации военного переворота или вторжения.

Вселяя таким образом страх в американскую публику, которая уже напугана событиями 11 сентября, администрация стремится втянуть в войну страну и весь мир. Если президент США со своей администрацией день за днем твердят, что США вот-вот подвергнутся нападению с применением оружия массового поражения (причем говорят о внезапной атаке, «грибовидном облаке», хотя у страны, о которой идет речь, нет никаких возможностей нанести такой удар), значительная часть населения не может в это не поверить. Бесконечное повторение этих леденящих кровь предупреждений, сфабрикованных по рецептам большой лжи, которым к тому же вторят средства массовой информации, постепенно утрачивает прежнее воздействие, натываясь на широко распространенный в стране скептицизм. «Если общественная поддержка с самого начала оказалась слабой,— писал министр обороны Дональд Рамсфельд относительно проблемы убеждения населения в необходимости поддерживать непопулярную войну,— то руководство США должно быть готовым вкладывать политический капитал в организацию поддержки на такой срок времени, какой может потребоваться для проведения необходимых действий»¹⁰.

Настолько безумными были идеи, исходившие из Овального кабинета, пытавшегося по клочкам скроить оправдание для вторжения, что не кто иной, как директор Центрального разведывательного управле-

10 Откровенный империализм

ния Джордж Дж. Тенет был вынужден выступить и поправить ложные утверждения президента. Таким образом, Тенет открыто возразил президентским утверждениям, будто Ирак представляет собой непосредственную ядерную угрозу США, указав, что Ираку потребуется время, по крайней мере до конца десятилетия, чтобы произвести достаточно делимого материала для изготовления одной единицы ядерного оружия. Администрация попыталась обойти слабость аргументации тезиса о ядерной угрозе, перенеся упор на угрозу химической и биологической атаки со стороны Ирака. Выступая с речью в Цинциннати 7 октября 2002 года, президент сказал, что Багдад может в любой момент предпринять нападение с помощью такого оружия на цели, расположенные на территории США, если в доставке такого оружия к целям ему окажут поддержку и содействие террористические сети. И все-таки в тот же день в письме в Конгресс за подписью Тенета Центральное разведывательное управление выступило с опровержением этого утверждения, указав, что нет признаков того, что Ирак разрабатывает химическое или биологическое оружие, не считая производства в целях обороны, и не следует ожидать, что в обозримом будущем он пойдет на поддержание террористических атак, если США не совершат нападение первыми. «На настоящий момент, судя по всему, Багдад отказался от террористических атак против США с применением обычного, химического или биологического оружия», — говорилось в письме. Однако, «если Саддам придет к выводу, что нападения под руководством США избежать больше не удастся», — говорилось далее в письме, — он, вероятно, станет проявлять меньше

сдержанности относительно перехода к террористическим действиям»¹¹.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Остается фактом, что Ирак в настоящее время, вероятно, не обладает готовым к применению химическим или биологическим боевым оружием, так как оно было полностью уничтожено в 1991—1998 годах во время проводившихся ООН инспекций. Такими возможностями он обладал в 1980-х годах, когда Ирак при Саддаме Хусейне был союзником США. В период 1985—1989 годов, совпавших с ирако-иранской войной 1980—1988 годов, и после применения Ираком химического оружия против Ирана в 1984 году, американские компании с одобрения Рейгана и администрации первого Буша посылали в Ирак множество смертельных биологических культур, включая антракс. Министерством торговли были разрешены восемь партий культур, которые позже были классифицированы центрами по контролю за инфекционными болезнями как «имеющие значение биологического оружия». В целом в те годы Ирак получил из США по меньшей мере двадцать семь партий клонов, бактерий и химикатов, имеющих потенциал боевого химического и биологического оружия¹². США продолжали поставлять в Ирак смертоносные вещества даже после того, как Ирак, по имевшимся данным, применил в 1988 году химическое оружие против курдов в Северном Ираке.

Не секрет, что США — это страна, располагающая самыми крупными запасами оружия массового уничтожения и самой передовой технологией в этой области. Едва ли можно удивляться тому, что боль-

шинство людей в мире считают, что Вашингтон живет по меркам двойных стандартов, когда ведет дело с такими странами, как Ирак. Вот что рассказывал Ричард Батлер, бывший главный инспектор Организации Объединенных Наций в Ираке: «Мои попытки заговорить с американцами о двойных стандартах неизменно заканчивались ничем, даже с самыми образованными и знающими людьми. Иногда мне казалось, что я разговариваю с ними на марсианском языке, настолько глубоко они не способны понять». По мнению Батлера, «что американцы никак не могут понять, так это то, что их оружие массового уничтожения такая же проблема, как иракское». Мысль о том, что «есть хорошее оружие массового уничтожения и плохое», ложна. В качестве инспектора ООН Батлер сталкивался с этим противоречием на каждом шагу:

«Среди самых трудных для меня моментов в Багдаде были разговоры с иракцами, которые требовали, чтобы я объяснил им, почему их преследуют за их оружие массового уничтожения, когда вон там, совсем за углом, у Израиля, как известно, около 200 единиц ядерного оружия и никто его за это не порицает... Признаться, я тоже испытываю чувство неловкости, когда слышу разглагольствования американцев, англичан и французов по поводу оружия массового уничтожения, причем они забывают о том, что гордятся обладанием колоссальным количеством этого оружия и без тени смущения заверяют, что оно очень важно для их национальной безопасности и таковым и останется... Это потому, что у людей такая несправедливость просто не укладывается в голове»¹³.

США далеко не последовательны в вопросе распространения оружия массового уничтожения и, будучи больше всех других стран заинтересованы в таком оружии, не раз блокировали попытки ограничить его на мировом уровне. Например, в декабре 2001 года, через два месяца после атак 11 сентября, президент Буш поверг международное сообщество в шок, «убив» предложения по созданию механизма проведения в жизнь Конвенции о биологическом и токсическом оружии, сославшись на исключительно надуманные причины. Он сказал, что если проводить инспекции биологического оружия на территории США, то они поставят под угрозу технологические секреты и прибыль биотехнических компаний США.

Цели Вашингтона в Ираке в годы, следовавшие за войной в Заливе, отличались от целей инспекций ООН по уничтожению химического и биологического оружия и разоружению, которые должны были очистить Ирак от оружия массового уничтожения. По словам Скотта Риттера, бывшего инспектора ООН по вооружениям в Ираке в 1991—1998 годах, это было совершенно очевидно из односторонних действий США, явно направленных на срыв инспекционного процесса¹⁴. К 1998 году 90—95% подлежащего уничтожению из имеющегося в наличии оружия в Ираке было в процессе инспекций уничтожено. Камнем преткновения были инспекционные посещения многочисленных объектов, относившихся к системе безопасности самого Саддама Хусейна и безопасности партии Боас. Предварительно была согласована процедура, называвшаяся «Методикой инспекции закрытых объектов». Согласно этой методике, четыре инспектора ООН по первому требова-

нию получали немедленный доступ на эти объекты и обыскивали их. Тем не менее при проведении инспекции штаб-квартиры партии Боас в Багдаде в декабре 1998 года США вместо того, чтобы просто разрешить ООН послать туда четырех своих инспекторов, действовали в одностороннем порядке и настояли на отправке туда дополнительно нескольких своих офицеров разведки. При этом преследовалась цель установить контакт с аппаратом безопасности Хусейна, не имеющим отношения к инспекции оружия массового уничтожения, и спровоцировать международный инцидент. Всей операцией, по словам Риттера, руководил Национальный совет безопасности США, отдававший приказы непосредственно Ричарду Батлеру, возглавлявшему в тот момент группу инспекторов ООН. Ирак опротестовал это грубое нарушение «Методики инспекции закрытых объектов», и США воспользовались этим в качестве предлога для «фабрикация кризиса». Инспекторам ООН было приказано покинуть страну, а через два дня США начали семидесятидвухчасовую бомбардировку, известную как операция «Лиса пустыни», целью которой был аппарат личной безопасности Саддама Хусейна. Направлять бомбовые удары помогали наблюдения, сделанные офицерами американской разведки незаконным путем, проникнув на секретные объекты Боас вместе с инспекторами ООН. После того как Ирак отказался вновь допустить инспекторов на сверхсекретные объекты, объяснив отказ тем, что эти инспекции используются для шпионажа за иракским правительством, инспекционный процесс ООН развалился.

Таким путем Вашингтон успешно торпедировал последнюю фазу инспекционного процесса ООН и

Карта мировых запасов нефти

Источник: U.S. Department of Energy

дал всем понять, что его подлинной целью была «смена режима», а не разоружение. Инспекционный процесс использовался в качестве троянского коня для уничтожения иракского режима.

НЕФТЯНАЯ ГЕГЕМОНИЯ

На всех стадиях развития империализма, как и вообще капитализма, его военные, политические и экономические аспекты тесно переплетаются. Однако нефть является единственным важнейшим стратегическим фактором, который определяет амбиции США на Ближнем Востоке. Помимо потенциала прибылей от всей этой нефти для крупных корпораций, дополнительным стимулом для попытки установить контроль за запасами нефти в этом районе является факт, что, располагая приблизительно 2% разведанных мировых запасов нефти, США потребляют около 25% мировой добычи нефти. Не приходится сомневаться, что США стремятся контролировать иракское производство нефти и вторые по величине в мире запасы нефти (после Саудовской Аравии), составляющие 110 миллиардов баррелей, или 12% мировых запасов. В недрах Среднего Востока в целом хранится 65% установленных мировых запасов нефти (см. карту). В настоящее время эксплуатируется пока что только треть из открытых в Ираке семидесяти трех нефтяных полей. По расчетам Министерства энергетики США, Ирак располагает также 220 миллиардами баррелей в виде «вероятных и возможных» резервов, что позволяет покрыть расчетные потребности США, при сохранении нынешнего уровня импорта нефти, на девяносто восемь лет. Подсчитано, что Ирак в состоянии поднять добычу

нефти с трех миллионов баррелей в день до шести в течение семи лет с момента снятия санкций. Более оптимистические цифры говорят о том, что добыча нефти в Ираке может вырасти до десяти миллионов баррелей в день¹⁵.

Министерство энергетики США считает, что мировая потребность в нефти за ближайшие двадцать лет может вырасти с нынешних 77 миллионов баррелей в день до 120 миллионов баррелей в день, причем самый большой рост придется на США и Китай. В настоящий момент около 24% нефтяного импорта США поступает с Ближнего Востока, и ожидается, что по мере истощения альтернативных источников он будет быстро расти. Однако ОПЕК под руководством Саудовской Аравии поддерживает поставки нефти на невысоком уровне, чтобы сохранить на нее высокие цены. Последние двадцать лет на Ближнем Востоке наблюдается стагнация нефтедобычи, и общая добыча нефти в странах ОПЕК (независимо от колоссальных) сегодня ниже, чем в 1980-е годы¹⁶. По этой причине безопасность и доступность поставок нефти становятся все более значимой проблемой для корпораций США и стратегических интересов США. Как выразился Дональд Каган, представитель праволиберальной профессуры из Йельского университета, «когда у нас экономические проблемы, то они возникают из-за перебоев с поставками нефти. Если у нас в Ираке будут войска, никаких перебоев с поставками нефти не будет»¹⁷. Американские нефтяные корпорации уже думают о дне, когда они смогут вернуться в Ирак и Иран. По этому поводу характерны высказывания Роберта Дж. Эллисона, председателя нефтяной корпорации Anadarko: «Мы вкладывали деньги в Катар и Оман, чтобы утвердиться на Ближ-

нем Востоке... Нам нужно получить там плацдарм к тому времени, когда Ирак и Иран снова станут членами семьи наций»¹⁸. Сегодня самые прочные позиции в Ираке занимает французский нефтяной гигант TotalFinaElf, который имеет исключительное право на разработку нефтяных полей в областях Маджнун и Бин-Умар. После этого ожидаются крупные контракты с Епi в Италии и российским консорциумом во главе с «Лукойлом». Если американские войска совершат интервенцию и поставят у власти марионеточное правительство или американскую миссию, все это будет поставлено под вопрос. Компании какой страны начнут переговоры о заключении новых контрактов и отхватят солидные доли нефти, которой владеют сейчас французские и другие неамериканские фирмы?

Тем не менее к одному только приобретению прямого доступа к нефтяным богатствам и одним только прибылям американских корпораций не сводятся главные интересы США на Ближнем Востоке. Правильнее было бы сказать, что США рассматривают весь этот регион в качестве важнейшей части их стратегии глобального господства. Оккупация Ирака и установление режима под американским контролем поставит Иран (саму по себе нефтяную державу и часть «Оси зла» президента Буша) в ситуацию, когда он будет окружен военными базами США в Центральной Азии с севера, Турции и Ирака с запада, Кувейта, Саудовской Аравии, Катара и Омана с юга и Пакистана и Афганистана с востока. Это облегчило бы США защиту планируемых нефтепроводов от Каспийского моря в Центральной Азии через Афганистан и Пакистан до Аравийского моря. Это обеспечило бы Вашингтону намного более прочную

военную базу на Ближнем Востоке, где у него уже имеются десятки тысяч солдат в десяти странах. Это увеличит влияние США на Саудовскую Аравию и другие ближневосточные страны. Это усилит попытки глобальной сверхдержавы навязывать условия, способствующие израильской экспансии и вытеснению палестинцев с их земель, всем ближневосточным странам. Это сделает растущую экономическую мощь Китая, а вместе с тем Европы и Японии, во все большей степени зависимой от контролируемого США нефтяного режима на Ближнем Востоке в удовлетворении их самых существенных энергетических потребностей. Контроль над нефтью с помощью военной силы таким образом преобразуется в экономическую, политическую и военную мощь в глобальном масштабе.

ОДНОПОЛЯРНЫЙ МИР

В результате утраты США за предшествующие четверть века экономических позиций в пользу Европы и Японии и благодаря отказу в 1971 году от долларового золотого стандарта, в начале 1970-х годов широко распространялось мнение, что США утрачивают свои позиции как капиталистической державы-гегемона. Однако распад Советского Союза в 1990-е годы, оставивший США единственной сверхдержавой, и более быстрый, по сравнению с Европой и Японией, экономический рост неожиданно изменили ситуацию. В стратегических кругах американской империи забродила, как никогда в истории капитализма или мира, идея настоящей Pax Americana. Специалисты по внешней политике США теперь называют это явление возникновением «од-

нополярного мира». Консолидация такого однополярного мира на вечные времена была обозначена в качестве недвусмысленной цели администрации Буша год спустя после атак 11 сентября. Дж. Джон Айкенберри пишет:

«Новая великая стратегия (инициированная администрацией Буша)... начинается с твердого намерения поддерживать однополярный мир, в котором у США не будет равного соперника. Никакой коалиции великих держав, не включающей США, не будет дозволено захватить гегемонию. Выступая в июне этого года с речью в Вест-Пойнте, Буш объявил эту идею ведущей для американской политики безопасности: «Америка обладает несравненной военной мощью и намерена сохранить ее, сделав гонку вооружений прошлых времен бессмысленной и сведя соперничество только к сфере торговли и другим мирным областям...» На протяжении этого десятилетия (1990-х годов) она сокращала военные расходы в более замедленном темпе и доминировала в инвестициях в технологическое развитие своих вооруженных сил. Однако сегодня перед нами встала новая задача — превратить эти преимущества в постоянные, в свершившийся факт, который покажет другим государствам, что им даже нечего пытаться догнать США. Некоторые мыслители называют эту стратегию «прорывом», осуществляя которую США настолько стремительно наращивают технологическое превосходство (в робототехнике, лазерах, спутниках, вооружении точного наведения и т. д.), что никакому государству или коалиции государств никогда не

удастся соперничать с ними как глобальным лидером, защитником и полицейским»¹⁹.

В конечном итоге эти претензии на безграничное имперское господство неизбежно закончатся крахом. В империализме в эпоху капитализма действуют как центроостремительные, так и центробежные силы. Военное господство не может поддерживаться без поддержания также и господства экономического, а при капитализме оно имеет неустойчивый характер. Существующая же сейчас реальность такова, что США очень быстрыми темпами наращивают свой контроль за счет обоих потенциальных соперников и глобального Юга. Вероятным результатом этого процесса станет интенсификация эксплуатации в мировом масштабе и возобновление империалистического соперничества, поскольку капиталистические страны, естественно, будут стараться не дать США осуществить их стратегию «прорыва».

Администрация рассматривает цели расширения американской империи не только как стратегию закрепления за США навечно положения верховной мировой державы, но и как путь выхода из национального экономического кризиса, до сих пор не подающего признаков оздоровления. Администрация определенно считает, что может стимулировать экономику с помощью военных заказов и наращивания экспорта вооружений. Но увеличение военных расходов, вызванных ведением войны, может прибавить экономических проблем, так как, несомненно, потребует сокращения финансирования социальных программ не только помогающих людям, но создающих потребительский спрос, в котором серьезно нуждается бизнес для стимулирования экономи-

ческого роста. История показывает, что попытки использовать имперскую экспансию как замену нужных экономических и социальных изменений внутри страны почти всегда заканчивались ничем.

Подводя итоги, следует сказать, что нам нужно понять, что новая американская доктрина мирового господства — это продукт не какой-то конкретной администрации (и еще меньше некой камарильи внутри ее), а кульминация закономерного развития той стадии империализма, которую мы сейчас переживаем. Перенаправить движение маховика, нацеленного на увеличение империи, будет делом нелегким. Но решающую роль в том, насколько далеко способен будет зайти Вашингтон со своими имперскими амбициями, может сыграть воля народа. По этой причине величайшую важность для будущего человечества имеет мобилизация населения и в самих США, и за границей на активную борьбу с войной и империализмом.

ГЛАВА 7

«ИМПЕРСКАЯ АМЕРИКА» И ВОЙНА

Май 2003 года

Одиннадцатого ноября 2000 года Ричард Хаас, член Совета национальной безопасности и специальный помощник президента при Буше-старшем, которому предстояло занять пост директора планирования политики в Государственном департаменте только что избранного нового президента Джорджа У. Буша-младшего, выступил в Атланте с докладом «Имперская Америка» (*Imperial America*). Он заявил, что «для того, чтобы США достигли своей цели и получили неоспоримое глобальное превосходство, американцам необходимо переосмыслить свою роль традиционного национального государства и увидеть себя в роли имперской державы». Определяя роль США, Хаас обошел термин «империалистической», отдав предпочтение слову «имперской», так как в первом случае создавалась ассоциация с «эксплуатацией, обычно преследующей коммерческие цели», и «контролем над территорией». Тем не менее его суть абсолютно ясна:

«Проповедовать имперскую внешнюю политику — значит призывать проводить такую внешнюю политику, которая пытается организовать мир на определенных принципах касательно отношений между государствами и существующих в них условий. Роль США напоминала роль Великобритании в XIX веке... Принуждение и применение силы было бы, как правило, крайней мерой. Вот что писали Джон Галлахер и Рональд Робинсон о Британии полтора века назад: «Британская политика следовала принципу осуществления контроля неформальными методами и в случае необходимости прибегала к формальным», — применимо к роли США в начале нового столетия»¹.

Существование американской империи ни для кого не секрет. Оно широко, если не повсеместно, признается в большинстве районов мира, хотя по традиции отрицается властями предрержащими в США. К чему призывал Хаас, так это к более открытому признанию имперской роли Вашингтона перед американским населением и всем миром ради утверждения имперских амбиций Вашингтона. «Основной вопрос, который продолжает стоять перед американской внешней политикой, — поясняет он, — состоит в том, что делать с избытком силы и теми многими преимуществами, которые этот избыток дает Соединенным Штатам». Этот избыток силы может быть употреблен исключительно в случае признания за США имперских интересов того же масштаба, что имела Британия в XIX веке. Поэтому следует довести до сведения мира, что Вашингтон готов «осуществлять контроль», если возможно, неформальными, а при необходимости и формаль-

ными методами, чтобы обеспечить свои законные интересы по всему миру. Последний раздел доклада Хааса имел заголовок «Империализм начинается дома». Он завершается словами: «На настоящем этапе для США существует риск, что, не предприняв достаточных усилий, они упустят шанс заручиться поддержкой своих коренных интересов в мире. Для США опаснее предпринять для этого слишком мало усилий, чем слишком много».

Есть все основания считать, что выдвигаемые Хаасом аргументы в пользу «имперской Америки» в общем и целом отражают взгляды большинства представителей господствующего класса США и государства, которое обслуживает этот класс. После многих лет отрицания самой мысли о существовании имперских США опросы общественного мнения в стране показали, что большинству населения нравится идея «американской империи» с ее «имперскими вооруженными силами» и «имперскими протекторатами». Этот сдвиг в общественном мнении произошел в первый раз в конце 1990-х годов, когда стало очевидно, что США не только единственная оставшаяся сверхдержава, но и что Европа и Япония из-за более медленного по сравнению с Соединенными Штатами экономического роста менее способны соперничать с ними в области экономики. Представляется, что Европа не в состоянии действовать самостоятельно, без помощи США, и в военной области, даже в пределах собственного региона, что продемонстрировал бесславный итог гражданских войн в Югославии.

После начала глобальной войны Вашингтона с терроризмом после 11 сентября 2000 года в полной мере проявилось империалистическое измерение

внешней политики Соединенных Штатов. Поэтому политические эксперты и большинство средств массовой информации теперь империю США рисуют как необходимое бремя, которое легло на плечи Америки как производное от ее беспрецедентной роли на мировой арене. Утверждается, что США возглавляют империю нового рода, свободную от национального интереса, экономической эксплуатации, расизма или колониализма и существующую исключительно ради поддержки свободы и прав человека. Как об этом заявил в *New York Times Magazine* Михаил Игнатъев, «американская империя — это не империя прошлого, созданная на колониях, завоеваниях и бремени белого человека... Империя XXI века — это новое слово в анналах политической науки, империя без многих атрибутов империи, глобальная гегемония, достоинства которой — свободные рынки, права человека и демократия, осуществляемые с помощью самой огромной военной мощи, какую только знает человечество»².

Отбросим всю эту высокую фразеологию и увидим, что «империю XXI века» делает главной заботой человечества несравненная военная мощь, чтобы она могла вторгнуться в любую страну и оккупировать ее, когда это потребуется, для достижения целей Соединенных Штатов. Тем не менее, как заметил более десятка лет назад индийский экономист Прабхат Патнайк, «ни один марксист до сих пор не выводил существование империализма из факта войн, напротив, существование войн объяснялось империализмом». Поскольку реальность империализма благодаря таким войнам вновь оказалась в центре внимания мировой общественности, важно выяснить, что его порождает.

КЛАССИЧЕСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

Одним из наиболее значительных исторических очерков о британском империализме была написанная полвека назад статья историков экономики Джона Галлахера и Рональда Робинсона «Империализм свободной торговли». Хаас использовал материалы этой статьи для обоснования своей аргументации относительно «имперской Америки». Центральный тезис статьи Галлахера и Робинсона был предельно прост: *империализм — это непрерывная реальность экономической экспансии в современном мире*. Те, для кого империализм ассоциировался в первую очередь с колониями и для кого поэтому драка за Африку и *колониальная экспансия* конца XIX века казалась основной моделью империализма, ошибались. На протяжении всего XIX века британский империализм в основном оставался неизменным по своей внутренней логике, несмотря на то что один период сосредоточивался на расширении свободной торговли, а другой на аннексии колоний.

Галлахер и Робинсон следующим образом развивают эту мысль (в том же абзаце, который цитировал Хаас):

«Британская политика строилась по принципу осуществления контроля неформальными методами, если это было возможно, и формальными, если это было невозможно. Называть один метод «антиимпериалистическим», а другой «империалистическим» — значит игнорировать тот факт, что и в том и в другом случае последовательно оберегались и продвигались британские интересы. Обычную формулировку политики свободной

торговой империи «торгуй, не управляя» следует понимать как «торгуй, прибегая к неформальному контролю, если возможно, и торгуй, управляя, если это невозможно»... Несмотря на попытки осуществлять «дешевый империализм», иностранная конкуренция британскому владычеству в тропической Африке (в конце XIX века) и относительное отсутствие там крепкой, сильной местной организации, которая так хорошо служила экспансии в других местах, в конечном итоге заставила повернуться к формальному управлению»³.

Для тех, кто хочет разобраться в том, что такое британский империализм XIX века, сказанное свидетельствует о том, что говорить надо об «империализме свободной торговли», а не колониализме. Только в случаях, когда британский империализм не мог обеспечить свои экономические цели неформальными методами, для достижения этих целей он прибегал к формальному империализму или колонизации, то есть к прямому и непрерывному использованию вооруженных сил и политического контроля. Часто использовали фразу, что «торговля шла вслед за флагом», но правильнее было бы сказать, что «для британской торговли была свойственна общая тенденция идти следом за невидимым флагом неформальной империи». Эти авторы утверждали, что отличительной чертой «британского империализма свободной торговли» в XIX веке было то, что использование силы и гегемонистской власти вообще ограничивалось прежде всего созданием безопасных условий для экономического господства и экспансии.

Типичным примером такого неформального империализма была роль Британии в Южной Америке в XIX веке. Британия осуществляла свой контроль в регионе с помощью разного рода торговых договоров и финансовых отношений, опиравшихся на британское владычество на море. Как выразился в 1824 году английский министр иностранных дел Каннинг, «испанская Америка свободна, и если только мы не испортим все собственными руками, она — *английская*». Галлахер и Робинсон отмечают, что «во все времена британское влияние оказывалось таким образом, чтобы превратить подобные районы в дополнительные вспомогательные экономики, которые снабжали бы Великобританию сырьем и продовольствием и предоставляли бы ее промышленникам расширяющиеся рынки». Когда не оставалось иного пути навязать свое господство, Британия всегда была готова прибегнуть к активной интервенции, что она неоднократно делала в Латинской Америке в XIX веке.

Как отмечал известный германский историк Вольфганг Дж. Моммсен в работе *Theories of Imperialism* («Теории империализма»), значение этой концепции неформального империализма заключалось в том, что она перебрасывала мост между немарксистским и марксистским подходами, так как подчеркивала историческую непрерывность империализма как проявления экономической экспансии (не путать с его формальными военно-политическими проявлениями).

«Признав, что существует множество неформальных типов империалистического господства, которые предшествуют установлению формального

правления или сопровождают его или вообще делают его ненужным, западные (немарксистские) теоретики империализма сблизились с марксистской теорией... В целом большинство немарксистских теоретиков сегодня признают, что зависимость империалистического характера вполне может порождаться самым разнообразным количеством неформальных влияний, особенно экономической природы. Империалистические силы на колониальной периферии ни в коей мере не были обязаны постоянно на деле применять политическую силу, обычно довольно было знать, что империалистические группы в случае развития кризиса вполне могли рассчитывать на поддержку державы-метрополии. Таким образом, политическая власть оказывается только самой специфической, но не обязательно нормальной формой империалистической зависимости»⁴.

Звучит иронически, но Галлахер и Робинсон отмежевались от классических выводов Джона Гобсона и Ленина, связав взгляды обоих, и Гобсона и Ленина, с более узким спектром случаев формального проявления империализма. Назвав последнюю четверть XIX столетия, когда колониальные захваты достигли апогея, качественно новой стадией капитализма — стадией монополистического капитализма,— и в первую очередь Ленин, утверждали наши авторы, стал ассоциировать империализм с формальным, а не с неформальным контролем.

Однако такая критика бьет мимо цели, потому что Ленин сам подчеркивал, что империализм не обязательно связан с формальным контролем, о чем свидетельствует британский империализм в Латин-

ской Америке в XIX веке. «В эту эпоху мир разделился на две основные группы стран: владеющие колониями и сами колонии». Это, писал он, не ограничивает отношений центр — периферия между национальными государствами. Ленин указывал на «разнообразные формы зависимых стран, политически формально независимых, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости... это полукolonии», — такие страны, как Аргентина, которая настолько зависела от Лондона в финансовом плане, что практически стала колонией⁵.

Существование неформального империализма свободной торговли (или империализма без колоний) никогда не казалось загадочным для марксистской теории, которая рассматривала империализм как исторический процесс, связанный с капиталистической экспансией — и только вторично определяемый особыми политическими формами, в которых он проявляется. Причина, по которой последняя четверть XIX века определялась как империалистическая стадия в работах Ленина и большинства последующих марксистов, состояла в том, что произошел сдвиг от неформального к формальному империализму. Кроме того, в те годы широко и бурно происходил захват территорий на периферии, — причина крылась в эволюции самого капитализма, который перешел в свою *монополистическую* стадию и перерос в новый тип капитализма. Именно этот особый исторический анализ империализма как проявления капиталистического развития во всей его сложности (экономической, политической и военной) придал марксистской теории империализма значимость как последовательному объяснению более глубоких тенденций глобализации системы.

При такой интерпретации империализм с самого начала становится имманентным свойством капитализма. Многие особенности современного империализма, вроде развития мирового рынка, разделения между центром и периферией, конкурентной борьбы за колонии или полукolonии, извлечения прибыли, обеспечения поставок сырья в материнскую страну, представляют собой капитализм как глобальную систему начиная с конца XV века. Империализм в самом широком смысле слова имеет источники в динамике накопления свойств системы (столь же базовые, как и сама погоня за прибылью), которые подталкивают страны в центр мировой капиталистической экономики, особенно богатых капиталистов внутри этих стран, подкреплять собственные ресурсы, присваивая избытки и жизненно важные ресурсы на периферии,— то, что Пьер Жале называл «разграблением третьего мира». С помощью самых разных насильственных методов экономики бедных зависимых стран, начиная с завоеваний конца XV—XVI веков, получали такую структуру экономики, что их система производства и распределения обслуживала не столько их собственные, внутренние потребности, сколько потребности господствующих метрополий. Тем не менее признание такой особенности империализма на разных стадиях капиталистического развития полностью соответствовало мысли о том, что в последней четверти XIX века начались качественные изменения в природе и значении империализма, что и позволило Ленину связать это явление с новой стадией капитализма.

Поэтому марксисты часто проводили грань между старым империализмом и тем, что называли «новым империализмом», получившим начало с

последними декадами XIX века. Этот новый империализм отличался двумя особенностями: 1) прекращением британской гегемонии и ростом соперничества за контроль над глобальными территориями между развитыми капиталистическими странами и 2) ростом монополистических корпораций — крупных, интегрированных промышленных и финансовых фирм, — ведущих экономических акторов во всех развитых капиталистических государствах. Новые гигантские корпорации по своей природе стремились к расширению за пределы национальных границ и преобладанию в глобальном производстве и потреблении. Для бизнеса основным стремлением остается установление монополистического контроля за все более и более обширными сферами. Участвовавшие в этой империалистической гонке монополистические фирмы часто поощрялись к этому их собственными национальными государствами. Марксистская теория нового империализма, державшая в центре внимания рост гигантских фирм, тем самым указывала на изменившиеся глобальные экономические условия, которым предстояло возникнуть одновременно с тем, что позже получило название многонациональных или глобальных корпораций. Все это стало контекстом, в котором старые явления, такие как извлечение излишков, борьба за контроль над сырьем и ресурсами, создание зависимых территорий на глобальной периферии и бесконечное соперничество между конкурирующими капиталистическими державами, проявляют себя в новых и трансформированных формах.

Именно это понимание империализма как исторической реальности капиталистического развития, приобретающей новые особенности по мере того, как

складывалась сама система, определило резкий водораздел между марксистским подходом и господствовавшими интерпретациями. Последние часто рассматривали империализм просто как политику и ассоциировали его в первую очередь с политическими и военными действиями тех или иных государств. Широко распространенные взгляды (от которых отошли реалистически мыслящие историки экономики Галлахер и Робинсон) характеризовались тем, что считали, что империализм проявляется только там, где налицо политический или территориальный контроль, установленный путем прямых военных завоеваний. Согласно противоположному марксистскому подходу, империализм осуществляется не просто в политическом поведении государств, но и в действиях корпораций и механизмах торговли, финансов и инвестиций. С ним связан комплекс классовых отношений, в том числе вскармливание местных коллаборационистов или компрадорских элементов в зависимых обществах. Для того чтобы объяснить, как современный империализм управляется со всем этим, было необходимо описать целую систему монополистического капитализма. Неформальный контроль над странами на периферии капиталистической мировой системы, который устанавливали страны, находящиеся в его центре, был настолько же важен, как и формальный. Борьба за гегемонию и более общее соперничество между ведущими капиталистическими государствами шла не прекращаясь, но принимала разные формы в зависимости от экономических, политических и военных ресурсов, которыми располагали эти страны.

*«ИМПЕРСКАЯ АМЕРИКА» В МИРЕ
ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»*

Если главная отличительная особенность современного империализма, как считают марксисты, ассоциировалась с ростом гигантских корпораций, то распределение власти внутри системы, что отражалось в относительном положении различных национальных государств, тем не менее с течением времени существенно менялось. В конце XIX столетия и начале двадцатого принципиальной глобальной реальностью был закат британской гегемонии и последующее усиление соперничества между развитыми капиталистическими государствами, которое привело к Первой и Второй мировым войнам. Появление Советского Союза в результате Первой мировой войны создало внешнюю угрозу системе, что в конечном итоге привело к возникновению «холодной войны» между Соединенными Штатами, державой-гегемоном мировой капиталистической экономики после Второй мировой войны, и Советским Союзом. Падение Советского Союза в 1991 году оставило США единственной сверхдержавой. К концу 1990-х годов США обогнали и своих главных экономических соперников. Результатом всего этого, как заявил в 2001 году Генри Киссинджер, было то, что США получили «превосходство, какого не имели даже величайшие державы прошлого»⁶.

Естественно, возникал вопрос: что делать США со своим колоссальным «избытком мощи»? Ответом Вашингтона, особенно после 11 сентября, было решение следовать своим имперским амбициям и возобновить интервенции в глобальной периферии — в невиданных со времен вьетнамской войны

масштабах. Проводя свою войну против терроризма, государство США подыгрывает экспансионистским целям американского бизнеса. В начале февраля 2003 года *Business Week Online* следующим образом оценивал экономические выгоды, которые США могут извлечь из вторжения американской армии в Ирак: «Поскольку американская армия будет контролировать иракские запасы нефти и газа (вторые в мире после Саудовской Аравии разведанные запасы), американские компании могут надеяться на лакомые куски этого бизнеса. Они могут также перехватывать и права на разведку недр на нефтегазовые месторождения»⁷. Компании, которые занимаются обслуживанием нефтегазовой промышленности и в которых преобладают американские компании, «могут чувствовать себя такими же победителями, как и американские войска специального назначения». В сущности, главная цель такой военной интервенции — смена режима и последующая реструктуризация экономики «государства-преступника», называемого так потому, что оно не вписывалось в имперский порядок, установленный в первую очередь Соединенными Штатами. Это государство нужно было заставить применяться к господствующим требованиям мировой капиталистической экономики, одно из главных среди них — это открытие его ресурсов для более экстенсивной эксплуатации.

Ричард Хаас (чьи полномочия в нынешней администрации расширились и теперь включают координацию политики относительно будущего Афганистана) говорил, что смену режима часто можно осуществить только полномасштабной военной интервенцией, которая оставит страну в руинах, на которых нужно будет начать «строительство нации»:

«С помощью военной силы трудно наносить удар по отдельной фигуре... Попытки США использовать силу для того, чтобы добиться смены политических лидеров, не имели успеха в отношении Каддафи в Ливии, Саддама в Ираке и Айдиды в Сомали. Сила может создать условия, в которых увеличивается возможность перемен, но без колоссальной разведывательной подготовки и более чем большой удачи сила сама по себе вряд ли может привести к особым политическим изменениям. Единственный способ увеличить возможность таких перемен — это интервенция в самых ее глубоких формах, таких как строительство нации, при которой сначала уничтожается решительно всякая оппозиция, а затем следует оккупация, позволяющая приступить к созданию иного общества»⁸.

Такая «строительная» оккупация, подчеркивает Хаас, предполагает «разгром и разоружение всякой местной оппозиции и установление политической власти, пользующейся монополией или почти монополией на законное применение силы». (Это широко известное определение, которое Макс Вебер дал государству, в данном случае применяется к условиям, когда политическая власть навязана интервентом.) Поэтому здесь требуется, как отметил Хаас, цитируя одного специалиста по международным отношениям, оккупация в «имперских пропорциях и, по возможности, бессрочной продолжительности»⁹.

Именно такая интервенция «в имперских пропорциях» и неопределенной продолжительности, по-видимому, составляет главный сценарий объявленной Вашингтоном войны с терроризмом. В процессе оккупации и «строительства нации», который

должен начаться после вторжения (как это было в Афганистане), не будет ничего похожего на откровенный бесстыдный колониализм в духе XIX века. Не будет никакой формальной аннексии, и с самого начала, даже во время прямой военной оккупации, будет существовать некая претензия на самостоятельное местное управление. Несмотря на это, главным будет добиться того, чего добивался колониализм в его классической форме. Как писал Магдофф:

«Колониализм, рассматриваемый как прямое применение военной и политической силы, был необходим для приведения социальных и экономических институтов многих зависимых стран в соответствии с потребностями центров метрополий. Когда такая переделка была проведена, экономические силы — международные цены, рыночные и финансовые системы — уже сами по себе были достаточными регуляторами, способными закреплять и на деле усиливать отношения господства и эксплуатации между материнской страной и колонией. В этих условиях колонии могла быть предоставлена формальная политическая независимость, не меняя при этом ничего существенно важного и не вмешиваясь сколько-нибудь серьезно в интересы, которые первоначально потребовали завоевания колонии»¹⁰.

Нечто подобное происходит в Афганистане и теперь предполагается для Ирака. Как только страна будет полностью разоружена и «переделана» под нужды стран в центре капиталистического мира, будет завершено «строительство нации» и, как подразумевается, закончится оккупация. Но в районах,

где имеются важные ресурсы вроде нефти (или считается, что они занимают стратегические позиции на пути подходов к такому сырью), сдвиг от формального к неформальному империализму после вторжения может проходить медленно — или произойдет только в очень ограниченных сферах. «Неформальный контроль» или механизм глобального накопления, который систематически помогает странам центра, является нормальным способом, с помощью которого осуществляется империалистическая эксплуатация периферии. Но в определенных случаях это требует чрезвычайных мер для приведения непокорных стран к согласию с требованиями рынка и международной иерархии власти.

В настоящее время империализм США ведет себя особенно вызывающе, он связал себя именно с такой войной и говорит о серии войн в будущем для достижения, в сущности, таких же целей. Однако если мы хотим понять, что стоит за всем этим, нельзя позволить, чтобы разгулявшийся милитаризм и агрессия увели нас в сторону от внутренней логики империализма, проявляющейся с наибольшей очевидностью в расширяющемся разрыве между доходами и богатством богатых и бедных стран и в чистом притоке экономических излишков из периферии в центр, что и предопределяет этот разрыв. Углубляющаяся поляризация богатства и нищеты между нациями (поляризация, существующая также и внутри самих наций) есть главное достижение системы на мировой арене. Это также то, что в конечном счете стоит на повестке дня в борьбе против современного империализма. Как пишет Магдофф в *Imperialism without Colonies* («Империализме без колоний»), при капитализме

существует «полное единство» экономического, политического и военного господства¹¹.

Те, кто стремятся выступать против проявлений империализма, должны признать, что невозможно эффективно бороться с каким-либо из них, не поднимая вопроса о всех других, а следовательно, и обо всей системе в целом.

ГЛАВА 8

НОВЫЙ ВЕК ИМПЕРИАЛИЗМА

Июль — август 2003 года

Империализм призван обслуживать потребности правящего класса в большей степени, чем нации. У него нет ничего общего с демократией. Возможно, по этой причине его часто называют паразитическим явлением — даже такие проницательные критики, как Джон Гобсон, в своем классическом произведении 1902 года *Imperialism: A Study* («Империализм: исследование»)¹. Отсюда, к сожалению, легко соскользнуть к вульгарному представлению, будто империалистическая экспансия — это просто дело рук мощных групп индивидов, перехвативших у нации ее внешнюю политику и употребивших ее в собственных корыстных интересах.

Многочисленные критики нынешней экспансии американской империи, как в США, так и в Европе, теперь говорят о том, что США, при президенте Джордже У. Буше, были захвачены неоконсервативной кликой, возглавляемой такими фигурами, как Пол Вулфовиц (заместитель министра обороны),

Льюис Либби (руководитель аппарата президента) и Ричард Перл (Комитет по делам обороны). Утверждают, что эта клика пользуется сильной поддержкой министра обороны Рамсфелда и вице-президента Чейни, а через них и президента Буша. Полагают, что влиянию неоконсервативных гегемонистов внутри администрации способствовали недемократические выборы 2000 года, когда Буш был назначен президентом решением Верховного суда, и террористические атаки 11 сентября 2001 года, которые внезапно превратили вопросы безопасности в главные вопросы государства, нам говорят, что все это способствовало становлению курса односторонней и воинственной внешней политики, которая никак не согласуется с исторической ролью США в мире. Как задал вопрос журнал *Economist*: «Значит, внешнюю политику самой мощной страны в мире прибрала к рукам клика? Крошечная группа идеологов, пользующихся не принадлежащей ей властью, чтобы вмешиваться во внутренние дела других стран, создавать империю, перетряхивать международное право,— и черт с ним, что бы ни произошло?»²

Журнал *Economist* отвечает на этот вопрос: «Это совсем не так». Правильно отвергая теорию клики, журнал указывает, что «неоконсерваторы — это часть более широкого движения» и что «в Соединенных Штатах (в среде внешнеполитической элиты) сложился почти консенсус относительно представления о том, что Америка должна решительно использовать свою мощь, чтобы переделать мир». *Economist* и участники подобных обсуждений упускают из виду признание того, что империализм в этом случае, как, впрочем, и всегда,— не просто политика, а системная реальность, производное са-

мой природы капиталистического развития. Исторические перемены, которые претерпел империализм и которые ассоциируются с появлением того, что получило название «однополярного мира», не позволяют сводить происходящий в настоящий момент процесс к произвольным амбициям горстки могущественных индивидов. Поэтому необходимо обратиться к историческим основам нового века империализма США, включая сюда и его более глубинные причины, и конкретных акторов, которые сейчас помогают определять пути его развития.

ВЕК ИМПЕРИАЛИЗМА

Вопрос о том, не является ли проводимая США политика империалистической экспансии плодом досужего вымысла находящихся у политического руля людей, возникает не впервой. Гарри Магдофф обратился к этому тезису на первой же странице своей книги 1969 года *The Age of Imperialism: The Economics of U.S. Foreign Policy* («Век империализма: экономика внешней политики США»), работы, о которой можно сказать, что она возродила в США систематическое изучение империализма. «Является ли (вьетнамская) война частью более широкого и последовательного плана внешней политики США? — задал он вопрос.— Или это игра мысли какой-то одной группы стоящих у власти людей?»³ Ответ, конечно, был таков, что хотя некоторые обладающие властью индивиды стимулируют этот процесс, но он отражает глубоко укоренившиеся тенденции внешней политики США, подпитываемые самой природой капитализма. В книге, ставшей наиболее важным исследованием империализма в 1960-е годы, Магдофф

поставил перед собой задачу проанализировать экономические, политические и военные факторы, которые определяют внешнюю политику США.

Во времена вьетнамской войны ее объясняли тем, что США ведут войну во имя «сдерживания» коммунизма, а потому ни о каком империализме и речи быть не может. Но ни масштабы, ни жестокость войны никак не подтверждали тезиса о сдерживании, так как ни Советский Союз, ни Китай не проявляли никаких экспансионистских устремлений, а революции в третьем мире, несомненно, носили объективный местный характер⁴. Магдофф отвергал и господствовавшую в США тенденцию рассматривать вмешательство США в дела стран третьего мира как продукт «холодной войны», и либеральные заблуждения видеть войну как плод полета мысли тexasского президента и окружающих его советников. Требовалось дать всему этому историческую оценку.

Империализм конца XIX и начала XX столетия характеризовался двумя особенностями: 1) прекращением британской гегемонии и 2) ростом монополистического капитализма, или капитализма, при котором господствующую роль исполняют крупные фирмы, к чему приводит концентрация и централизация производства. Помимо этих черт, которые отличали то, что Ленин называл стадией империализма (что, по его словам, «самым кратким образом» ее можно определить как «монополистическая стадия капитализма»), существует еще ряд элементов, которые требуется брать в расчет. Капитализм — это система, единственной движущей силой которой является стремление к накоплению, которое не может примириться ни с какими ограничениями экспансии. С одной стороны, капитализм — это расширяю-

щаяся мировая экономика, характеризуемая процессом, который мы теперь называем глобализацией, с другой стороны, политически он разделяется на многочисленные конкурирующие национальные государства. Далее, это система, которая на всех своих уровнях поляризуется на центр и периферию. С самого начала, в XVI и XVII столетиях, и еще больше — на своей монополистической стадии — капитал в пределах каждого национального государства в центре системы стимулируется потребностями в контроле над доступом к сырью и трудовым ресурсам на периферии. Более того, на монополистической стадии капитализма национальные государства и их корпорации стремятся к тому, чтобы мировая экономика была настолько открытой, насколько это возможно, для их собственных капиталовложений, но не обязательно для капиталовложений конкурентов. Эта конкуренция за сферы накопления ведет к жестоким схваткам из-за контроля над разными частями периферии. Самой известной схваткой такого рода была борьба за раздел Африки в конце XIX века, в котором принимали участие все западно-европейские державы того времени.

Однако империализм продолжал развиваться и перешагнул эту классическую стадию, которая завершилась с окончанием Второй мировой войны и развертыванием последовавшего за ней движения деколонизации, так что 1950-е и 1960-е годы стали свидетелями проявления исторических особенностей следующей стадии империализма. Самой значительной из них было то, что США заняли место Британии в качестве гегемона мировой капиталистической экономики. Другая особенность заключалась в существовании Советского Союза, что обеспечива-

ло возможность революционных движений в третьем мире и что сплотило ведущие капиталистические державы в военный альянс «холодной войны», тем самым усилив гегемонию Соединенных Штатов. США воспользовались своим положением гегемона и учредили бреттон-вудские институты: Генеральное соглашение о тарифах и торговле, Международный валютный фонд и Всемирный банк, имея в виду консолидировать экономический контроль, осуществляемый центральными государствами и Соединенными Штатами, в особенности над периферией, а следовательно, и над всем мировым рынком.

По предлагаемой Магдоффом концепции, существование гегемонии США не положило конец конкуренции между капиталистическими государствами. Гегемония всегда рассматривалась как проходящее явление, несмотря на постоянный рефрен об «американском столетии». Неравномерное развитие капитализма означало непрерывное империалистическое соперничество, насколько бы оно временами ни было замаскировано. «Антагонизм между неравномерно развивающимися промышленными центрами,— писал он,— это ось империалистического колеса»⁵.

Милитаризм США, который при таком подходе был неотделим от своей имперской роли, являлся не просто продуктом «холодной войны», результатом обусловившего его соперничества с Советским Союзом. Милитаризм глубоко коренился в потребности США — как державы-гегемона капиталистической мировой экономики — держать открытыми двери для иностранных инвестиций, прибегая при этом к применению грубой силы. В то же время США употребляли свою мощь всюду, где нужно было под-

держивать интересы своих собственных корпораций, как, например, в Латинской Америке, где их господство не оспаривалось другими великими державами. США на протяжении периода после Второй мировой войны не только множество раз осуществляли военное вмешательство по всей периферии, но смогли в тот же период оправдывать это как часть борьбы против коммунизма. Militarизм, связанный с выполнением этой военной роли глобального гегемона и лидера альянса, проник во все аспекты накопления в Соединенных Штатах, так что термин «военно-промышленный комплекс», который ввел президент Эйзенхауэр в своей прощальной речи, не отражал полную картину милитаризации экономики страны. Уже в его время в Соединенных Штатах не было крупного центра накопления, который одновременно не был бы крупным центром военного производства. Военное производство помогло подпереть экономическое здание США и было фактором, сдерживавшим экономическую стагнацию.

Описывая современный империализм, Магдофф приводил доказательства того, насколько напрямую выгодным был милитаризм для капитала в самом сердце системы. Перекачка добавочного продукта с периферии (и злоупотребление оставшимся избытком в результате гипертрофирования типичных для имперской периферии классовых отношений) являлось главным фактором в увековечивании слабого развития. Уникальными, и при этом оставшимися незамеченными, были два аспекта работы Магдоффа: предупреждение относительно роста долговой западни в третьем мире и глубокий анализ возрастающей глобальной роли банков и финансового капитала вообще. До самого начала 1980-х годов никто не

обращал внимания на то, какое значение имеет финансовая западня, в которую попал третий мир. Только после того, как внезапно обнаружилось, что Бразилия, Мексика и другие так называемые «новые индустриализирующиеся экономики» переживают дефолт, произошло озарение относительно долговой ямы, в которую попал третий мир. И большинство обозревателей до конца 1980-х годов не поняли полностью все значение финансирования глобальной экономики.

При таком системном историческом подходе к предмету империализма военные интервенции США в таких местах, как Иран, Гватемала, Ливан, Вьетнам и Доминиканская Республика, уже не выглядят как «защита граждан США» или борьба с экспансией коммунистического блока. Они предстают как проявление более широкого явления империализма во всей его исторической сложности и свидетельство роли США как державы-гегемона капиталистического мира.

Тем не менее эта интерпретация была принята в штыки либеральными критиками вьетнамской войны, которые порой признавали, что США занимаются расширением своей империи, но рассматривали это как продолжение всей линии исторического развития Соединенных Штатов, как случайность, а не как реализацию тайных планов (как до них говорили защитники Британской империи). Они утверждали, что американская внешняя политика мотивировалась по преимуществу идеалистическими соображениями, а не соображениями материальной выгоды. Вьетнамскую войну оправдывали как результат «плохой политической информации», представляемой могущественными политическими руководи-

лями, которые дезинформировали нацию. В 1971 году Роберт У. Такер написал книгу *The Radical Left and American Foreign Policy* («Радикальные левые и американская внешняя политика»), в которой доказывал, что для США «спасение лица» во Вьетнаме заключалось в «абсолютно незаинтересованном характере» подхода к войне⁶. Позиция Такера была позицией либерального оппонента войны, который тем не менее не признавал радикальных интерпретаций американского милитаризма и империализма.

Главными объектами нападок Такера в его книге были Уильям Эпплмен Уильямс, Габриель Колко и Гарри Магдофф. Особенно яростно напал он на Магдоффа за утверждение, что контроль за сырьем в глобальном масштабе представляет собой важнейшую задачу для корпораций США и американского государства, которое их обслуживает. Такер стал утверждать, будто Магдофф ошибался в вопросе о нефти. Если США и в самом деле империалистическое государство, ориентирующееся на ресурсы третьего мира, говорил он, то они попытались бы установить контроль над Персидским заливом. Вступая в противоречие и с логикой и с историей, Такер заявил, что это не так. Он изложил свою мысль следующим образом:

«Если подходить с позиций радикалов, следовало бы ожидать, что именно здесь (на Ближнем Востоке), а не в каком-либо ином месте американская политика будет верно следовать экономическим интересам. Реально дело обстоит иначе, и это хорошо известно. Помимо усиливавшегося и успешного давления нефтепроизводящих стран, требующих увеличения подоходного налога и пла-

ты за разработку недр (нажим, который не спровоцировал заметных контрмер), в постоянное ухудшение благоприятных условий, которыми в свое время пользовались американские нефтяные компании на Ближнем Востоке, внесло свой вклад правительство Соединенных Штатов. Корреспондент *New York Times* Джон М. Ли пишет: «Многие обозреватели поражаются тому, насколько мало влияния оказывают на американскую внешнюю политику в отношении Израиля нефтяные компании и нефтяные соображения»⁷.

По мнению Такера, пример Персидского залива опровергает утверждение Магдоффа, что контроль над источниками сырья играет важную роль в функционировании империализма США. Политические обязательства США перед Израилем противоречили их экономическим интересам, но возобладали над всеми деловыми соображениями американского капитализма в отношении ближневосточной нефти. Сегодня вряд ли есть необходимость говорить о том, насколько абсурдными были подобные рассуждения. США не только многократно осуществляли военное вмешательство на Ближнем Востоке, начиная с Ирана в 1953 году, они непрерывно стремились усилить свой контроль над нефтью и интересами своих нефтяных корпораций в регионе. Израиль, который Соединенные Штаты вооружили до зубов и которому позволили обзавестись сотнями единиц ядерного оружия, давно уж был составной частью этой стратегии контроля над регионом. С самого начала роль США на Ближнем Востоке носила откровенно империалистический характер, имея целью поддерживать контроль над нефтяными ресурсами региона. К тако-

го рода очевидным заблуждениям мог привести только анализ, который сводил экономику к ценам на товары и доход от разработки недр, игнорируя при этом политическое и военное регулирование экономических отношений, не говоря уже о потоках нефти и прибыли.

НОВЫЙ ВЕК ИМПЕРИАЛИЗМА

Ничто так не показывает сущность нового века империализма, как экспансия империи США в важнейших регионах Ближнего Востока и бассейна Каспийского моря. В годы «холодной войны» американское влияние в зоне Персидского залива сдерживалось благодаря советскому присутствию. Иранская революция 1979 года, которой Соединенным Штатам нечего было противопоставить, явилась крупнейшим поражением американского империализма (который опирался на шаха Ирана как на свою надежную базу в регионе) в период после вьетнамской войны. В самом деле, вплоть до 1989 года и развала Советского блока просто невозможно было даже подумать о большой американской войне в регионе. Это значительно ограничивало там американское могущество. Таким образом, война в Заливе 1991 года, которую провели США при молчаливом согласии Советского Союза, ознаменовала начало нового века империализма США и экспансии глобальной мощи Соединенных Штатов. Нельзя считать простой случайностью, что ослабление Советского Союза почти моментально привело к широкому военному вмешательству США в регионе, который является ключевым для контроля за мировой добычей нефти, главного глобального ресурса, а потому и глав-

нейшего фактора для любой стратегии глобального господства.

Важно представлять себе, что в 1991 году, когда разразилась война в Заливе, Советский Союз был значительно ослаблен и шел в форватере политики США. Однако он еще не был мертв (это произошло в том же году, но позже), и все еще существовала перспектива, хотя и весьма смутная, что в советских делах может произойти неблагоприятный для интересов США поворот. В то же время США находились в ситуации, когда они уступили определенные экономические позиции своим главным конкурентам, что породило широко распространенное мнение о серьезном упадке их экономической гегемонии, ограничившем им свободу действий. Невзирая на то что администрация Джорджа Г. У. Буша провозгласила Новый мировой порядок, никто не имел представления о том, что это может значить. Развал Советского Союза случился настолько внезапно, что правящий класс США и внешнеполитическая элита страны не могли сразу определиться, как вести себя в создавшихся новых условиях.

Во время первой войны в Заливе американская элита не была единой. Некоторые считали, что США следует идти дальше и вторгнуться в Ирак, как советовал в то время *Wall Street Journal*. Другие полагали, что вторжение и оккупация Ирака в тот момент нецелесообразна. На протяжении следующего десятилетия в дискуссиях о внешней политике США, как свидетельствует издание Совета по международным отношениям *Foreign Affairs*, центральной темой был вопрос, каким образом лучше использовать факт превращения США в единственную сверхдержаву. Обсуждения проблем однополярности (термин был

введен ученым, сторонником неоконсерватизма Чарльзом Краутхаммером в 1991 году) и односторонности вскоре слились с открытым обсуждением вопроса о первенстве, гегемонии, империи и даже империализме Соединенных Штатов. Кроме того, к концу десятилетия в дискуссиях постепенно возобладали, становясь все более настойчивыми и конкретными, аргументы в пользу того, что США должны взять на себя имперскую роль. С начала новой эры такие вопросы обсуждались не с точки зрения целей, а с точки зрения эффективности. Особенно примечательный призыв к новому империализму можно найти в получившей широкое звучание книге *The Imperial Temptation* («Имперский соблазн»), написанной теми же Робертом У. Такером и Дэвидом К. Хендриксоном. Как изложили открытым текстом Такер и Хендриксон, «США сегодня господствующая в мире военная держава. По охвату территории и эффективности своих вооруженных сил Америка выглядит преимущественно даже по сравнению с некоторыми величайшими в истории империями. Рим едва ли вышел за пределы Средиземноморья, а Наполеон не смог выйти в Атлантику и двинулся навстречу разгрому на бескрайних просторах России. В годы расцвета так называемой Pax Britannica, когда королевский флот господствовал на море, Бисмарк заметил, что если бы английская армия высадилась на берегах Пруссии, она была бы арестована местной полицией. В целом США обладают самым большим арсеналом вооруженных сил, какого не имел ни один из их предшественников среди великих держав мира. США способны достигать любого уголка земного шара. В их распоряжении самые технически совершенные виды оружия, армией командуют професси-

оналы, владеющие искусством ведения войны. Они в состоянии перебрасывать могучие континентальные армии через океаны. Их исторические соперники отступают, раздираемые внутренними противоречиями. В таких условиях США вполне могут поддаться возникшему сто лет назад соблазну — имперскому соблазну... Нации вряд ли понравится картина империи, возрождающая представления о колониальных державах прошлого, тем не менее ей может понравиться идея сделаться имперской державой, не обременяя себя выполнением классических обязанностей имперского правления»⁸.

«Имперскому соблазну», поясняют авторы, не следует сопротивляться по той причине, что США готовы подчиниться ему только частично, лишь применив свои вооруженные силы, но не брать на себя обременительные обязанности имперского правления, что подразумевает строительство нации.

Начав с идеи строительства нации, напоминающей либерализм «холодной войны» в стиле Кеннеди, который не потерял своей привлекательности для некоторых неоконсерваторов, Такер и Хендерсон выдвинули мысль, что Соединенным Штатам, ведя войну в Заливе, следовало бы сразу начать вторжение, оккупацию и умиротворение Ирака и устранить от власти партию Боас, тем самым проявив имперскую ответственность.

«Всеподавляющая демонстрация военной силы,— писали они,— обеспечила бы США время сформировать и признать временное иракское правительство, состоящее из индивидов, выступающих с широкой либеральной платформой... Не смотря на то что такое правительство неизбежно

обвинили бы, что оно марионетка Соединенных Штатов, есть все основания полагать, что оно приобрело бы значительный запас легитимности. Оно бы имело доступ, под наблюдением ООН, к доходам от иракской нефти, что наверняка обеспечило бы ему значительную поддержку народа Ирака»⁹.

Такер и Хендерсон — несмотря на утверждение Такера в споре с Магдоффом много лет назад, что США не захватили контроль за нефтью Персидского залива, доказывает отсутствие у них империалистических мотивов и они не являются империалистической державой, — не строили иллюзий о том, почему оккупация Ирака была бы в интересах Соединенных Штатов, ответ был однозначный: нефть. «Нет такого другого товара, — писали они, — который был бы равен по своему значению нефти. Зависимость развитых и развивающихся экономик от энергетических ресурсов Залива не сравнима ни с чем другим. Эти ресурсы сосредоточены в районе, остающемся относительно недоступным и в высшей степени нестабильным. Обладание же нефтью создает несравнимую финансовую базу, с помощью которой экспансионистская развивающаяся держава может надеяться реализовать свои экспансионистские амбиции»¹⁰. Поэтому не приходилось сомневаться в потребности США установить господство над Ближним Востоком. Если бы в сложившихся исключительных условиях они прибегли к силе, это следовало бы делать с ответственностью, устанавливая одновременно и собственное управление.

Этот аргумент скорее присущ либеральному, а не консервативному (или неоконсервативному) крылу американского внешнеполитического истеблишмен-

та и звучит в дискуссиях внутри правящего класса. Споры внутри истеблишмента носят узкий характер, причем многие либеральные специалисты по внешней политике в силу своей приверженности идее строительства нации держатся ближе к неоконсерваторам и выступают с более агрессивных позиций, чем многие консерваторы. Для Такера и Хендерсона империализм — это вопрос выбора, который делают политические руководители, это просто «имперский соблазн». С ним можно справиться, но если не получается, то необходимо ухватиться за либеральную мечту о строительстве нации, то есть реорганизации обществ на либеральных началах.

В 1990-х годах в среде властной элиты США родился самый настоящий и притом весьма примечательный консенсус, базирующийся на общих посылах и целях. Как заметил Ричард Н. Хаас: «Освободившиеся от опасности того, что военные действия приведут к конфронтации с соперничающей сверхдержавой, США теперь получили свободу рук для вмешательства». Остановливаясь на проблеме пределов применения американской мощи, Хаас заявляет: «США могут делать все, что угодно, но не все»¹¹. Далее он переходит к вопросу осуществления интервенции с целью строительства нации в Ираке и других местах.

Более важным было высказывание Хааса о гегемонии, которое прямо говорило об основных разногласиях в истеблишменте по вопросу о Соединенных Штатах как глобальной державе. По словам Хааса, США определенно являются «гегемоном» в том смысле, что они обладали мировым превосходством, но говорить о постоянной гегемонии как объекте внешней политики — значит тешить себя

опасными иллюзиями. В марте 1992 года в прессу просочился проект «Руководства по оборонному планированию», который также известен под названием «Пентагоновские документы». В этом секретном рабочем документе, подготовленном Министерством обороны при президенте Буше-старшем под руководством Пола Вулфовица (тогда заместителя министра по вопросам политики), говорилось: «Наша стратегия (после развала Советского Союза) должна теперь сменить ориентиры, сделав главным недопущение появления любого будущего глобального конкурента»¹². В книге *The Reluctant Sheriff* («Нерешительный шериф») Хаас ставит эту стратегию под вопрос и обращает внимание на то, что у США нет достаточных инструментов, чтобы помешать появлению новых глобальных держав. Такие державы появляются в результате роста их материальных ресурсов, великие экономические державы с неизбежностью становятся способными стать вообще великими державами (со всем спектром соответствующих атрибутов), и масштаб, в котором они полностью становятся военными державами, «будет зависеть преимущественно от того, как в них понимаются национальные интересы, угрозы, какая у них политическая культура и экономическая мощь»¹³. Единственной рациональной долгосрочной стратегией, поскольку увековечивание гегемонии или первенства невозможно, было то, что Мадлен Олбрайт называла «утверждающей многосторонностью», или то, что Хаас назвал подходом «шерифа с командой», где в роли шерифа выступают Соединенные Штаты, а в роли команды «коалиция добровольцев». Шерифу с командой не нужно заботиться о законе, говорит он, но тем не менее он

должен следить за тем, чтобы не перебарщивать с бдительностью¹⁴.

К ноябрю 2000 года, незадолго до вступления в должность руководителя группы планирования политики в Государственном департаменте Колина Пауэлла при президенте Джордже У. Буше, Хаас выступил в Атланте с докладом, называвшимся «Имперская Америка», в котором развивал мысль о том, что США должны выработать «имперскую внешнюю политику», которая использовала бы имеющуюся у них исключительную возможность применить «излишек силы» для «распространения контроля» по всему пространству земли. Выражая по-прежнему мнение, что постоянной гегемонии достигнуть не получится, Хаас заявил, что США следует воспользоваться уникальной возможностью, которая сейчас у них существует, чтобы перестроить мир и усилить свои глобальные позиции. Это означало вооруженные интервенции по всему миру. «Недостаточные имперские усилия,— говорил он,— а не слишком большие имперские усилия представляются наиболее опасными из двух»¹⁵. В 2002 году, выступая перед администрацией, готовившейся к вторжению в Ирак, Хаас заявил, что несостоявшееся государство, неспособное контролировать терроризм на своей собственной территории, утратило «нормальные преимущества суверенитета, включая право быть предоставленным самому себе в пределах собственной территории. Другие правительства, в том числе Соединенных Штатов, получают право на вмешательство. В случае терроризма это может приводить к возникновению права на превентивную или предупредительную самооборону»¹⁶.

В сентябре 2000 года, за два месяца до того, как Хаас выступил со своей «Имперской Америкой»,

неоконсервативная организация «Проект Нового американского века» выпустила доклад «Перестраивая американскую оборону», составленный по просьбе Дика Чейни и подписанный, среди прочих, Дональдом Рамсфельдом, Полом Вулфовицем, Джеббом, младшим братом Джорджа У. Буша, и Льюисом Либби. В докладе говорилось, что «в настоящее время у США нет глобального соперника. Большая стратегия Америки должна быть направлена на сохранение и расширение этого выгодного положения, насколько это будет возможно в будущем». Главной стратегической целью США в XXI веке было названо «сохранение Pax Americana». Для достижения этой цели было необходимо расширить «периметр американской безопасности», создав новые «базы за рубежом» и проводя операции по всему миру. По вопросу о Персидском заливе доклад «Перестраивая американскую оборону» был не менее определенным: «Десятки лет США стремились играть более постоянную роль в безопасности региона вокруг Залива. Если неразрешенный конфликт с Ираком дает повод для оправдания присутствия там иракских войск, то проблемой режима Саддама Хусейна не объяснить необходимость пребывания значительного контингента американских солдат в Заливе»¹⁷.

Поэтому даже до 11 сентября правящий класс и его внешнеполитическая элита (включая тех, кто не входит в неоконсервативные круги) стали склоняться к защите недвусмысленной политики расширения американской империи, стараясь полнее воспользоваться тем, что казалось приоткрытым окном, оставшимся после развала Советского Союза,— и сделать это раньше, пока не образовались новые соперники. В 1990-х годах американская экономика, несмотря на

замедление экономического цикла, развивалась все-таки более высокими темпами, чем экономика Европы и Японии. Такая ситуация существовала особенно в конце тревожных 1990-х годов. Между тем гражданская война в Югославии показала, что Европа не в состоянии решать военные вопросы без США.

Этим объясняется то, что к концу 1990-х годов разговоры об империи США и империализме шли не столько среди левых, сколько в либеральных и неоконсервативных кругах, где в открытую провозглашались имперские амбиции¹⁸. После 11 сентября поддержка идеи провести массированную вооруженную интервенцию во имя экспансии американской мощи, во время которой США еще раз покажут, что «прочны стоят на земле», как выразился один из адептов неоконсерваторов Макс Бут в своей книге «Дикие войны за мир», стала составной частью господствующего в правящем классе консенсуса¹⁹. Заявление администрации о стратегии национальной безопасности, переданное в Конгресс в сентябре 2002 года, поддерживало принцип превентивных ударов против потенциального врага и объявляло: «США должны и будут поддерживать готовность нанести поражение любым попыткам врага... навязать свою волю Соединенным Штатам, нашим союзникам или нашим друзьям... Наши силы будут достаточно мощными, чтобы разубедить потенциальных противников наращивать вооружения в надежде превзойти мощь США или сравняться с ней».

Майк Хирш, старший редактор вашингтонского бюро *Newsweek*, в книге *At War with Ourselves: Why America is Squandering its Chance to Build a Better World* («В войне с самим собой: почему Америка упускает шанс построить лучший мир?») излагает позицию

политических либералов, которая сводится к тому, что США как держава-гегемон имеют право вмешиваться там, где речь идет о несостоявшихся государствах и где на кону стоят жизненно важные стратегические интересы, но это должно сопровождаться строительством нации и приверженностью принципу многосторонних отношений. Однако на деле это может быть «однополярностью... хорошо замаскированной под многополярность»²⁰. Это не спор о том, следует ли США расширять свою империю, скорее, это вопрос о том, поддаться ли имперскому соблазну, взяв на себя имперскую ответственность, а об этом говорили Такер и Хендерсон. Говоря об интервенции с целью строительства нации, Хирш заявляет: «Нет способного решить все «царя» для несостоявшихся государств, как нет его для внутренней безопасности или войны с наркотиками. Возможно, он бы пригодился»²¹.

То, что называли «интервенциями для строительства нации» и что первоначально было отклонено администрацией Буша, больше не ставится под вопрос. Об этом можно судить по докладу Совета по международным отношениям «Ирак: на следующий день», опубликованному накануне американского вторжения и посвященного строительству нации. Одним из членов авторского коллектива, подготовившего доклад, был Джеймс Ф. Доббинс, директор Центра международной безопасности и оборонной политики Rand corporation, выступавший в роли специального представителя администрации Клинтона во время интервенций в Сомали, Гаити, Боснии и Косове, а также специальным представителем администрации Буша-младшего после начала интервенции в Афганистане. Доббинс, активный пропа-

гандист «интервенций для строительства нации» дипломатии меча — в обеих администрациях, Клинтона и Буша, неприкрыто объявляет в докладе Совета по международным отношениям: «Партийные споры по поводу строительства нации позади. Администрации обеих партий определенно готовы использовать американские вооруженные силы для реформирования преступных государств и восстановления их разрушенных обществ»²².

ТЕОРИЯ КЛИКИ И ИМПЕРСКИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Все это имеет прямое отношение к вопросу, который Магдофф поставил более четверти века назад в «Веке империализма» и который, как никогда, встает перед нами. «Является ли (вьетнамская) война, — спрашивал он, — частью более общего и последовательного плана внешней политики США или же это порождение фантазии какой-то группы находящихся у власти людей?»²³ В настоящее время внутри самого истеблишмента существует единое мнение: экспансионизмом США движут объективные силы и потребности в безопасности, а распространение контроля на весь мир — насколько возможно дальше и дольше — отвечает общим интересам высшего командования капитализма США. Как излагается в докладе «Проекта Нового американского века» «Пере-страивая американскую оборону», сейчас необходимо воспользоваться «однополярным моментом».

Опасная иллюзия рассматривать наблюдаемую последние два года в среде более широкого левого крыла тенденцию новой империалистической экспансии как неоконсервативный проект, осуществля-

емый небольшой группой внутри правящего класса и не выходящий за рамки правого крыла Республиканской партии, особо заинтересованной в военном и нефтяном секторах. В настоящий момент не наблюдается какого-то серьезного раскола внутри американской олигархии или внешнеполитического истеблишмента, хотя в будущем разногласия, несомненно, появятся и будут результатом неудач в проведении этого курса. Никакой клики не существует, есть только консенсус, порождаемый потребностями правящего класса и динамикой развития империализма.

Однако существует размежевание между Соединенными Штатами и другими ведущими капиталистическими государствами — внутрикапиталистическая конкуренция никуда не исчезла и остается осью империалистического колеса. И разве может быть иначе, если США стараются выступать в качестве замены мирового правительства в глобальном имперском порядке? Невзирая на то что США пытаются закрепить свои гегемонистские позиции в мире, экономически они остаются намного слабее относительно других ведущих капиталистических государств, чем это было в годы сразу после окончания Второй мировой войны.

«В конце 1940 годов, когда США производили 50% мирового валового продукта,— отмечает Джеймс Доббинс в книге *Iraq: the Day After* («Ирак: на следующий день»),— они были в состоянии выполнять эти задачи (военной интервенции и национального строительства) более или менее на свой страх и риск. В 1990-х годах после окончания «холодной войны» Америка могла руководить бо-

лее широкими коалициями и тем самым делить бремя строительства наций с более многочисленным кругом участников. США не могут позволить себе и не нуждаются в том, чтобы в одиночку строить свободный Ирак. Однако привлечь большее число участников они сумеют только в случае, если учтут уроки 1990-х и 1940-х годов»²⁴.

Другими словами, для переживающей состояние стагнации американской экономики, которая, несмотря на некоторый подъем в конце 1990-х годов, намного слабее относительно своих главных соперников, чем в годы после Второй мировой войны, осуществление прямой гегемонии не по карману — США остаются зависимыми от «коалиции согласных».

В то же время не оставляет сомнений то, что в нынешний период глобального гегемонистского империализма США нацеливаются на возможно большее расширение своего имперского могущества и подчиняют остальной капиталистический мир своим интересам. Персидский залив и Каспийский бассейн располагают сегодня не только большей частью мировых запасов нефти, но также, по мере того как в других местах запасы истощаются, их нефтяные запасы все быстрее составляют возрастающую долю мировых. Это в значительной степени подталкивает стремление США овладеть контролем над этими резервами — за счет нынешних и потенциальных конкурентов. На этом имперские амбиции США не кончаются, так как ими движут экономические амбиции, пределов которым не существует. Как Магдофф отмечал в 1969 году на заключительных страницах *The Age of Imperialism* («Века империализма»),

«контролировать такую же часть мировых рынков, какую они контролируют на внутреннем рынке,— вот открыто провозглашенная цель американских многонациональных корпораций», и эта жажда захвата иностранных рынков несколько не уменьшилась сегодня. Имеющая штаб-квартиру во Флориде «Вакенхат Коррекшнз корпорейшн» выиграла контракты на приватизацию тюрем в Австралии, Соединенном Королевстве, Южной Африке, Канаде, Новой Зеландии и на Нидерландских Антилах²⁵. Одну из главных обязанностей государства США составляет продвижение американских корпоративных интересов за рубежом. Вспомним «Монсанто» и генетически модифицированную пищу, «Майкрософт» и интеллектуальную собственность, «Бечтель» (Bechtel) и войну в Ираке. Просто невозможно преувеличить опасность, какую представляет эта двойная экспансия американских корпораций и американского государства для мира в целом. Как писал Иштван Мешарош, объясняющаяся самой практикой капитализма и империализма попытка США захватить контроль над миром, теперь угрожает человечеству «беспредельно насильственным и не ограниченным временными рамками господством над целым миром одной империалистической державы-гегемона... абсурдным и неприемлемым способом поддержания мирового порядка»²⁶.

Новый век американского империализма будет порождать собственные противоречия, среди них попытки других великих держав укрепить свое влияние с помощью подобных же воинственных методов, а также разного рода маневры более слабых государств и акторов-негосударств, которые будут прибегать к «асимметричным» формам войны. С учетом

беспрецедентной мощи разрушительной силы современных вооружений, которые с каждым днем все шире расползаются по планете, последствия такого соперничества для населения мира могут быть невероятно разрушительными. Вместо создания Pax Americana США могут привести мир к новому глобальному холокосту.

Самая большая надежда в этих зловещих обстоятельствах возлагается на растущую волну протеста снизу как в Соединенных Штатах, так и по всему миру. Рост антиглобалистского движения, которое доминировало на мировой арене почти два года после событий в Сиэтле в ноябре 1999 года, привел в феврале 2003 года к крупнейшей в истории всемирной волне антивоенных протестов. Никогда еще население земного шара не поднималось столь быстро и в таких больших количествах ради того, чтобы остановить империалистическую войну. Новый век империализма одновременно век протеста. «Вьетнамский синдром», который десятки лет доставлял авторам стратегических планов имперского порядка столько беспокойств, кажется, не только оставил незабываемое наследие внутри Соединенных Штатов, но на этот раз соединился с «имперским синдромом» и на еще более широкой глобальной основе, чего не ожидал никто. Это факт, более чем что-либо еще, говорит о том, что стратегия американского правящего класса США в конечном счете не принесет ему успеха и окончится его собственной, надеемся, не всего мира, гибелью.

ГЛАВА 9

КИПЛИНГ, «БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА» И ИМПЕРИАЛИЗМ США

Ноябрь 2003 года

Мы живем в период, когда риторика империи не знает пределов. В специальном докладе «Америка и Европа» в августе лондонский журнал *Economist* задался вопросом, будут ли и в самом деле США готовы взять на себя «бремя белого человека» на Ближнем Востоке в случае, если «смены режимов в Иране и Сирии пройдут мирно»? Журнал ответил на этот вопрос, сказав «навряд ли» — приверженность США идее империи не заходит настолько далеко. Что важно подчеркнуть, однако, так это то, что такой вопрос вообще возник.

Ведущиеся в настоящее время войны в Ираке и Афганистане заставили обозревателей задуматься, нет ли схожести и исторической связи между «новым» империализмом XXI века и империализмом конца XIX — начала XX века. Как несколько месяцев назад прокомментировал эту ситуацию Джонатан Маркус, военный корреспондент *BBC*:

«Следует вспомнить, что сто лет назад британский поэт Редьярд Киплинг написал свою знаменитую поэму о том, что образно назвал «бременем белого человека» — напоминание об ответственности империи, предназначенное не Лондону, а Вашингтону с его вновь обретенными имперскими обязанностями на Филиппинах. Не ясно, читает ли президент Джордж У. Буш поэзию или Киплинга. Но киплинговские сантименты имеют сегодня такое же звучание, как в дни, когда после окончания испано-американской войны она была написана»¹.

Ряд других современных пропагандистов империализма также проводили параллели с поэмой Киплинга, которая начинается строками:

Неси это гордое время,
Родных сыновей пошли.

Прежде чем приступить к выяснению причин, по которым так неожиданно возобновился интерес к киплинговскому «Бремени белого человека», нужно кое-что вспомнить из истории американского империализма, чтобы стало понятным, какое отношение к настоящему повествованию имеет поэма.

ОТ ИСПАНО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ ДО ФИЛИППИНО-АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ

Во время испано-американской войны 1898 года США захватили испанские колонии в Карибском море и на Тихом океане и впервые заявили о себе как о мировой державе². Как и на Кубе, испанское колониальное правление на Филиппинах вызвало подъем

национально-освободительной борьбы. Сразу же после обстрела американским военно-морским флотом Манилы 1 мая 1898 года, во время которого был уничтожен испанский флот, адмирал Дьюи отправил в Гонконг канонерку за отправленным в изгнание филиппинским революционным деятелем Эмилио Агинальдо. США хотели, чтобы Агинальдо возглавил возобновившееся восстание против испанцев до прихода туда американских войск. Филиппинцы действовали настолько удачно, что менее чем за два месяца почти полностью разгромили испанцев на главном острове Лусон, закупорив оставшиеся испанские войска в столице страны Маниле, и в руках филиппинцев оказались почти все острова архипелага. В июне филиппинские лидеры выпустили собственную Декларацию независимости, написанную по образцу американской. Когда наконец в последних числах июня на Филиппины прибыли американские войска, 15 тысяч испанских солдат, заблокированных в Маниле, были окружены расположившейся вокруг Манилы филиппинской армией, и американским войскам пришлось просить разрешения пройти через филиппинские боевые порядки, чтобы вступить в бой с остатками испанской армии. Испанская армия сдала Манилу американцам 13 августа 1898 года после боя, длившегося несколько часов. По соглашению, подписанному между Соединенными Штатами и Испанией, филиппинским войскам запретили входить в город, и они не участвовали в подписании акта капитуляции. Это было решающее сражение войны. Джон Хей, посол Великобритании, очень хорошо передал империалистический дух того времени, написав, что это была «великолепная маленькая война».

Однако теперь, когда война с испанцами завершилась, США отказались признать существование новой Филиппинской Республики. В октябре 1898 года администрация Маккинли впервые публично заявила о намерении аннексировать все Филиппины. Рассказывали, что, приняв это решение, президент Маккинли сказал, что всемогущий Господь приказал ему сделать Филиппины колонией Соединенных Штатов. Через несколько дней после этого заявления в Бостоне была основана Антиимпериалистическая лига Новой Англии. В число ее членов входили такие известные фигуры, как Марк Твен, Уильям Джеймс, Чарльз Френсис Адамс и Эндрю Карнеги. Но администрация своих планов не изменила и в декабре заключила в Париже договор, по которому Испания согласилась передать Филиппины новой империалистической державе вместе с другими своими владениями, захваченными Соединенными Штатами во время войны.

После этого последовали ожесточенные дебаты в Сенате по поводу ратификации договора, в центре стоял статус Филиппин, вся территория которых, кроме Манилы, контролировалась новоиспеченной Филиппинской Республикой. Четвертого февраля 1899 года американские войска, получив приказ спровоцировать конфликт с филиппинскими войсками, кольцом окружавшими Манилу, вошли в зону спорной территории между американскими и филиппинскими линиями на окраинах города. Встретив филиппинских солдат, американские солдаты приказали им: «Стой!» — и открыли огонь, убив троих из них. Американские войска немедленно перешли в наступление под прикрытием мощного артиллерийского огня, фактически получилась внезапная атака

(высшие филиппинские офицеры в это время были на роскошном банкете, празднуя победу), филиппинские войска понесли тяжелые потери. Пятого февраля *San Francisco Call* сообщала, что как только это известие получили в Вашингтоне и доложили Маккинли, тот сказал «близкому другу... что сражение в Маниле, по его мнению, обеспечит ратификацию завтра».

Его расчеты оказались правильными, и на следующий день Сенат ратифицировал Парижский договор, официально подведя черту под испано-американской войной. Испания уступила США Гуам, Пуэрто-Рико и Филиппины, Куба перешла под контроль США. Договор предусматривал выплату Соединенными Штатами Испании 20 миллионов долларов за полученные от нее в результате войны территории. Но это плохо прикрывало тот факт, что испано-американская война была обыкновенным захватом Соединенными Штатами заморской колониальной империи, чего требовал американский бизнес, только что оправившийся от экономического спада и нуждавшийся в новых глобальных рынках.

США немедленно перешли в наступление спустя два дня — началась одна из самых варварских в истории войн за имперские завоевания. Целью США в тот период было расширение не только в сторону Карибов, но и далеко в Тихий океан, и, прибрав к рукам Филиппинские острова, таким образом, открыть себе двери на гигантский китайский рынок. (В 1900 году США направили войска с Филиппин в Китай, присоединившись к другим имперским державам, занятым подавлением Боксерского восстания.) Киплинговское «Бремя белого человека» с подзаголовком «США и Филиппинские острова» было напечатано в

McClure's Magazine в феврале 1899 года³. Написано оно было тогда, когда еще продолжались дебаты по поводу ратификации Парижского договора, и в то время, когда в Соединенных Штатах антиимпериалистическое движение осуждало планы аннексии Филиппин. Киплинг убеждал Соединенные Штаты, с особым акцентом на Филиппины, присоединиться к Британии, которая несет расовую ответственность как империя:

...ради угрюмых
Мятущихся дикарей.
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

Многие в Соединенных Штатах, включая президента Маккинли и Теодора Рузвельта, с восторгом восприняли обращенный к США призыв Киплинга начать «дикие войны» с Филиппин. Сенатор Альберт Дж. Беверидж из Индианы заявил: «Тысячи лет Господь готовил англоговорящие и тевтонские народы не к одному только тщеславному самосозерцанию и самолюбованию... Он научил нас искусству управлять, чтобы мы могли осуществлять управление среди диких и неразвитых народов». Кончилось тем, что на Филиппины послали 126 тысяч солдат и офицеров подавить филиппинское сопротивление, и война продолжалась официально с 1899 по 1902 год, но на самом деле тянулась намного дольше, целых десять лет то тут, то там вспыхивали очаги сопротивления. Американской армии пришлось выдержать 2800 боев с филиппинскими силами сопротивления. За это время было убито почти четверть миллиона филиппинцев, в большинстве своем женщин и детей, и по-

гибло 4200 американских солдат (более чем в десять раз больше американских потерь в испано-американской войне)⁴.

С самого начала было ясно, что филиппинские вооруженные силы не в состоянии противостоять американцам в обычной войне. Поэтому филиппинцы очень быстро перешли к партизанским методам войны... Американские солдаты на Филиппинах пели походную песню о том, как «они цивилизуют их Крагом» (имея в виду изобретенные норвежцами пушки, которые стояли на вооружении американской армии). И все равно им приходилось отбиваться от бесчисленных нападений и устроенных филиппинцами засад, в которых пускались в ход длинные филиппинские ножи, называвшиеся боло. В результате стычек с небольшими отрядами партизан регулярно погибало по нескольку солдат. Как и во всех продолжительных партизанских войнах, сила филиппинского сопротивления заключалась в поддержке народа в целом. Генерал Артур Макартур (отец Дугласа Макартира), ставший военным губернатором Филиппин в 1900 году, рассказывал репортеру в 1899 году:

«Когда я только начинал воевать с мятежниками, то думал, что войска Агинальдо — это всего только горстка людей. Не хотелось верить, что все население Лусона, то есть туземное население, против нас и наших предложений помощи и хорошего управления. Но вот когда мы в этом увязли, после того как оккупировали одно за другим несколько селений и городов... пришлось поверить, что филиппинские массы за Агинальдо и правительство, которое он возглавляет»⁵.

Бойня в Моро 9 марта 1906 г.

Источник: www.boondocksnet.com/ai/ailtexts/mm_featarms.html

Столкнувшись с партизанским движением, пользующимся широкой поддержкой большинства населения, американские войска начали стогнать население в концентрационные лагеря, сжигать деревни (бывали случаи, когда филиппинцев заставляли таскать бензин, которым поджигали их дома), осуществляли массовые повешения, закалывали подозреваемых штыками, систематически насиловали женщин и девушек, пытали. Самой отвратительной пыткой, которой любили пользоваться оккупанты, было так называемое «лечение водой». В рот пленнику заливали огромное количество воды. Потом наступали им на живот, чтобы вода начала хлестать на метр в воздух, «как из артезианского колодца». Большинство жертв вскоре умирало. Генерал Фредерик Фанстом не постеснялся заявить, что собственноруч-

но повесил группу из тридцати пяти филиппинских гражданских лиц, подозревавшихся в помощи филиппинским революционерам. Майор Эдвин Гленн не видел причины отрицать обвинения в том, что заставил группу из сорока семи филиппинских пленных встать на колени и «покаяться в своих грехах», а потом их всех закололи штыками и забили прикладами до смерти. Генерал Уильям Смит приказал своим войскам «убивать и сжигать», стрелять «во все, старше десяти лет» и превратить остров Самар в «кричащую пустыню». Генерал Уильям Шафтер, выступая в Калифорнии, заявил, что может понадобиться перебить половину филиппинского населения, чтобы донести до другой «совершенство закона». Согласно официальной статистике (обсуждавшейся на слушаниях в Конгрессе по вопросам войны), войска США убили в пятнадцать раз больше филиппинцев, чем ранили. Это подтверждалось рассказами американских солдат, что захваченных филиппинских комбатантов без всяких размышлений тут же приканчивали.

Война продолжалась после того, как в марте 1901 года Агинальдо был захвачен, но официально президент Теодор Рузвельт объявил о ней 4 июля 1902 года, чтобы погасить обвинения Соединенных Штатов в зверствах на Филиппинах. В это время северные острова были почти полностью «умиротворены», но завоевание южных все еще продолжалось, и борьба шла много лет, хотя с этого момента США объявили восставших обыкновенными бандитами.

На южных островах Филиппин американская колониальная армия воевала против филиппинцев-мусульман, которых называли моро. В 1906 году американцы совершили то, что назвали «избиением

моров». Тогда американские войска загнали человек девятьсот филиппинцев, среди них было много женщин и детей, в кратер вулкана на острове Джоло и расстреливали их в течение нескольких дней из ружей и артиллерийских орудий. Все филиппинцы были перебиты, американская армия потеряла несколько человек. На первые сообщения о случившемся (в них говорилось о шестистах, а не девятистах мужчинах, женщинах и детях, как уточнили позже) Марк Твен ответил едкой сатирой:

«С каждой из сторон участвовало по шестьсот человек, мы потеряли пятнадцать солдат, погибших на месте, и у нас тридцать два раненых, если брать в расчет расквашенные носы и ушибленные локти. Противника было шестьсот человек, включая женщин и детей, и он был полностью уничтожен, не осталось ни одного ребенка оплакивать мертвую мать. Это как-то несовместимо с величайшей победой, какую только когда-нибудь одерживали христианские солдаты Соединенных Штатов»⁶.

Глядя на широко распространенное фото, на котором американские солдаты стоят в кратере над ровом с кучами трупов филиппинцев, У. И. Б. Дюбуа заявил в письме Мурфилду Стори, президенту Антиимпериалистической лиги (а позже первому президенту Национальной ассоциации содействия равноправию цветного населения), что «это одна из самых поучительных вещей, какие я только видел. Я хочу специально оправить ее в рамку и повесить в своей аудитории, чтобы студенты видели, что такое войны, и особенно завоевательные войны»⁷.

Президент Теодор Рузвельт немедленно поздравил своего старого друга генерала Леонарда Вуда, который устроил избиение моров: «Я поздравляю вас и офицеров и солдат, которыми вы командуете, с блестящим воинским подвигом, совершив который вы и ваши солдаты поддержали честь американского флага». Подобно Кипплингу, Рузвельт редко колебался, когда нужно было восславить империализм или поддержать доктрины расового неравенства.

Тем не менее романы, рассказы и стихи Кипплинга у многих людей в белом мире вызывали мысли о высочайшем и благороднейшем деле. В то же время они не скрывали, с какой ненавистью колонизируемые относились к колонизаторам. При вручении Кипплингу Нобелевской премии в области литературы в 1907 году Нобелевский комитет объявил: «Его империализм — это не тот бескомпромиссный империализм, который не обращает внимания на чувства других»⁸. Именно это и превратило кипплинговское «Время белого человека» и другие произведения его пера в эффективный идеологический флер для прикрытия варварской реальности.

Год 1899-й, когда было опубликовано стихотворение Кипплинга, был отмечен не только окончанием испано-американской войны (подписанием Парижского договора) и началом филиппино-американской войны, но также началом Англо-бурской войны в Южной Африке. Это были классические империалистические войны, и они породили в ответ антиимпериалистические движения и радикальную критику. Именно Англо-бурская война вызвала появление работы Гобсона «Империализм: исследование», в котором говорилось, имея в виду британский империализм в Африке: «Нигде при таких условиях

теория белого правления как попечительства над цивилизацией не приносила успеха»⁹. В первой строке ленинской работы «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в 1916 году, отмечалось: «Особенно после испано-американской (1898) и Англо-бурской войн (1899–1902) в экономической и особенно политической литературе двух полушарий все чаще и чаще принято употреблять термин «империализм», чтобы дать определение нынешней эре»¹⁰.

КИПЛИНГОВСКОЕ ПОСЛАНИЕ ИМПЕРИАЛИСТАМ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Хотя империализм оставался реальностью на протяжении прошедшего столетия, сам термин большую часть столетия клеймили как неприемлемый для употребления в приличном обществе истеблишмента — настолько сильные антиимпериалистические протесты вызвали филиппино-американская и Англо-бурская войны и настолько преуспела марксистская теория империализма в разоблачении глобальных капиталистических отношений. Однако за последние несколько лет «империализм» снова сделался воинственным лозунгом и неоконсерваторов и неолибералов. Как признался Алан Мюррей, руководитель вашингтонского отделения *CNBC*, обращаясь главным образом к элитам: «Кажется, теперь мы все империалисты»¹¹.

Если кто-то еще и сомневается в том, что нынешняя экспансия империи США не что иное, как продолжение столетней истории империализма США за рубежом, Майкл Игнатъев не оставляет места для сомнений:

«Операция в Ираке больше всего напоминает завоевание Филиппин между 1898 и 1902 годами. Обе представляют собой завоевательные войны, обе были навязаны разделенной стране идеологической элитой, и обе обошлись намного дороже, чем кто-либо предполагал. Как и в Ираке, выиграть войну оказалось самой простой задачей... На Филиппины для подавления партизанского сопротивления были отправлены более 100 тысяч американских солдат, 4 тысячи не вернулись домой. Остается подождать, обойдется ли Ирак тысячами американских жизней — и примет ли американский народ такую тяжкую плату в качестве цены за успех в Ираке»¹².

Если представители истеблишмента открыто признаются в империалистических амбициях, то не стоит удивляться повторяющимся попыткам вернуть назад в том или ином виде идею «бремени белого человека». На последних страницах удостоенной награды книги Макса Бута «Дикие войны за мир» (*The Savage Wars of Peace*) цитируется стихотворение Киплинга:

Неси это гордое бремя —
Ты будешь вознагражден
Придирками командиров
И криками диких племен...

Бут утверждает, что Киплинг был совершенно прав, говоря о том, «что обычно повсюду колонисты собирали потом скудный урожай признания». И все-таки, говорит он, нас должен вдохновлять тот факт, что «народы в своем большинстве не сопротивля-

лись американской оккупации, они наверняка сделали бы это, если бы оккупация была жестокой и непереносимой. Многие кубинцы, гаитянцы, домениканцы и другие, наверное, в душе приветствовали американское правление». Главный смысл сентенции Бута абсолютно ясен — США следует вновь «взять на себя бремя белого человека». Его книга заканчивается утверждением, что США еще во время войны в Заливе 1991 года следовало бы сбросить Саддама Хусейна и оккупировать Ирак. Он наводит на мысль, что эту задачу еще предстоит выполнить¹³.

Название книги Бута *The Savage Wars of Peace* («Дикие войны за мир») взято прямо из стихотворения Киплинга «Бремя белого человека». Четырехсотдвадцативосьмистраничное возвеличивание Бутом империалистических войн США удостоилось премии «Лучшая книга 2002 года» от *Washington Post*, *Christian Science Monitor* и *Los Angeles Times* и премии генерала Уолласа М. Грина 2003 года за лучшую небеллетристическую книгу об истории американской морской пехоты. Бут говорит, что филиппинская война была «одной из самых успешных антиповстанческих войн, проводившихся западной армией в наше время», и заявляет, что «по современным стандартам, поведение американских солдат было лучше, чем в среднем для колониальных войн».

Имперская роль США на Филиппинах, ставшая предметом стихотворения Киплинга «Бремя белого человека», таким образом, преподносится как модель для имперской роли, какую Бут и другие неоконсерваторы хотят навязать Соединенным Штатам. Игнатьев по этому поводу замечает, что даже до войны в Ираке «империализм означал бремя белого человека. Отсюда у него такая плохая репутация. Но потреб-

ность в империализме не пропадает от того, что он политически некорректен» — что вполне может быть интерпретировано как оценка и «бремени белого человека»¹⁴.

О филиппино-американской войне сейчас вспоминают как о событии в истории Соединенных Штатов, которое больше всего напоминает проблемы, с которыми они сталкиваются в Ираке. Далее, США воспользовались атаками 11 сентября 2001 года для того, чтобы осуществить военное вмешательство не только на Ближнем Востоке, но и по всему миру — включая Филиппины, где они развернули многотысячную армию, чтобы помочь филиппинским вооруженным силам воевать на южных островах с повстанцами морями. В новом империалистическом климате Найал Фергюсон, профессор истории в Стерновской школе бизнеса Нью-Йоркского университета, в своей книге *Empire* («Империя») обращается к стихотворению Киплинга «Бремя белого человека».

«Никто сегодня,— говорит Фергюсон,— не осмелится использовать такой политически некорректный язык. Тем не менее реальность такова, что Соединенные Штаты, признаются они в этом или нет, взяли на себя своего рода глобальное бремя, как нас призывал Киплинг. Они считают себя ответственными не только за ведение войны с терроризмом, но также за распространение за рубежом преимуществ капитализма и демократии. И как и Британская империя, американская империя неизменно действует во имя свободы даже тогда, когда в первую очередь преследует собственные интересы»¹⁵.

Несмотря на утверждения Фергюсона, что «никто не осмелится» сегодня называть это «бременем белого человека», поскольку это «политически некорректно», все чаще хвала термину множится — и при этом в самых привилегированных кругах. Бут хороший тому пример. Как и сам Фергюсон, он пытается связать «бремя белого человека» с длинной историей вмешательства из идеалистических побуждений, сбрасывая со счета реальную практику расизма и империализма. «В начале двадцатого века,— пишет он,— американцы говорили о распространении демократии и защите прав человека. Как это ни называть, это идеалистический импульс, который всегда составлял большую часть американских побуждений вступить в войну».

Сегодняшний империализм видит в киплингском стихотворении главным образом попытку утвердить правящий класс США его времени в мысли о необходимости готовиться к тому, что он называл «дикой войной за мир». Именно так теперь говорят о «бремени белого человека» применительно к XXI веку. Для журнала *Economist* это, например, лишь вопрос о том, «готовы ли США взять на себя «бремя белого человека» на всем Ближнем Востоке».

Как публицист и как выразитель идей империализма Киплинг был на голову выше этого в том смысле, что верно оценивал противоречия своего времени. Он понимал, что Британская империя слишком разбухла и обречена, даже когда боролся за ее спасение и старался вдохновить растущие США выйти вместе с ней на имперский путь. Только за два года до создания «Бремени белого человека» он написал свое знаменитое стихотворение «Последняя молитва»:

Чу, на мели наш гордый флот,
И никнут флаги боевые.
И день, как видно, недалек,
Когда державы мощь падет,
Как пали Тир и Ниневия!
О Боже, в тщетном ослепленье
Не дай нам впасть в порок забвенья!

США теперь вступили в новую стадию империализма. Это вызовет усиление конфликта между центром и периферией — рационализируемому на Западе завуалированным и не очень завуалированным расизмом, — но также и усиление империалистической конкуренции. Скорее всего, это ускорит давно наметившийся упадок американской империи, а не наоборот. И в этой ситуации призыв к выходцам из Европы сомкнуть ряды (в духе «столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона), навёрное, найдет больший отзвук среди американской и британской элит. Не нужно забывать, что киплингское «Бремя белого человека» было призывом к общей эксплуатации земного шара теми, кого Дюбуа позже, наблюдая за ослаблением британского могущества, назвал «белыми господами мира»¹⁶.

Это значит, что никак не следует недооценивать опасности трех зол: милитаризма, империализма и расизма или забывать о том, что капиталистическое общество исторически идентифицируется с ними.

ГЛАВА 10

ИРАК — ВТОРОЙ ВЬЕТНАМ?

Июнь 2004 года

Показателем того, насколько плохо идут дела у американских захватчиков и оккупантов в Ираке, является ставшее обычным для американских средств массовой информации сравнение с вьетнамской войной. Отчаянно пытаясь приостановить это, президент Буш, выступая на пресс-конференции, стал запугивать американцев тем, что одна только аналогия нынешней войны с вьетнамской — непатриотична и является предательством в отношении солдат, воюющих в Ираке. Но вопрос как был, так и остается и не перестает преследовать американских оккупантов в Ираке: в какой степени Ирак превратился еще в один Вьетнам для американского империализма?

Совершенно правильно, что прямое сравнение двух этих войн указывает на колоссальную разницу между ними. В Ираке США не противостоит национально-освободительное движение, уходящее корнями в более чем столетние традиции революционной борьбы против французского и американского империализма. Масштабы вмешательства США в Ираке

намного меньше, чем во Вьетнаме, и количество потерь тоже намного меньше. «Холодная война» давно позади. География войны иное дело.

Тем не менее Ирак, как Вьетнам в предыдущем столетии, заставляет США напрягаться до пределов своего могущества. США — единственная оставшаяся сверхдержава, самая мощная военная сила на земле. И все же ее претензии на всемогущество снова поколеблены силами народного сопротивления и ненавистью к захватчику в стране третьего мира. Только в апреле количество американских солдат, погибших во время боевых действий, превысило количество потерь, которые американская сторона понесла за время с начала американского вторжения в Ирак до падения Багдада, — период, который, как предполагалось, должна была продолжаться вся война. В Ираке не видно никакого устойчивого политического решения, которое было бы приемлемым для американского правящего класса. Военного решения конфликта просто не существует. А у Соединенных Штатов, как это часто отмечают, не имеется «стратегии выхода», если, конечно, они вообще собираются оттуда выходить. В этих условиях вновь, по параллели с Вьетнамом, встает вопрос о поражении. Хотя ситуация в мире резко изменилась, нельзя не вспомнить, что писала в 1966 году китайская газета *Peoples Daily*: «Чем больше сил США кидают в Азию, тем больше они там увязнут и тем глубже будет могила, которую они там роют для себя»¹. Вряд ли приходится сомневаться, что в правящих кругах США отдают себе отчет в том, что аналогия с Вьетнамом существует, и обеспокоены призраком катастрофы, которая ожидает американский империализм, катастрофы, которая будет все более трагической по мере того, как

США все дольше остаются в Ираке. В то же время в США действуют мощнейшие силы, подталкивающие страну к продолжению и эскалации войны. В самый критический момент вьетнамской войны, 2 апреля 1970 года, сенатор Дж. Уильям Фулбрайт, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, заявил, что противник «не может заставить нас силой уйти из Индокитая, но может навязать нам выбор: либо полностью погрязнуть в этой войне, либо полностью уйти оттуда»². Это высказывание хорошо отражает дилемму, которая стояла перед Соединенными Штатами на протяжении всей вьетнамской войны. Они могли увязать все глубже и глубже, и они увязали. Но в конце концов неудачи и неспособность нанести поражение непримиримому сопротивлению, а также рост широкого антивоенного движения в самих США заставили их полностью уйти из Вьетнама. Точно такой же непреклонный выбор стоит сегодня перед Соединенными Штатами в Ираке. Крупное наращивание военных операций неприемлемо для массы населения мира, в том числе для населения основных союзников США, и еще больше неприемлемо для массы населения в самих Соединенных Штатах. Однако полный уход из Ирака неприемлем для правящего класса США, которому есть что терять от выхода из войны, потому что она приносит умопомрачительные прибыли, и который озабочен репутацией американской мощи. В таких обстоятельствах, скорее всего, можно ожидать эскалации военных действий, каких бы негативных последствий это ни имело по всему земному шару.

Общее представление о настроении американской политической элиты можно получить из доклада под названием «Ирак: годом позже», выпущенного Сове-

том по международным отношениям. Соруководителями авторского коллектива были Джеймс Шлезингер, заместитель министра обороны при Никсоне и Форде, и Томас Пикеринг, бывший посол США в России и заместитель секретаря по иностранным делам в администрации Клинтона. В целом авторский коллектив включал высшие фигуры внешнеполитического истеблишмента Соединенных Штатов, в первую очередь бывшего представителя США в Организации Объединенных Наций Джин Киркпатрик и эксперта Rand Corporation по вопросам поддержания мира (назначавшегося администрациями Клинтона и Буша специальным представителем для оказания помощи в «строительстве нации» в Сомали, Гаити, Боснии, Косове и Афганистане) Джеймса Ф. Доббинса. Авторы доклада настаивали на необходимости придерживаться «обязательств» США в Ираке даже в контексте «передачи власти», для того чтобы: 1) предотвратить проникновение в Ирак соседей; 2) гарантировать «долгосрочную стабильность в производстве и поставках нефти»; 3) заблокировать «появление несостоявшегося государства, которое может пообещать террористам убежище; 4) избежать «краха политики» вместе с проистекающей из этого утратой власти и влияния в регионе»³. Как писали Шлезингер и Пикеринг на странице обзорных статей в *Los Angeles Times* в материале под заголовком «Держать Ирак вне политики», обе партии, и Республиканская, и Демократическая, по тем же соображениям должны следовать «единому курсу». В первую очередь Ирак нужно держать вне президентской политики — это упрек, адресованный непосредственно Джону Керри, кандидату в президенты от Демократической партии⁴.

Главным уроком, который, по-видимому, до настоящего времени сумел извлечь из войны правящий класс Соединенных Штатов, заключается в том, что для поддержания оккупации требуется значительно больший контингент вооруженных сил. Согласно журналу *Business Week*, «позиции США в Ираке остаются слабыми. Для того чтобы прочно стоять на ногах, потребуются две вещи: больше войск для обеспечения безопасности и в подкрепление этим мерам более гибкая политическая стратегия»⁵. Как писал Брюс Нассбаум, редактор полосы *Business Week*:

«В Вашингтоне отрицают, что военная стратегия в Ираке, доктрина Рамсфельда, потерпела провал. Самое большее, что осталось от надежды установить прочную иракскую демократию, это заменить эту доктрину, базирующуюся на небольших, легких и быстрых военных операциях, конкурирующей доктриной Пауэлла, председателя Объединенного комитета начальников штабов. Доктрина Пауэлла призывает к созданию подавляющего военного преимущества с ясными политическими целями и особой стратегией ухода — двух вещей, которых сейчас не хватает в Ираке. Провал Рамсфельда в Ираке слишком очевиден — слишком мало успехов в наземных военных действиях, слишком мало легитимности для Америки и его штучно подобранному Правящему совету, слишком много меняющихся целей и никакой стратегии выхода. Результатом стал цикл происшедших на прошлой неделе похищений людей, засад, контрударов, смерти и разрушения, которые эхом всколыхнули воспоминания о Вьетнаме... Что же

теперь делать? Возвращение к доктрине Пауэлла позволит добиться нескольких целей. Значительно больший уровень вооруженных сил позволит наконец покончить с боасистским сопротивлением и обеспечит иракцам больше безопасности... Реалистичная политика доктрины Пауэлла также заставит Вашингтон умерить свои аппетиты, ограничить поставленные цели и сделать ясной стратегию выхода»⁶.

Такое возвращение к доктрине Пауэлла означало бы массированную эскалацию вооруженных сил в Ираке. В настоящее время США держат в самом Ираке 135 тысяч войск и более 150 тысяч в общем иракском театре боевых действий, куда входят Кувейт и соседние страны. Другие силы коалиции, около половины которых составляют британские, добавили оккупационным силам еще 25 тысяч солдат. Тем не менее, отмечает *Business Week*, «аналитики, вроде эксперта Rand Corporation по поддержанию мира и бывшего специального представителя Госдепартамента Джеймса Роббинса, говорят, что для того, чтобы обеспечить необходимое воздействие, аналогичное воздействию миротворческих сил в других нестабильных странах, нужно не менее 400 тысяч войск. Те 250 тысяч иракцев, которых США надеются одеть в военную форму, облегчат задачу, но недавний отказ служб безопасности воевать с соотечественниками-иракцами, показывает, что многого от них ждать не приходится — и не придется, по крайней мере, еще год». Это означает требование увеличения контингента американских солдат. Откуда взять эти дополнительные войска? Поначалу, как писал *Business Week*, этого можно добиться рота-

цией частей, которые уже прошли службу в Ираке. Позже понадобится найти какое-то иное решение проблемы нехватки «военного личного состава».

С идеей крупной эскалации согласны другие рупоры истеблишмента. *New York Times* писала: «Сейчас не тот момент, чтобы отступить, и конечно же не тот момент, когда можно обойтись полумерами». Согласно этой публикации, потребуется намного больше войск, чем планируется нынешней администрацией:

«Посылка большего количества войск вызовет новые трудности для уже находящихся в затруднительном положении военных, и это означает признание того, что части, которые сейчас возвращаются домой, придется отправлять назад в Ирак. Но вероятно, другого выхода нет. Многие из нынешних трудностей удалось бы избежать, если бы мистер Рамсфельд не был столь преисполнен желания очертить доктрину, названную по имени его соперника, госсекретаря Колина Пауэлла, которая гласит, что силы, если их действительно решатся использовать, должны быть подавляющими... США следовало бы иметь гораздо больше войск, готовых на деле оккупировать Ирак и восстановить порядок»⁷.

Таким образом, эффективность оккупации требует существенной эскалации уровня вооруженных сил США в Ираке — по меньшей мере на короткий срок. Главная цель США — создать большую иракскую армию, которая будет способна противостоять иракским националистам, ведущим в настоящий момент борьбу с американской оккупацией. Но до сих

пор усилия по созданию новой иракской армии, на которую американцы смогут положиться, подавляя иракское сопротивление, оказались неэффективными. Несмотря на то что США выделили на новую иракскую армию 1,8 миллиарда долларов, до настоящего времени они сумели подготовить только 4 тысячи солдат из намеченных 40 тысяч. Половина батальона новой армии уволилась, сославшись на маленькое жалование. Когда в апреле второй батальон должен был принять участие в боях с иракским сопротивлением в Фаллудже, многие солдаты отказались, сославшись на то, что обязались сражаться с иностранными врагами Ирака, а не с соотечественниками-иракцами⁸.

Одна из самых серьезных проблем для империализма США в том, что США видят в большинстве иракского населения потенциальных врагов американских стратегических интересов в Ираке и у них не имеется проимпериалистического сегмента населения, на поддержку которого можно было бы рассчитывать. Иная ситуация была во Вьетнаме, где столетний французский колониализм оставил после себя значительное городское население, относящееся к среднему и выше среднего классам, которое после ухода французов стало союзниками американцев. Не доверяя боасистским элементам, США в самом начале оккупации распустили иракскую армию. Но в отношении этнических и религиозных проблем США не видят какого-то системного подхода и не могут найти решения проблемы, кем заполнить образовавшийся политический и военный вакуум. Шиитское большинство для США еще менее приемлемо, чем сунниты с их боасистскими корнями, потому что шииты тесно связаны с фундаменталист-

ским исламским государством в Иране. Курды живут преимущественно на севере страны, изолированно от остального иракского общества, и находятся в конфликте с американцами из-за нефти и из-за Турции. Лишенный глубинных связей со всеми секторами населения, империализм США испытывает исключительные трудности в поиске базы для новой иракской армии, которая могла бы поддержать и в конечном итоге заменить американскую армию.

Все это указывает на то, что самое большое препятствие, с которым США столкнулись в связи с военной оккупацией Ирака, заключается в нехватке войск. И здесь нельзя избежать сравнения с Вьетнамом. Как писали в декабрьском 1969 года номере *Monthly Review* его редакторы Гарри Магдофф и Пол Суизи:

«Крайне важно понять, что самая большая слабость империализма США именно в нехватке живой силы. Вьетнамская война показывает, что когда-то широко распространенная идея, что со временем, ведя контрреволюционные войны, удастся заменить солдат техникой, иллюзия чистой воды. В настоящее время в армии США под ружьем около 3,5 миллиона человек (самые большие вооруженные силы в мире), и, по крайней мере, одна пятая этого числа прямо или косвенно обслуживает войну в маленькой стране за много тысяч миль от дома. Большая часть остальной армии разбросана по более чем 250 военным базам, расположенным в тридцати странах по всему миру. Если учесть тот факт, что США взяли на себя роль мирового полицейского... то нынешнее крайнее распыление военных ресурсов, которое создалось

благодаря вьетнамской войне, и охватывающая весь мир система баз оставляют угрожающе малый стратегический резерв для развертывания в новых критических районах»⁹.

В прежних капиталистических империях, особенно в Британской и Французской, было возможно завоевывать и удерживать контроль за отдаленными глобальными владениями, не прибегая к рекрутированию армии на основе призыва в стране-метрополии. Главной причиной такого положения были слабость движений сопротивления в колониях, отсутствие у них доступа к современному оружию (как писал Хилар Беллок, «что бы ни случилось, у нас есть пулемет «максим», а у них нет») и набор солдат среди безработных и малооплачиваемых рабочих в развитых капиталистических странах (плюс туземные армии, набранные на территориях колоний). Однако ко времени вьетнамской войны у США не имелось выбора, кроме как для достижения своих имперских целей проводить призыв в армию. Движения сопротивления в третьем мире больше не страдали политической непоследовательностью, увеличились их возможности получить доступ к современному оружию для ведения партизанской войны, и в США больше не существует резерва незанятой рабочей силы, чтобы набирать контрактную армию нужной величины. И все-таки США избегали вводить всеобщую воинскую повинность для сохранения и поддержания своей империи. После вьетнамской войны, которая продемонстрировала, насколько опасно ориентироваться на призывников для ведения непопулярной империалистической войны, США стали полагаться на небольшую армию контрактников (что

облегчалось большой резервной армией труда в период стагнации), еще раз поверив в то, что технологии могут сократить потребность в сухопутных войсках.

Не прошло и года, как Ирак показал полную иллюзорность этой затеи. От всего этого плана создать армию контрактников для охраны империи США не осталось и воспоминания. Правящий класс США требует больше полевых войск для Ирака, но наличных контингентов для этого нет, если учесть к тому же, что, стремясь монополизировать добычу, США предпочли вторгнуться в Ирак фактически в одиночку, обеспечив себе более или менее существенную поддержку только от своего сравнительно небольшого партнера Великобритании. Вероятность создания такой чрезвычайной ситуации была заложена в докладе Бюджетного управления Конгресса от 5 ноября 2003 года, представленном в качестве справки для Комитета по вооруженным силам палаты представителей Конгресса США. Там говорилось: «Армия действительной службы не сможет содержать оккупационный контингент нынешнего состава, если не примет решения назначать ротацию индивидуальных частей, дислоцированных в Ираке, не менее чем через год их пребывания в стране». Для поддержания «устойчивого государства» или «бессрочной» оккупации в настоящих условиях, подчеркивалось в докладе Бюджетного управления Конгресса, численность оккупационного контингента должна была бы снизиться и составлять от 38 до 64 тысяч человек. Единственной альтернативой для США было изменить модель ротации воинского контингента (пересмотреть величину своей контрактной армии и исходить из расчетного базисного срока для заключения

и продления контракта); привлекать большое количество личного состава морской пехоты, национальной гвардии и спецподразделений; использовать денежное вознаграждение солдатам за дополнительный срок службы в оккупационных войсках; сократить военный контингент, дислоцированный на Синайском полуострове, а также в Боснии и Косове; изыскать формы приватизации многих военных функций, тем самым освободив большее число солдат для несения боевой службы. (Увеличение наемного состава в форме частных военных подрядчиков в Ираке, составляющего в настоящее время около 20 тысяч вольнонаемных солдат, которые выполняют многие функции, ранее выполнявшиеся военно-служащими, представляет собой результат этой приватизационной стратегии.) Даже если существующий контингент использовать в несении боевой службы до пределов его возможностей, при более интенсивном привлечении морской пехоты, спецподразделений и национальной гвардии для выполнения боевых задач в Ираке, то, по подсчетам Бюджетного управления Конгресса, наличных армейских контингентов для обеспечения иракского театра боевых действий на постоянной основе, не нарушая обещания уменьшить срок службы в Ираке до 12 месяцев и не сокращая размещения воинских контингентов в других местах, хватит только для покрытия двух третей требуемого в настоящий момент личного состава. То, что администрация в начале мая объявила о намерении задержать десятки тысяч солдат в Ираке на срок свыше года, осуществив ротацию некоторых из частей, отражает глубину кризиса с обеспечением оккупационных сил личным составом.

Под влиянием острой нехватки солдат Конгресс еще раз подает сигналы, что придется вернуться к призыву на воинскую службу, какой бы крайне непопулярной ни была эта мера. Ее преподносят как проявление справедливого распределения военного бремени равномерно между классами американского общества. Сейчас его несет на себе рабочий класс — или на языке истеблишмента средний и низший классы, представляющие рядовых рабочих и бедняков. «Кто же воюет?» — задал вопрос сенатор-республиканец от штата Небраска Чак Хагель, участвуя в конце апреля в шоу «Сегодня» на канале *NBC*. По его мнению, война с терроризмом — это, возможно, «война поколения, война двадцатипятилетних» и поэтому должна лежать на плечах всех классов общества. В той же программе Джо Байден, сенатор-демократ от штата Делавэр, заявил, что армия США слишком маленькая и, возможно, довести ее до требуемых размеров удастся, только введя призыв на воинскую службу. Чарльз Ренджел, член палаты представителей от Нью-Йорка, также энергично поддерживал идею вернуться к призыву. Ральф Надер предупреждал:

«В настоящее время падает набор в Учебный корпус офицеров запаса и национальную гвардию. Пентагон, не афишируя это, набирает новых членов для заполнения вакансий в местных призывных пунктах, незаметно воссоздается механизм призыва на воинскую службу нового поколения молодых американцев. Молодым американцам следует знать, что каток накатывается и он может переехать их жизни, как вьетнамская война порушила жизни тех, кто достиг совершеннолетия в 1960-е годы»¹⁰.

Теперь, когда иракская война обернулась против Соединенных Штатов, даже сторонники войны требуют, чтобы у США была стратегия выхода. Эта стратегия, если считать, что она есть, вращается вокруг плана так называемой «передачи власти» иракской администрации при посредничестве Организации Объединенных Наций к 30 июня. Тем не менее администрация Буша подчеркивает, что при любой такой передаче власти иракский суверенитет будет носить «ограниченный» характер. Нынешние планы США, поддержку которым они ищут у Совета Безопасности ООН, лишают новое временное переходное правительство прерогативы издавать новые или пересматривать существующие законы. Отсюда следует, что новое иракское правительство не сможет вносить поправки в законы, принятые после начала американской оккупации. Переходное правительство также будет лишено права руководить иракскими вооруженными силами. Командовать и американскими и иракскими войсками будут американские военачальники. Почти с полной уверенностью можно предположить, что новое иракское правительство не получит в руки контроля над поступлением денег в государственную казну и за доходами от нефти. Выступая 27 апреля перед сенатским Комитетом по международным отношениям, Джон Д. Негропonte, выдвинутый администрацией на пост посла США в Ираке, заверил Конгресс, что иракское переходное правительство не будет обладать правом подписывать долгосрочные нефтяные контракты.

Все это вызывает тревогу, так как в то время, когда предполагается, что идет работа над формированием переходного правительства, США пытаются набирать бывших боасистских офицеров, чтобы

создать ядро иракской армии, которую можно будет использовать для подавления национального сопротивления и, возможно, заложить фундамент власти внутри страны, на которую могли бы рассчитывать Соединенные Штаты. Это, скорее всего, сведет на нет любую попытку положить начало политическому процессу и создать правительство, приемлемое для шиитского большинства, что наводит на мысль, находится ли что-нибудь, хотя бы напоминающее демократический процесс, в центре американской стратегии. После скандалов вокруг пыток и издевательств над иракскими заключенными в тюрьме Абу-Грейб ставится под вопрос также и приверженность США демократии и пропадает даже крохотный намек на легитимность американской оккупации, который имелся у США в Ираке. Для американского империализма не может быть и речи о суверенном иракском правительстве, способном провести собственное расследование таких зверств.

Из всего этого следует, что Вашингтон надеется затянуть какую-либо передачу иракцам политического контроля, для чего отказывает переходному правительству в любой суверенной прерогативе. Политические, экономические и военные цели США переплетаются между собой. Решая в первую голову экономические и военные проблемы, американский империализм тем самым отходит от решения политического кризиса в Ираке. Нам говорят, что главной задачей переходного правительства в Ираке будет создание базы для выборов, после которых на следующий год возможно создание предположительно подлинного иракского правительства. До той поры и, несомненно, еще какое-то время реальная власть, управляющая Ираком, будет в руках американских

военных. По существующим планам вывод американских войск состоится в лучшем случае через годы.

Что бы ни твердила пропаганда, американское вторжение в Ирак не преследовало цели предотвратить использование Ираком оружия массового уничтожения (которого, как оказалось, там нет) и не ставило задачей установить в стране демократию. Подлинными целями было установление американского контроля над экспортом иракской нефти — в Ираке сосредоточены вторые по величине запасы нефти в мире — и создать мощное военное присутствие в Ираке, возможно, в форме постоянных военных баз, что усилило бы американское влияние во всем Ближневосточном регионе. Присутствие американского империализма в Ираке должно было также способствовать распространению американского влияния за пределами Ближнего Востока на Центральную Азию с ее гигантскими запасами нефти и газа. Это был подлинный выигрыш, который рассчитывали получить в результате войны, и это явно составляло главный интерес, которым с самого начала руководствовались Соединенные Штаты, начиная интервенцию. Любой итог этого предприятия, который не привел бы к закреплению американского контроля над иракской нефтью — с помощью комбинации экономических, политических и военных средств, — был бы неудачей для американского империализма, потому что такой контроль и геополитическое влияние, которое следует за ним, представляли собой главную цель интервенции. Генерал Джей Гарнер, бывший глава оккупационных властей, заявил 13 марта 2004 года в интервью телеканалу *BBC*, что приватизация нефти и поддержка неолиберальной экономической модели в Ираке занимали в пла-

нах его администрации приоритетное место по сравнению со всеми другими вопросами, включая не только политические изменения, но и восстановление энерго- и водоснабжения.

По словам генерала Гарнера, при его вступлении в должность моделью управления Ираком служило американское имперское правление на Филиппинах, которые в американской геополитической стратегии начала XX столетия «были, в сущности, угольной станцией» военно-морского флота (приобретенной в результате испано-американской и последовавшей за ней филиппино-американской войн), что позволяло американским вооруженным силам широко распространять свое влияние в Тихоокеанском и Азиатском регионах. Он сказал:

«Я думаю... это нехорошая аналогия, но, думаю, нам нужно рассматривать Ирак как нашу угольную станцию на Ближнем Востоке, где существует некоторое наше присутствие, и это оказывает там стабилизирующий эффект и также предоставляет нам в том регионе стратегические преимущества, и я думаю, нам нужно просто принять это, и принять на какое-то время, пока иракский народ позволяет нам быть гостями в его стране»¹¹.

Такие военные трофеи, которые считают средством восстановления глобальной гегемонии Соединенных Штатов, никто по своей воле не отдаст. Имеются все основания считать, что США предпримут попытку удержать Ирак за собой и сохранить его в составе своей империи с помощью сочетания военных, экономических и политических средств.

Есть еще одна причина, заставляющая США продолжать войну в Ираке. Все, что может походить на поражение, вернет «вьетнамский синдром». Когда начинали иракскую войну, то думали, что она возвестит о прекращении «синдрома» и полном восстановлении имперской мощи Соединенных Штатов. Теперь же внезапно нахлынули воспоминания о самых катастрофических с точки зрения американского империализма сторонах вьетнамской войны (непрекращающиеся партизанские засады, непреклонное народное сопротивление, покрытые флагом гробы и американские зверства). Утрата доверия к имперской мощи США правильно расценивается верхушкой общества в США как величайшая опасность, которую создала эта война. Здесь же мы видим и решающую причину того, что американской военной машине трудно уйти, не найдя какую-то формулу, которая могла бы «спасти ей лицо». Все это, вместе взятое, создает побуждение продолжать и даже усиливать военные действия.

И все-таки есть силы, которые действуют в противоположном направлении. Самая важная из них — это растущее иракское сопротивление. Другая — это негативная реакция, которой, вероятнее всего, встретят любую эскалацию войны союзники США. Наконец, можно говорить об уменьшении поддержки войны в самих Соединенных Штатах, которая в конце концов может, в случае дальнейшей эскалации войны, перерасти в мощное антивоенное движение. И тогда аналогия с Вьетнамом будет неизбежна.

ГЛАВА 11

ИМПЕРИЯ США: РАХ АМЕРИКАНА ИЛИ РОХ АМЕРИКАНА?

Сентябрь 2004 года

Десятого июня 1963 года президент Джон Ф. Кеннеди выступил с речью в Американском университете в Вашингтоне, в которой провозгласил, что мир, к которому стремятся Соединенные Штаты, это не «Pax Americana, навязанный миру силой американского оружия». Эти слова были произнесены в ответ на незадолго перед этим опубликованный Советами документ о военной стратегии, содержащий критику в адрес Соединенных Штатов. Кеннеди отмел обвинение, что «американские империалистические круги готовились к развязыванию разного рода войн, включая «превентивные». В советском документе, заявил он, говорится, что «политическими целями американских империалистов было и остается экономически и политически поработить европейские и другие капиталистические страны, а после того, как они будут превращены в послушные инструменты, объединить их в разные военно-политические блоки и группы, направлен-

ные против социалистических стран. Главная цель всего этого — добиться мирового господства». По словам Кеннеди, все это «ни на чем не основанные и невероятные утверждения», работа марксистских «пропагандистов». «Соединенные Штаты, как хорошо известно миру, никогда не начнут войны»¹.

Несмотря на опровержения, прозвучавшие на столь высоком уровне, представлению о навязанном силой американского оружия «*Rex Americana*» суждено было стать привычным термином для тех, кто пытается оправдать то, что рисуют великодушной и щедрой империей Соединенных Штатов. Так, в своей широко известной книге *Rex Americana*, первое издание которой вышло в 1967 году, Рональд Стил писал о «великодушном империализме *Rex Americana*», отличительной чертой которого является строительство «империи во имя благородных целей, а не во имя низменных мотивов стяжательства и влияния». Глава книги Стила о помощи иностранным государствам как «элементе империализма» называлась «Бремя белого человека», вторя знаменитому стихотворению Редьярда Киплинга, призывавшего США принять на себя империалистическую роль на Филиппинах после испано-американской войны 1898 года². Такие откровенно империалистические взгляды, по преимуществу приглушенные после войны США во Вьетнаме, снова стали теперь популярными после окончания «холодной войны», когда вспыхнули войны в Ираке и Афганистане и началась возглавляемая Соединенными Штатами война с терроризмом. Вновь мы слышим призывы истеблишмента взять на себя «бремя белого человека».

Кеннеди объяснял глобальную военную экспансию США стремлением сдержать коммунизм. Сего-

дня «холодная война» позади. Не существует больше Советского Союза. Тем не менее в начале XXI века в глазах населения мира Соединенные Штаты, как никогда, представляются империалистической державой, силой оружия навязывающей другим свою волю. С момента развала Советского Союза мы были свидетелями самых крупных интервенций США в Европе за время после Второй мировой войны. Военная машина США вела полномасштабные войны с применением обычного оружия на Ближнем Востоке. У США теперь военные базы в таких местах, как Центральная Азия, которые прежде были вне пределов досягаемости для американской империи. Вторжение в Ирак 2003 года Вашингтон объяснил необходимостью вести превентивную войну в связи с потенциальной угрозой применения против США оружия массового уничтожения. Тот факт, что до начала войны не имелось сколько-нибудь надежных доказательств наличия у Ирака такого оружия, казалось, не имел никакого значения, так как полагали достаточным сделать от имени администрации заявление, что оно существует. Казалось, что не имело значения и то, что после войны выяснилось, что никакого оружия массового уничтожения там не было, — как только интервенция состоялась, все стали диктовать новые факторы, сложившиеся на театре боевых действий в Ираке. Так империализм обеспечил собственное оправдание.

Эти самые последние военные действия вовсе не являются чем-то новым в истории Соединенных Штатов, наоборот, они являются логическим продолжением и ускорением развития сложившейся старой модели — достаточно вернуться во вторую половину 1940-х годов и посмотреть, как развива-

лись события после Второй мировой войны. Крупное вмешательство США в дела иностранных государств, открытое и скрытое, осуществлялось в Китае (1945), Греции (1947—1949), Корее (1950—1953), Иране (1953), Гватемале (1954), Индокитае (1954—1973), Ливане (1958), Конго (1960—1964), на Кубе (1961), в Индонезии (1965), Доминиканской Республике (1965—1966), Чили (1973), Анголе (1976—1992), Ливане (1982—1984), на Гренаде (1983—1984), в Афганистане (1979—1989), Эль-Сальвадоре (1989—1990), Никарагуа (1981—1990), Панаме (1989—1990), Ираке (1991), Сомали (1992—1994), на Гаити (1994), в Югославии (1999), Афганистане (2001 — по настоящее время). Невероятные масштабы военного присутствия США становятся очевидными, если вспомнить, что американские военные базы буквально опоясали весь земной шар. Как писал Чалмерс Джонсон:

«В отличие от других людей на нашей земле, большинство американцев не осознают, что США господствуют над миром с помощью своей военной мощи. Благодаря соблюдаемой правительством секретности они часто не понимают, что их правительство фактически заняло войсками всю землю. Они не понимают, что широко раскинувшаяся сеть американских военных баз на всех континентах, кроме Антарктики, в сущности, образует новую форму империи»³.

Главными целями американского империализма всегда было обеспечить новые инвестиции для американских корпораций и открыть возможности для предпочтительного доступа к важнейшим естествен-

ным ресурсам. Настолько, насколько такая экспансия поддерживает гегемонию Соединенных Штатов, она увеличивает и международную конкурентоспособность американских фирм и получаемую ими прибыль. Одновременно империализм США поддерживает интересы и других государств центра и капитализма в целом, если они совпадают с интересами самих Соединенных Штатов. Однако такие цели нередко вызывают столкновение с другими империалистическими государствами, потому что империя, по определению, это сфера эксплуатации, в которой господствующую роль играет единственная имперская держава. Больше того, логика империи противоречит всем попыткам изменить статус-кво на периферии системы, если и не в самом центре.

По этой причине для американского капитализма милитаризм и империализм неотделимы, как неотделимы они и для всего капитализма в целом. Несмотря на то что они расходуют на армию почти столько же, сколько остальные страны, взятые вместе, США постоянно испытывают потребность в вооружении, новых системах оружия, большем количестве солдат. Поскольку они во все большей степени полагаются на армию для поддержания, а если нужно, то и восстановления экономической и политической гегемонии во всемирном масштабе, проблема имперского перенапряжения становится хронической и непреодолимой.

К концу вьетнамской войны с империи США была сорвана маска. В 1970 году Стил выпустил пересмотренное издание *Pax Americana* с новой главой под названием «Больше никаких Вьетнамов?». Главная идея этой новой заключительной главы, написанной в период, когда замаячило поражение

американцев во Вьетнаме, было прямо противоположным предшествующим главам. «После Вьетнама, Доминиканской Республики и греческой хунты,— писал Стил,— американскому президенту не так-то просто с открытым лицом разговаривать о национальной внешней политике, основанной на «освобождении человека» или «спасении свободы»⁴. *Pox Americana* предстал перед всеми как чистой воды империализм.

Тем не менее с потерей лица американская империя не исчезла. То, что было ее движущей силой, никуда не делось. Вашингтон держался за свою империю, поджидая новых возможностей для экспансии. Империя вновь напомнила о себе в конце 1970-х и в 1980-х годах при Картере и Рейгане. Быстрое ослабление и падение Советского Союза в начале 1990-х впервые открыло дорогу к полномасштабной интервенции США на Ближнем Востоке, которая началась в 1991 году с войны в Заливе между Соединенными Штатами и Ираком. Теперь это было не просто вмешательство с целью подавления революционных движений, Соединенные Штаты, став единственной сверхдержавой, уведомили весь мир, что любое отступление в любом направлении от глобального status quo будет встречено превосходящими силами.

Отмечая это, Гарри Магдофф и Пол Суизи написали статью в номере за июль — август 1991 года под названием *Pox Americana*:

«Соединенные Штаты, кажется, полны решимости следовать нынешним курсом, и это имеет самые серьезные последствия для всего мира. Изменения — единственный определенный закон Вселенной. Их невозможно остановить. Если обществам

не дают решить свои проблемы собственными способами, они определенно не решат их под чужой диктат. А если они не двигаются вперед, то с неизбежностью будут откатываться назад. Именно это и происходит сегодня в большой части мира, и Соединенные Штаты, самая могущественная держава, располагающая неограниченными средствами принуждения, кажется, говорят другим, что такова судьба и ей следует покориться под страхом уничтожения»⁵.

Число смертей с обеих сторон, иракской и американской, в результате еще одной войны и оккупации растет, отвратительные зверства и пытки в тюрьме Абу Грейб и других местах на весь мир ославили американскую армию и вызвали протесты по всей земле, варварство интервенции Соединенных Штатов в Ираке с каждым днем становится все более очевидным, все труднее становится поддерживать в глазах мира иллюзию «великодушного империализма Pax Americana». Американская империя воистину стала Rox Americana, поэтому настоятельно необходимо разоблачать ее подноготную. Если США расположены, как десять лет назад говорили Магдофф и Суизи, изображать «Самсона в храме человечества», то сейчас, по крайней мере, в мире все больше понимают это⁶.

Непременной является задача углубить критическое понимание проблемы и показать пути, которые помогут участвовать в мощной антиимпериалистической войне, еще ожидающей человечество.

Глава 12

ИМПЕРИЯ ВАРВАРСТВА*

* Глава написана в соавторстве с Бреттом Кларком.

Декабрь 2004 года

«Наступает новый век варварства», — такими словами открывается редакционная статья *Business Week* от 20 сентября 2004 года, написанная явно для того, чтобы раздуть пламя антитеррористической истерии. Приводя примеры убийства школьников в России, женщин и детей, убитых в автобусах в Израиле, обезглавливание рабочих-американцев, турок и непальцев в Ираке, убийство сотен пассажиров в пригородном поезде в Испании и сотен еще на Бали, *Business Week* заявляет: «Америка, Европа, Израиль, Египет, Пакистан и правительства других стран подвергаются нападениям исламских экстремистов. У этих террористов только одно требование — уничтожение современного светского общества»¹. Европейская цивилизация рисуется противостоящей варварству, которое желает уничтожить то, что считается вершиной социальной эволюции.

Эта точка зрения истеблишмента начисто игнорирует хищническую роль, которую играет аме-

риканский и европейский империализм. Правда состоит в том, что мы живем в «новый век варварства». Но корни его нужно искать не в религиозном фундаментализме, а в том, что Маркс расценивал как варварство, сопровождающее буржуазную цивилизацию, и что Роза Люксембург однажды назвала «руинами империалистического варварства». Если мы хотим измерить всю глубину характерного для нашего времени варварства, нужно взглядеться в глобальный капитализм, посмотреть, что делают США и Великобритания в Ираке, главной зоне империалистического конфликта в настоящий момент.

ПОНЯТИЕ ВАРВАРСТВА

Понятие «варварство» имеет долгую и сложную историю в социальной мысли вообще и в социалистической теории в особенности. Греческое слово *barbaros* первоначально означало любого, не говорящего по-гречески. Греки, как и все древние цивилизации, видели себя живущими в центре вселенной, а всех остальных считали живущими на географической и культурной периферии (или полупериферии) После победы над персами всех варваров греки считали ниже себя. Различие между высшими цивилизованными нациями в центре мира и остальными народами легли в основу греческой и латинской мысли. Платон разработал доктрину естественного рабства, в которой право греков убить или поработить варваров считалось само собой разумеющимся².

Самую разработанную версию отличия варварства от цивилизации, созданную греками и римлянами, мы находим в трудах греческого географа Страбона (около 64 г. до н. э. — 24 г. н. э.). Страбон

получил образование в Риме и выражал романизированные представления о мире. В его семнадцатитомной «Географии» варварство представлялось инертным миром в противоположность грекам и римлянам, воспринявшим «способы жизни (производства), которые являются цивилизованными». В его теории варварства и цивилизации географические различия ассоциировались с разными способами производства³. Цивилизованные народы жили на самых плодородных землях, где возможно было оседлое земледелие. Цивилизованным, питающимся хлебом народам, бывшим по преимуществу горожанами (и фермерами, жившими в непосредственной близости к городам), противостояли варвары, воинственные кочевые народы, питающиеся мясом и молоком и постоянно находящиеся в состоянии боевой готовности. Считалось, что варвары предпочитают силу и живут в условиях, которые толкают их к грабежам и воровству, поскольку их среда обитания — это пустыни и земли, не поддающиеся обработке.

Таким образом, понятие «варварство» имело два значения, относящиеся к двум понятиям цивилизации. Поскольку цивилизация подразумевала проживание в городах, варварство означало жизнь без городов, особенно на периферии. Поскольку цивилизация означала верховенство закона и культуры, варварство означало отсутствие и того и другого и господство жестокости. Варвары были известны тем, что не придерживались традиционных форм ведения боевых действий. Воюя с организованной римской армией, писал Страбон, «варвары ведут партизанские действия в болотах, непроходимых лесах и пустынях»⁴.

Тем не менее главным отличием цивилизации от варварства был, как считал Страбон, иной способ производства. На это в первую очередь влияли географические условия, так как подавляющее большинство варварских народов жило в менее плодородных, более гористых областях дальше к северу и ближе к океану. Страбон признавал некоторое культурное развитие среди варварского населения, потому что оно усваивало ряд более цивилизованных способов производства. Вообще он даже описывал, как некоторые варвары «больше не были варварами», а были «передельывавшимися в римлян», если их научали римским «способам жизни (производства)»⁵. Особенно когда варвары начинали производить мясо и другие сырые продукты для Римской империи, их причисляли к числу более цивилизованных.

Если в греческой и римской литературе проблема «цивилизация против варварства» вращалась вокруг понятия «центр–периферия», то первые социалисты, которые видели в феодализме, пришедшем на смену Римской империи в Западной Европе, тысячелетие всеобщего варварства, считали, что варварство — это стадия развития, типичная не только для периферии. Для французского утопического социалиста Шарля Фурье варварство было этапом, предшествовавшим цивилизации. Варварство характеризовалось господством силы и абсолютным порабощением женщины. Своего пика оно достигло с развитием крупномасштабного рабовладения. Следовавшая за варварством цивилизация, для которой типична моногамная семья и гражданские свободы для жены и переход к крупной промышленности, породивший классовую борьбу, во мно-

гом была не менее жестокой, чем варварство, но отличалась большей изощренностью форм. Практически Фурье утверждал, что цивилизация породила эксплуатацию мирового населения и усиление вооруженных конфликтов:

«Войны и революции опустошают одну за другой все части Земли. Политические бури не успевают затихнуть, как тут же вспыхивают вновь, множась, подобно головам гидры под могучими ударами Геракла. Мир — простое заблуждение, мимолетный сон, потому что остров коммерческих монополистов и грабителей нарушил отношения между странами, лишил перспективы сельское хозяйство и мануфактуры двух континентов, загнав их мастерские в работные дома для пауперов. Промышленность, говорю я, стала бедствием для миллионов трудящихся... Торгашеский дух открыл новые сферы для обмана и грабежа, разнося войны и разорение по двум полушариям и заражая загниванием цивилизованной алчности даже Дикие области. Наши корабли совершают кругосветные путешествия только для того, чтобы познакомить варваров и дикарей с нашими пороками, нашими излишествами и нашими преступлениями. Таким образом, цивилизация становится все более одиозной по мере приближения к своему концу. Земля представляет собой один только ужасающий политический хаос и жаждет руки другого Геракла, очистившего бы ее от социальной мерзости, которая позорит ее»⁶.

Следствием этой глобализации и в известном смысле все еще варварского способа производства

была бедность и голод огромного большинства населения мира и обогащение маленького сегмента людей, принадлежащих к цивилизованным нациям.

МАРКС

И ВАРВАРСТВО БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Мысли Маркса о варварстве разбросаны по его работам, затрагивают многие стороны проблемы и отражают многочисленные противоречия, свойственные цивилизации или капитализму и таящие в себе, согласно его теории, возможности движения как в сторону деградации, так и в сторону прогресса (к коммунизму). Он упоминал о варварстве и в связи со стадией развития человечества, и в связи с вопросами «центр–периферия». Маркс пользовался термином «варварство» применительно к роли силы и жестокости в истории, и в особенности в истории капитализма (говоря о «варварстве внутри цивилизации») — имея в виду и классовую борьбу, и империализм. В работах, написанных в самом конце жизни, он использовал идею варварства как стадии в человеческом развитии, изложенную в работе Льюиса Генри Моргана. В своей книге «Древнее общество» (*Ancient Society*) Морган связывал низшее общество — варварство — с производством керамики, среднее варварское общество — с одомашниванием животных в Восточном полушарии, ирригацией и использованием в архитектуре необожженного кирпича и камня в Западном, а высшее варварство — с производством железа и изобретением фонетического алфавита. Многие из антропологической схемы Моргана, включая подход к варварству как стадии между рабовладением и цивилизацией, было

использовано Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (*The Origin of the Family, Private Property and the State*). Но в данный момент нас больше интересует использование Марксом и Энгельсом термина «варварство» применительно к цивилизации вообще, а не более специфический его антропологический аспект, который разрабатывал Морган.

Маркс обращал внимание на то, что эксплуатация при капитализме часто происходит в самых варварских условиях и что это отражает хищническую природу буржуазной цивилизации. Говоря о деградации и загрязнении как особенностях жизни современного общества, Маркс писал в «Экономических и философских рукописях» 1844 года: «Происходит возврат к самым грубым способам (и орудиям) человеческого труда: так, например, ступальное колесо римских рабов стало орудием и средством существования для многих английских рабочих»⁷. В своей речи о заработной плате в 1847 году Маркс метафорически назвал болезнью использование «ступального колеса» в современном капиталистическом производстве (и тюремной системе) и замечал, что ступальное колесо снова становилось принадлежностью цивилизации и что варварство возвращалось, уже возвращенное внутри самой цивилизации⁸.

Для того чтобы понять значение этих слов Маркса, важно представить себе роль, которую ступальное колесо играло как средство запугивания и издевательства над рабочими, которых приговаривали к ней за самые разные проступки. Так, в 1818 году Уильям Куббит вновь ввел ступальное колесо в английских тюрьмах, и его использовали, как писал в 1971 году журнал *Scientific American*, для «помола

зерна или приведения в движение других машин. Каждый заключенный должен был за шесть часов взобраться по ступальному колесу по вертикали на высоту 8640 футов (2630 метров). Это было все равно что 16 раз подняться по лестнице памятника Вашингтону, затрачивая 20 минут на каждый подъем»⁹.

Для Маркса возвращение ступального колеса символизировало аморальные безжалостные формы эксплуатации, которыми часто пользуется буржуазная цивилизация. Ступальное колесо было «проказой цивилизации», потому что подобно этой болезни разъедало тело и потому что проказа, которая поражала Европу в век средневекового варварства, служила метафорой возобновления средневекового варварства в самом лоне буржуазной цивилизации. Точно так же в своих «Экономических рукописях» 1861—1863 годов Маркс цитировал отрывок из работы русского экономиста Хайнриха Фредерика фон Сторка, который писал про ухудшение условий труда и о подрыве здоровья наемных рабочих как следствии возвращения к варварству, которое зачастую сопровождает рост буржуазной цивилизации.

Маркс также рассматривал варварство в смысле нахождения вне культуры цивилизации, оторванности от жизни городов и социальных и политических отношений. В этом свете он смотрел на французское крестьянство, которое сыграло реакционную роль, оказав поддержку бонапартизму, как на класс, представлявший собой «варварство внутри цивилизации». Периодический срыв экономического прогресса при капитализме с неизбежным вследствие этого ростом бедности и жизненных тягот сам по себе был своего рода регрессией, поэтому Маркс и Энгельс в

Первой части «Коммунистического манифеста» называли экономический кризис состоянием «внезапно наступившего варварства»¹⁰.

Однако более глобально Маркс и Энгельс прибегали к понятию варварства, характеризуя отношения «центр–периферия» капиталистической мировой экономики. В своем похвальном слове буржуазии, составляющем большую долю первой части «Коммунистического манифеста»; они напомнили, как буржуазия «сделала варварские и полуварварские страны зависимыми от цивилизованных, нации крестьян от наций буржуа, Восток от Запада». Точно так же они говорили о том, что «низкие цены на товары буржуазии это тяжелая артиллерия, пробивающая китайские стены и заставляющая капитулировать упрямую ненависть варваров». Маркс считал Россию, расположившуюся на полупериферии Европы, бастионом варварства, угрожающим революционным движениям на Западе.

Но, критикуя колониализм, Марксу вскоре пришлось перенести понятие варварства на то, что «представляет собой современный капитализм... когда он придает миру собственное обличье, не прилагая при этом особых усилий». «Глубочайшее лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство,— писал Маркс в статье «Будущие результаты британского правления в Индии»,— предстают перед нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает не респектабельную форму, а в колониях, где она выступает без всяких покровов». В более поздних работах Маркс, познакомившись с тем, что Майк Дэвис недавно назвал «викторианским холокостом», подвергает британский им-

периализм в Индии еще более суровой критике: при империалистической экспроприации из Индии прибавочного продукта там царил всеобщий голод, индийцам рабочим выдавали «голодную зарплату» (зарплата Темпла, которую в 1877 году выдавали рабочим, выполнявшим тяжелую работу в Мадрасе, Индия, обеспечивала калорийность питания ниже того, что нацисты в 1944 году давали работавшим на тяжелых работах заключенным в Бухенвальде)¹¹. Маркс отмечал, что британская экспансия разоряла промышленность Индии, сеяла нищету и деградацию, превращая страну в производителя сельско-хозяйственного сырья для Британии. Фактически британский империализм был той разрушительной силой, которая уничтожала производительные силы Индии и не давала ей развиваться, даже когда создавала зачатки современной промышленности. Рассматривая «Генезис промышленного капитала» в «Капитале», том первый, Маркс одобрительно цитировал «Колонизацию и христианство» Уильяма Хауитта: «Варварство и бесстыдные жестокости так называемых христианских рас, совершающиеся во всех частях света по отношению ко всем народам, которые им удавалось поработить, превосходят все ужасы, совершавшиеся в любую историческую эпоху любой расой, какой бы она ни была дикой и невежественной, безжалостной и бесстыдной»¹².

Отличительная черта Марксова подхода к истории состояла в том, что он видел ее по своей природе прогрессивной. С наибольшей силой и широтой его прогрессивность выражена в «Коммунистическом манифесте». Тем не менее в самом начале «Манифеста» Маркс и Энгельс, говоря о классовой борьбе, которая управляла историей всей существовавшей до этого цивилизации, отмечали, что «угнетающий и угнетаемый

находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционной перестройкой всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов всего общества либо общей гибелью противоборствующих классов». За падением Римской империи, которая стала жертвой «общей гибели противоборствующих классов» (и варварства внутри и во вне), на Западе последовал длительный период средневекового варварства. Ни Маркс, ни Энгельс никогда не допускали недооценки роли силы в истории или ее регрессивного влияния. Поэтому история может двигаться вперед к социализму или назад к варварству — или, что еще хуже, способствовать более системной, откровенной в своих империалистических отношениях капиталистической форме варварства.

Марксов анализ нанесенного капитализмом разрушения экологии — метаболического рифта — сам по себе указывал на возможность исторической регрессии, поскольку разрывы в природных системах вызывали кризис окружающей среды. Истокая почву и загрязняя города разного рода выбросами, капитализм подрывал материальные условия существования человеческой расы. Все цивилизации, отмечал Маркс, оставляли после себя пустыни. В том же отрывке из «Экономических и философских рукописей 1844 года», где он упоминал введение ступального колеса, Маркс также говорил о загрязнении окружающей среды в промышленных городах Британии и экологическом опустошении, которые причиняет капитализм:

«Утонченность потребностей и средств для их удовлетворения, имеющая место на одной сторо-

не, порождает на другой стороне скотское одичание, полнейшее, грубое, абстрактное упрощение потребностей или, лучше сказать, только производит самое себя в своем противоположном значении. Человек поселяется снова в пещере, которая ныне, однако, отравлена удушливым чумным дыханием цивилизации... Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже *животным* чистоплотность перестает быть потребностью человека. Грязь — это признак человека опустившегося, загнивающего, нечистоты (в буквальном смысле этого слова). цивилизации становятся для него *жизненным элементом*».

Энгельс писал в «Роли труда в процессе превращения обезьяны в человека» о том, как человек разрушает природное окружение и подрывает саму цивилизацию, которая его же и породила. Люди, отмечал он в своих экологических заметках, подняли температуру Земли в регионах, где интенсивно сводились леса. Все это никак не согласуется с разумным взглядом на мир, который, скорее, должен задумываться над тем, чтобы порожденное цивилизацией варварство не стало еще одной линией эволюции¹³.

ЛЮКСЕМБУРГ

И «РУИНЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ВАРВАРСТВА»

Этот аспект Марксовой диалектики в контексте глобальной империалистической экспансии, кризиса германской социал-демократии, Первой мировой войны и подъема протофашизма развивала Роза Люксембург. В декабре 1918 года, за месяц до того, как она была убита после поражения спартаковского

восстания, Люксембург написала статью под названием «Чего хотят спартаковцы?». Она заявила, что выбор очень прост: «Социализм или варварство». Если будет продолжаться последнее — продолжение капиталистических отношений, то будущее чревато новыми войнами и болезнями. Господствующие классы на протяжении всей истории «проливали потоки крови, шагали по трупам, убивали, жгли, провоцировали гражданские войны и предательство, чтобы защитить свои привилегии и свою власть». Продолжающееся развитие империалистического варварства обещало быть еще более жестоким и предательским, превратить большую часть мира в «дымящуюся кучу мусора».

«Социализм,— утверждала Люксембург,— стал необходимым не просто потому, что пролетариат больше не желает жить в условиях, навязанных капиталистическим классом, а, скорее, потому, что если пролетариату не удастся выполнить свой классовый долг, если ему не удастся реализовать социализм, всех нас ждет общая гибель»¹⁴. Судьба, которая ожидает варварство, это Марксова «общая гибель противоборствующих классов».

В памфлете «Кризис германской социал-демократии» (*Junius Pamphlet (The Crisis in German Social-Democracy)*), написанном за несколько лет до этого в тюрьме, где она сидела за протест против Первой мировой войны, Люксембург обратила внимание на реакционные тенденции и устрашающие перспективы Второй мировой войны, которая будет намного разрушительнее по своим последствиям. Капиталисты уже наживаются на разрушении, «когда города лежат в развалинах, целые страны превратились в пустыню, деревни в кладбища, целые нации в толпы ни-

щих». Капитализм идет по Земле по колено в крови и в грязном поту... как рыкающий зверь, как анархистская оргия, как чумное дыхание, опустошая культуру и человечество, и таким предстает во всей своей омерзительной наготе». «Триумф империализма» — это «уничтожение всей культуры и, как это было в Древнем Риме, обезлюдивание сел и городов, разорение, дегенерация, бескрайнее кладбище». Здесь она и произнесла фразу о «руинах империалистического варварства». Социализм, напротив, открывал возможность увидеть новый мир¹⁵.

Особенное внимание Люксембург обращала на разорение, которому подверглись периферии в Африке, на Ближнем Востоке и в Китае — регионах, которые сделались целью завоеваний европейских империалистов. «Все богатства земли» будут подчинены капиталу, а все население мира превратится в наемных рабов. «Цивилизованный мир» — она специально поставила эти слова в кавычки — превратился в самую лютую, самую жестокую форму варварства, какую только видел мир, вооруженную самым смертоносным и разрушительным оружием и движимый вперед ненасытной жадой экономической экспансии:

«“Цивилизованный мир”, который спокойно стоял в стороне, когда... империализм обрек десятки тысяч героев на гибель, когда пустыня Калахари содрогалась от криков умирающих от жажды, когда в Путумайо за десяток лет бандой европейских промышленных баронов-грабителей были замучены до смерти сорок тысяч людей и остатки целого народа были превращены побоями в калек, когда в Китае древнейшую цивилизацию предали уничто-

жению и анархии, огню и штыкам европейской солдатни, когда Персия задыхалась в неумолимо сжимавшей ей горло петле насильственного иностранного правления, когда в Триполи огнем и мечом косили сгибавшихся под ярмом капитала арабов, а их цивилизацию, их дома ровняли с землей,— только тогда цивилизованный мир начал понимать, что клыки империалистического зверя смертельные, дыхание ужасно, а безжалостные когти глубоко вонзились в грудь его собственной матери — европейской культуры. И это запоздалое признание приходит в мир Европы в форме исковерканного буржуазного лицемерия, которое заставляет каждую нацию признать позор, только когда появляется в военной форме другой страны. Говорят о германском варварстве, как будто всякая нация, которая вступает на путь организованного убийства, не превращается в орду варваров? Говорят об ужасах казаков, как будто сама война не величайший ужас»¹⁶.

Под влиянием работ Люксембург марксист из Шри-Ланки Дж. В. С. де Сильва продолжил разработку понятия варварства. В своей книге «Альтернативы: социализм или варварство» он выдвинул мысль о том, что необходимо пересмотреть традиционное марксистское представление о способах производства, которые развиваются от капитализма к социализму, потом от социализма к коммунизму. Капитализм не обязательно ведет к социализму, а социализм с неизбежностью — к коммунизму. Скорее, и капитализм и социализм могут переродиться в варварство, являющееся жестокой противоположностью коммунизму. По мысли де Сильва, варварство нуж-

но определить как общество, одновременно опирающееся на силу, идеологический контроль в масштабах оруэлловского «1984», уничтожение всех противовесов, ограничивающих власть экономических интересов, «стимулированное потребление бесполезных продуктов», что должно служить отвлечением населения, и полное господство природы во всех ее аспектах. Если не изменить качественных измерений глобальной экономики и не положить конец капиталистической эксплуатации природы, человечеству не избавиться от призрака варварства. Де Сильва заканчивает свою мысль зловещей фразой: «Варварство в одной или двух могущественных странах поглотит остальное человечество».

ИМПЕРИЯ ВАРВАРСТВА

Сегодня мир узрел то, чего боялся де Сильва, — варварство, порождаемое одной могущественной страной, Соединенными Штатами Америки, которые приняли доктрину упреждающей (превентивной) войны и угрожают дестабилизировать весь земной шар. В конце XX века дальнейший рост монополистического капитала привел к огромной зависимости, особенно для Соединенных Штатов как государства-гегемона мировой системы, от военных расходов и империалистической интервенции. С окончанием «холодной войны» эта зависимость имперской сверхдержавы от самых бесчеловечных средств продвижения ее интересов и контроля за системой только увеличилась. Продолжающееся сокращение экономической гегемонии Соединенных Штатов, происходящее одновременно с экономической стагнацией в капитализме в целом, заставили

США все больше обращаются к внеэкономическим средствам сохранения своих позиций, приводя в движение свою гигантскую военную машину для поддержания своей шатающейся гегемонии над мировой экономикой. «Глобальная война с терроризмом» — это проявление последней, смертельной стадии американского империализма, начавшейся в 1991 году с войны в Заливе, ставшей возможной после развала Советского блока и превращения США в единственную сверхдержаву.

После атаки 11 сентября 2001 года империя может представлять себя воюющей стороной в борьбе с варварством и в защиту цивилизации. «Варварство уже стучится в дверь», — заявляет Найал Фергюсон, профессор истории Нью-Йоркского университета и ведущий защитник американского и британского империализма. Но нынешние варвары, заключает он, это исламские фундаменталисты, и либеральный империализм становится способом профилактических прививок миру против такого исламского терроризма. Этот стук у дверей представляет явную угрозу имперскому порядку во главе с Соединенными Штатами, эти внешние террористические группы, утверждает Фергюсон, но он не вызовет прямого упадка американской империи. Напротив. Главная угроза позициям США в мировой экономике лежит внутри страны. Она уходит корнями в нежелание государства США заявить претензии на главенство в качестве глобальной империи.

Фергюсон верит, что Британскую империю прежних времен необходимо превзойти хотя бы в форме, достойной XXI века, и утверждает, что мир нуждается в империи. Многие страны выиграют, подчинившись господству Соединенных Штатов, нежели если

останутся независимыми. Соединенные Штаты, говорит он, это — «империя пушек и масла», это не только правление силы, но и продвижение принципов либеральной империи и либеральной щедрости, что принесет с собой процветающий мировой порядок. Нельзя считать простым совпадением то, что Фергюсон, один из самых влиятельных историков истеблишмента, недвусмысленно призывает к обновлению лозунга «бремени белого человека» (заменяя его новой идеологией «функциональной» империи), при этом обеляя одну из самых варварских войн современного империализма: филиппино-американскую войну начала XX века¹⁷.

«Пушки и масло» Фергюсона — сейчас это прозрачная цель политики Соединенных Штатов. С падением Советского Союза, как поясняет Иштван Мешарош, США стали «брать на себя роль государства капитальной системы как таковой, подминая под себя всеми доступными средствами все конкурирующие державы»¹⁸. Располагая колоссальной военной мощью и готовые использовать силу, США надеются постоянно держать в руках всех потенциальных соперников — эта стратегия, вероятнее всего, в конечном итоге (если не скорее) приведет к новой всемирной катастрофе.

Пытаясь предотвратить революцию (и вообще любой способ, которым может воспользоваться население периферии, чтобы выйти из сложившейся ситуации), США стараются преодолеть единственный определенный закон природы — закон изменения. Преследуя свои цели, они породили диктаторов, поддерживали террористов и угрожали миру страшным разрушением. На Ближнем Востоке США выпестовали регрессивный фундаменталистский полити-

ческий ислам. (пригодившийся в руководимой ЦРУ войне против Советов в Афганистане и для устранения любых прогрессивных альтернатив на Ближнем Востоке), который называют «новым варварством» за то, что он огрызается и кусает вскормившую его руку, США с их союзниками.

ВРАТА АДА РАЗВЕРЗЛИСЬ

Два года назад Амр Маусса, руководитель Лиги арабских стран и бывший египетский министр иностранных дел, предсказывал, что «врата ада раскроются», если США совершат интервенцию в Ирак. В Каире этой осенью он вернулся к этой мысли, сказав, что теперь «врата ада раскрылись в Ираке». Хотя тогда, два года назад, некоторые «побранили» его за такое высказывание, на этот раз, как свидетельствует газета *USA Today*, «никаких разногласий не возникло»¹⁹. Ясно, что американское вторжение и оккупация вызвали в Ираке кровавую баню, которую не остановить на годы, если учесть, какую беспощадную партизанскую войну иракцы объявили оккупантам. Позиция США в Ираке ухудшается. Оккупационные силы утратили контроль над целыми регионами страны. В октябре взрывы бомб впервые прогремели в сильно укрепленной Зеленой зоне в Багдаде, имперском командном центре в этой стране. Более трех десятков иракских городов представляют собой «закрытые» зоны под контролем иракского сопротивления. За тридцать дней, закончившихся 30 сентября, силы сопротивления 2300 раз наносили удар по американским, американской коалиции и иракского правительства целям во всех районах страны. «Нападения носили самый разный характер: автомобили со

взрывчаткой, минометный обстрел, гранатометный обстрел, наземные мины». Только в Багдаде между апрелем и сентябрем иракские силы сопротивления произвели 3000 минометных атак²⁰.

Американские и британские воздушные удары по иракским узлам сопротивления унесли жизни 100 тысяч гражданских лиц, в большинстве женщин и детей. Эти полученные в результате исследования, проводившегося в Ираке американскими и английскими медицинскими экспертами, цифры были опубликованы в ведущем британском медицинском журнале²¹. И все-таки, невзирая на такие устрашающие удары, нацеленные на дома, больницы и мечети, нанесшие ужасающие разрушения и пролившие моря крови, иракское сопротивление, кажется, только крепчает.

Теперь правящие элементы в Соединенных Штатах осознали, что количество американских войск в Ираке явно недостаточно для решения задачи по подавлению населения. Иракцы не проявляют желания вступить в иракскую армию и полицию, а те, кто вступил, пачками дезертируют. Не имея поддержки внутри Ирака, располагая огромным арсеналом, которым они там располагают, США испытывают нехватку живой силы. Оказание поддержки оккупационным войскам — занятие смертельно опасное, если принять во внимание, что более 700 иракских полицейских, помогавших оккупантам, были убиты. Ко всему этому нужно прибавить, что повстанцы наносят удар по самой болезненной точке правящего класса США, потому что их главной целью становятся нефтепроводы. Ситуация для оккупационных сил весьма мрачная. «Итог таков, что мы в настоящий момент проигрываем войну», — констатирует Эндрю

Басевич, бывший полковник армии США, в настоящее время профессор международных отношений Бостонского университета. И добавляет: «Это не значит, что она проиграна, но мы ее проигрываем»²². Все этот воистину возрождает вьетнамский призрачный, кажется ставший неотвратимым символом поражения США в империалистических войнах.

Варварство всегда было неотделимо от пыток. Заметки Маркса по поводу бегущей дорожки касались роли этого орудия производства в пытках, которым подвергались рабочие, укрепляя тем самым буржуазные социальные отношения. В своей статье «Исследования пыток в Индии» он анализирует применение пыток британскими колонизаторами и рассматривает насилие в ходе «восстания сепоев» как «историческое возмездие» за такие действия их британских угнетателей. Систематическое применение Соединенными Штатами пыток в Абу-Грейб в Ираке, в Афганистане и на базе Гуантанамо на Кубе вызывает теперь по всему миру еще большую ненависть к американскому империализму. На Филиппинах в начале XX столетия американские войска применяли пыточный метод, известный как «водная процедура», когда в горло задержанным накачивали воду, а затем наступали им на живот, чтобы вода вырвалась наружу, пока они не сознаются, обычно после такой пытки несчастные очень быстро умирали. Недавно американская разведка применяла к самым опасным, подозреваемым в террористической деятельности задержанным пытку, которую называли «купаньем». Пленного раздевали догола и заставляли погружаться с головой в воду, пока он не начинал захлебываться²³. Еще шире применяется набор более медленных и очень эффективных пыток: изоляция в

одиночке, длительное лишение сна, помещение в камеру без света и звука, смена очень высокой температуры на очень низкую и обратно, раздевание догола, надевание на голову черного мешка, принуждение стоять или нагибаться в неудобном положении, избиения, угроза отдать на растерзание сторожевым собакам, круглосуточные допросы. Как отмечалось в окончательном докладе независимой комиссии для изучения операции по задержанию, известном также как Доклад Шлезингера, по имени председателя комиссии, бывшего министра обороны США Джеймса Шлезингера, американские следователи замучили до смерти пятерых заключенных и существовало подозрение в отношении смерти еще двадцати трех²⁴. Для придания всему этому видимости действий в рамках закона правительство США отказалось предоставить заключенным на базе Гуантанамо статус военнопленных и таким образом обошло Женевскую конвенцию. Так была подготовлена почва для варварского обращения с заключенными²⁵.

Врата ада разверзлись и в другом отношении. Мы живем в материальном мире, где земля, вода и воздух поддерживают жизнь. Человеческая экономика и природные ресурсы находятся в неразделимой связи. В настоящее время все экосистемы на Земле под угрозой. Самую большую тревогу вызывает глобальное потепление, которое буквально затягивает нас в преисподнюю, которую мы создаем собственными руками. По поводу глобального потепления ученые сходятся в том, что за следующие несколько десятилетий необходимо снизить выброс газов, создающих оранжерейный эффект, по меньшей мере до 60—80% уровня 1990 года, чтобы избежать в следующем столетии катастрофических последствий для окру-

жающей среды (подъем уровня моря, которое поглотит острова и прибрежные районы, засухи и опустынивание, экстремальные погодные явления, ускорение вымирания видов, гибель сельскохозяйственных посевов и т. п.). Тем не менее США с 1990 года постоянно наращивают выброс в атмосферу двуокси углерода. Они занимают первое место в мире по общему количеству выбросов и не выказывают признаков остановить эту тенденцию, невзирая на опустошительные последствия, которые это может иметь для других стран, особенно в тропических регионах, или для будущих поколений. Война в Ираке, которая ведется за контроль над нефтью как средством обеспечить мировое господство, сама по себе свидетельствует о том, что США отказываются менять свою бедственную для всего мира политику. Философия «после нас хоть потоп», как однажды заметил Маркс, и есть самая сущность варварства²⁶.

**РАМСФЕЛЬД: «ИРАКЦАМ НАДОЕСТ,
ЧТО ИХ УБИВАЮТ»**

Как объявил *Business Week*, «на нас надвигается век варварства». Но неправильно относить такое варварство просто или в основном за счет социальных сил или наций на периферии. Точно так же, как Маркс применил исторический подход к варварству, осуждая колониальную систему своего времени, нам следует признать варварство сильных мира сего и их виновность в создании этого нового мышления. Министр обороны США Дональд Рамсфельд, рупор нового варварства, заявил недавно: «Наступит момент, когда иракцам надоест быть убитыми»²⁷. Можно предположить, что он имел в виду иракцев-само-

убийц, подрывающих себя бомбами. Тем не менее то, что он сказал, не перестает быть бесчеловечным, если учесть американское вторжение в Ирак и его оккупацию.

Теперь, когда она провозглашена, «глобальной войне с терроризмом» не будет конца, только ее правильное было бы называть глобальной террористической войной. Только продвижение капитализма в направлении социализма открывает перспективу уйти от нынешнего состояния варварства, которое прокладывает дорогу новому глобальному холокосту и ухудшению экологической обстановки. В конце своей книги *Whose Millennium?* («Чье тысячелетие?») Дэниел Зингер писал: «Социализм может стать исторической *возможностью* или даже *необходимостью* разделаться со злом капитализма, но это не означает, что он с *неизбежностью* займет его место»²⁸. К его предупреждению стоит прислушаться. Перед нами стоит выбор, и наша борьба в конечном итоге определит, что ожидает человечество, «социализм» или «руины империалистического варварства».

ГЛАВА 13

КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ

Январь 2005 года

Перед Соединенными Штатами маячит перспектива крупного поражения в Ираке, и это, вероятнее всего, создаст большие трудности на пути разворачивающейся кампании за расширение американской империи. За бравурной пропагандой войны, расписанной средствами массовой информации как «победоносное» наступление в Фаллудже, скрывается правда о бесплодных потугах американской военной машины победить нарастающее партизанское движение и призрачных шансах добиться стабильного политического решения конфликта, которое могло бы отвечать имперским целям США. Тем не менее правящий класс США, хотя и отдает себе отчет в опасностях, таящихся в сложившихся обстоятельствах, все-таки в данный момент убежден, что у него нет иного выбора, как «не сдаваться». Этот лозунг взяли на вооружение обе политические партии и принял весь экономический, политический, военный и коммуникационный истеблишмент. Причину такой, казалось бы, иррациональной решимо-

сти любой ценой стоять на своем можно понять, проанализировав логику и ограниченность капиталистической империи.

ЛОГИКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Капитализм по своей природе — глобальная расширяющаяся система, нацеленная на накопление в мировом масштабе. С момента своего зарождения в XV и XVI столетиях она была мировой экономикой с международным разделением труда, и управляли ею соперничавшие национальные государства. Эта глобальная система в своей основе держится на структуре неравенства, которое называют по-разному: центр — периферия, метрополия — сателлит, развитые — развивающиеся страны, Север — Юг, — и всюду эти названия указывают на широкий разрыв, существующий между государствами в центре и теми, что находятся на периферии системы. С самого начала ведущие капиталистические государства были устремлены на внешнее, империалистическое расширение. Докапиталистические государства Америки, Африки и Азии подвергались разграблению, их население порабощалось, а награбленная добыча уплывала в Европу. Где только было возможно, некапиталистические общества разрушались и превращались в колониальные зависимые территории. Одновременно великие державы дрались за территории и добычу. Как писал Маркс в главе «Генезис промышленного капитализма» в первом томе «Капитала»:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые

шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эта идиллическая суть — главный момент первоначального накопления. Далее следует торговая война европейских наций, ареной для которой служит земной шар. Война эта начинается отпадением Нидерландов от Испании, принимает гигантские размеры в английской антиякобинской войне и теперь еще продолжается в виде «опиумных войн» против Китая и т. д.»¹

К концу Наполеоновских войн Британия, возглавлявшая промышленную революцию, стала имперской державой-гегемоном мировой капиталистической экономики. В этот период европейские державы поделили между собой мир, установив либо прямое политическое управление в своих колониях, либо там, где это было непрактично, создавая с помощью неравноправных договоров условия для подчинения периферийных государств потребностям центра. Самым важным колониальным владением Британии, брильянтом ее империи, была Индия. Но Британия осуществляла контроль и над территориями, которые ее колониями формально не были, — например, в Латинской Америке. Награбленные в этих колониальных владениях сокровища утекали в сундуки государств капиталистического центра, обогащая их и увеличивая их силу. В начале XX века гегемония Британии в мировой экономике перестала устраивать другие великие державы, особенно Германию, и Британская империя в результате Первой и Второй мировых войн рухнула, чтобы уступить место американской гегемонии, когда в ми-

ровой капиталистической системе господство перешло к Соединенным Штатам. Сразу после Второй мировой войны США с точки зрения простой материальной силы, которой они располагали, были самой мощной в истории человечества страной на земле. На их долю приходилось около половины мирового производства и 60% промышленного производства, они также обладали монополией на ядерное оружие. Вместо прежнего золотого стандарта Бреттон-вудские соглашения освятили американский доллар в качестве главной международной валюты, установив, что это обеспечивается обязательством Вашингтона обменивать на золото доллары, находящиеся в распоряжении центральных банков других стран. Земной шар покрыли тысячи американских военных баз, многонациональные корпорации США захватили контроль над экономикой целых государств в третьем мире. И несмотря на то, что делали это под лозунгом «свободной торговли», все свои действия в сфере экономики и для защиты своих интересов, как только в этом появлялась потребность, США подкрепляли своей военной мощью.

Но власть США во многих отношениях наталкивалась на сдерживающие факторы. В разгар Первой мировой войны в результате социалистической революции на свет появился Советский Союз, ставший еще одной военной сверхдержавой, которая не могла ни в чем сравняться с Соединенными Штатами, тем не менее была в состоянии сдерживать действия США, делать некоторые регионы мира недоступными для империалистической экспансии и оказывать материальную поддержку революциям в третьем мире. И все-таки подлинную угрозу всей капиталистической системе и глобальному господству США

представлял не непосредственно Советский Союз, а набегавшие весь XX век волны революций, когда народы Латинской Америки, Африки и Азии пытались сбросить иго колониализма или неоколониализма, например, избавиться от положения, которое они занимали в империалистическом разделении труда. Окружив Советский Союз и Китай военными базами и союзами и пытаясь подавлять революционные движения в третьем мире, США достигли пределов своего глобального могущества.

ВЬЕТНАМ И ПРЕДЕЛЫ ИМПЕРИИ

Нигде пределы могущества США не проявились с такой силой, как во время вьетнамской войны, которую они унаследовали от колониальной войны Франции, блокировав выборы на территории всей страны, как того требовали Женевские соглашения 1954 года. США разделили Вьетнам надвое и создали на Юге марионеточный режим. В 1990-х годах происходило огромное наращивание американской военной силы, что было равнозначно вторжению и оккупации южной части страны. Не сумев победить в партизанской войне (несмотря на то, что во Вьетнаме США использовали в два раза больше взрывчатых веществ, чем за все годы Второй мировой войны, и убили миллионы вьетнамцев), не справившись с «национальным строительством» в Южном Вьетнаме, где пытались подпереть созданный ими же самими коррумпированный режим, а также столкнувшись с растущим недовольством населения США и признаками бунтарских настроений среди нижних чинов армии, США вынуждены были провозгласить лозунг «вьетнамизации» войны и вывести из Вьетна-

ма войска. Неурегулированность баланса платежей США в этот период также способствовала снижению гегемонии доллара в качестве мировой валюты и концу золотого долларového стандарта. Десятки лет после начала вывода американских войск из Вьетнама способность США осуществлять военную интервенцию была серьезно ограничена тем, что консерваторы назвали «вьетнамским синдромом».

Война во Вьетнаме, подобно другим большим империалистическим войнам, вскрыла логику и пределы капиталистической империи. Часто говорят, что у США не имелось существенных экономических интересов во Вьетнаме, чтобы они ради них совершили там такую крупную интервенцию. Найал Фергюсон заявил в своей новой книге *Colossus: The Price of America's Empire* («Колосс: цена американской империи»), что «США потеряли во Вьетнаме свое лицо. Больше они ничего не потеряли»². Такие высказывания укрепляют мысль о том, что поскольку США нечего было терять во Вьетнаме в материальном отношении, они находились там исключительно ради продвижения свободы и демократии. На самом же деле целью США во Вьетнаме было сохранение империализма как системы. В широком смысле слова речь идет о стратегических целях, которые относят к разряду классической геополитики, в которой политические, экономические и военные потребности империи рассматриваются в связи с географическими, демографическими и естественными характеристиками определенного региона. Такой геополитический подход к вопросу имперской экспансии и обороны конечно же полностью отвечает потребностям самой широкой экспансии капиталистической мировой экономики.

Вьетнамская война превосходно иллюстрирует важность таких геополитических целей. Интервенция США во Вьетнаме имела целью установить контроль над «окраинами Тихого океана» и окружить и «сдерживать» Китай как часть более широкой геополитической стратегии глобального господства над «окраинами» Евразии, то есть Западной Европой, выходами в Тихий океан и Ближним Востоком. Именно в этих регионах США создавали глобальные военные альянсы, именно сюда они направляли свои главные ресурсы для создания и поддержания своего военного присутствия. По сути дела, эти регионы представляли собой границы империалистической системы, в которой роль державы-гегемона играли Соединенные Штаты, границы смутно очерченной американской империи³.

Если посмотреть с этой стороны на колоссальные усилия, которые предпринимались Соединенными Штатами для сохранения Вьетнама в качестве части имперской сферы, то усилия (причем предпринимались они при пяти сменявших друг друга президентствах обеих партий), были не просто иррациональными, но составляли часть более широкой глобальной стратегии. Для правящего класса США и стратегов его военной и внешней политики поражение во Вьетнаме осталось в памяти как крупный провал в защите интересов Соединенных Штатов. В 1970-е годы мировая капиталистическая экономика вступила в полосу длительного кризиса, или стагнации, которая преследует ее по пятам. За этот же период оступилась и экономическая гегемония Соединенных Штатов. Частичный уход США с мировой арены после вьетнамской войны, сокращение их военных интервенций, несмотря на растущее революционное движение в третьем мире, часто рас-

смачивается верхами американского общества и американскими военными как источник общего заболевания, поразившего американское общество.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ВОЙНЕ

С конца 1970-х годов Вашингтон стремился возродить свою способность вести империалистические войны. За тайными войнами в Афганистане и Центральной Америке последовала прямая демонстрация американского военного империализма в Ливане, на Гренаде и в Панаме. С падением Советского блока и последовавшим через два года развалом Советского Союза США заполнили образовавшийся вакуум мировой мощи, осуществив интервенции на Среднем Востоке, в Африканском Роге и бывшей Югославии, о чем прежде невозможно было даже подумать. После атак 11 сентября американское вторжение в Афганистан и Ирак с их оккупацией, а также создание американских военных баз в бывших советских республиках Центральной Азии были крупным расширением американской империи в прежде недоступных для нее регионах. Подобное расширение американской империи отчасти было связано с экономическими успехами, хотя они и носили преходящий характер, которых США добились в 1990-е годы относительно своих капиталистических конкурентов. Именно это придало «антитеррористическим» ястребам в администрации Джорджа У. Буша уверенности, когда они постарались использовать страх, вызванный сентябрьскими 2001 года атаками, подготовив в сентябре 2002 года «Стратегию национальной безопасности США». В этом документе объявлялось, что США будут предпринимать все, что в их

силах, чтобы предотвратить появление еще одного «равного соперника» в военной области, и без колебаний начнут «предупредительную» (превентивную) интервенцию для поддержания интересов своей национальной безопасности. Не чем иным, как объявлением миру непрерывной войны, не расценишь сделанное для всеобщего сведения заявление, что США готовы продемонстрировать вооруженную мощь во имя расширения своей империи и, соответственно, своих геополитических позиций в мире вообще. Никогда еще в истории современного мира не случалось, чтобы какая-то одна нация предъявляла столь далеко идущие претензии на бессрочное глобальное доминирование.

Прокладывая дорогу для подтверждения своих имперских амбиций, Соединенные Штаты произвели трансформацию господствующей версии вьетнамской войны. По мере того как воспоминания о ней постепенно отдаляются в прошлое, все большее хождение приобретают консервативные интерпретации войны, которые предлагаются военным руководством и комментаторами правого толка и которые на первых порах не принимались всерьез во время публичных дискуссий. В новом климате, когда Америка вновь прославляется до небес, поражение во Вьетнаме все чаще стало относиться к числу пропагандистских категорий «предательства», которое якобы совершают в данном случае нелояльные средства массовой информации и экстремисты из гражданского населения⁴.

Центральной темой для переоценки вьетнамской войны стал ее поворотный пункт, вьетнамское наступление в праздник Тет 1968 года. Теперь события того времени стали преподноситься как блестящая военная победа вооруженных сил США и

Южного Вьетнама, которые разгромили силы наступавшего Фронта национального освобождения. Но нам говорят, что благодаря самому настоящему «предательству» эту победу наши средства массовой информации и ораторы протестующего меньшинства превратили в поражение, заставив Джонсона выкинуть белый флаг. Фактически мнение истеблишмента восприняло вердикт относительно войны, который в свое время вынес генерал Уильям Уэстморленд, командовавший американскими войсками во Вьетнаме. В 1976 году он писал, что наступление в праздник Тет «по любому раскладу было крупнейшим поражением нашего противника... К сожалению, психологическую победу, которая ускользнула от него во Вьетнаме, противник одержал в Соединенных Штатах и тем самым настолько повлиял на президента Джонсона и его гражданских советников, что они забыли максимум, что, когда враг наносит тебе удары, не ослабляй, а усиливай нажим». Для Уэстморленда в индокитайской войне в целом «недостаток решимости не сворачивать с намеченного курса... продемонстрировал в Камбодже, Южном Вьетнаме и Лаосе, что альтернатива победе — только поражение»⁵.

Главная тема выступлений консерваторов об этой войне — «зачем не следовали начатым путем». Эту фразу часто повторяли во время самой войны. Например, президент Джонсон употребил ее в 1967 году, сообщая о своем решении продолжать войну. В другом случае, в феврале 1968 года, Таундсен Хупс, заместитель министра военно-воздушных сил, представил государственному секретарю Кларку Клиффорду стратегию «следования намеченному курсу на ряд тяжелых лет», которая сводилась всего-навсего к удержанию

контроля над населенными районами. Но этот лозунг стал еще важнее позже, когда ястребам понадобилось объяснять поражение Соединенных Штатов. Это случилось после того, как именитый журналист Стюарт Олсоп написал в своих мемуарах «Продолжение казни», опубликованных в 1973 году, что Уинстон Черчилль в его присутствии заявил: «Америка. Великая и могущественная страна. Вроде мощной лошади, вытаскивающей из трясины уныния к миру и процветанию остальной мир. Но сумеет ли она следовать начатым курсом?»⁶ Вьетнамские ястребы, вроде сенатора-демократа Генри М. Джексона, при первой же возможности обращались к вопросу Черчилля, утверждая, что США не сумели «следовать начатым курсом» и не должны еще раз повторять эту ошибку⁷.

Эта дорогая сердцу правых и военного истеблишмента оценка вьетнамской войны настолько упрочилась, что стала фактором, который играет важную роль в нынешней войне в Ираке. Так, когда президент Джордж У. Буш заявил в апреле 2004 года, говоря о войне в Ираке: «Мы должны не сворачивать с курса, и мы не свернем», — его оппонент сенатор-демократ Джон Керри повторил за ним, что США нужно «следовать начатым курсом» в Ираке, и добавил: «Среди американцев нет единого мнения о том, нужно ли нам было вступать в войну, и если нужно, то как. Но было бы недопустимым отступить в беспорядке и бросить на произвол судьбы общество, раздираемое междоусобицами и находящееся во власти радикалов»⁸.

ДОРОГА К ГИБЕЛИ В ИРАКЕ

Нескончаемые требования следовать начатым курсом иногда сводились к простому желанию согла-

ситься с продолжающимся кровопролитием. Вот что писал Макс Бут:

«Любая страна, вставшая на путь имперской политики, будет испытывать какие-то неудачи. Британская армия во время малых войн королевы Виктории терпела крупные поражения с тысячами жертв во время первой афганской войны (1842) и войны с зулусами (1879). Но это сколько-нибудь значительно не поколебало решимость англичан защищать и расширять империю, только заставляло их жаждать отмщения. Если американцы не пойдут таким же кровавым путем, тогда им нечего и думать о роли имперского полицейского»⁹.

Но желание следовать «кровавому пути», недостатка в чем в Вашингтоне не наблюдается, не спасет США в Ираке. Несмотря на широко разрекламированную «победу» в Фаллудже, где разрушение города в уже оккупированной стране носит невиданный для настоящего времени масштаб, военные плановики работают сверхурочно, чтобы избежать поражения, которое с каждым днем становится все более вероятным. Самым важным высказыванием по поводу иракской войны, исходившим из среды истеблишмента национальной обороны, принадлежит Энтони Х. Кордсмену, долгое время работавшему советником по вопросам национальной безопасности в Министерстве обороны и специализировавшемся на Ближнем Востоке и проблемам энергетики, который возглавлял группу, занимавшуюся в 1974 году оценкой итогов Шестидневной войны (войны Йом-Кипур) для Министерства обороны. В настоящее время Кордсмен научный сотрудник Центра стратегиче-

ских и международных исследований в Вашингтоне, где занимается проблемами стратегии, и комментатор *ABC NEWS* по вопросам национальной безопасности. В своем докладе «Следовать курсу: стратегия пересмотра политики США в Ираке и на Ближнем Востоке» Кордсман выдвигает мысль, что США не обязательно «следовать курсу», если прагматическая стратегия успеха, которую он называет «гибким курсом», не дает результатов. «США сталкиваются в Ираке с таким накалом гнева и негодования, чтобы делать хорошую мину при плохой игре и пытаться добиться сколько-нибудь прочного успеха в деле политического устройства Ирака, правильнее было бы попытаться в основном уйти отсюда в течение ближайших двух лет». Больше того, если взять в расчет степень неудачи в проведении взятого курса, то необходимо поставить вопрос о поражении США в Ираке. «Шансы на прочный успех США в Ираке,— констатирует он,— в настоящее время, в лучшем случае, равные, но может быть и хуже. США почти наверняка могут одержать победу в любом столкновении, но намного меньше вероятность того, что они победят в политической и экономической войне»¹⁰.

Кордсмен считает, что США могут уберечься от явного поражения и последующей «потери лица» в Ираке, сразу же отмежевавшись от всех имперских целей. В конце ноября в интервью для Совета по международным отношениям он заявил: «Мы никогда не говорили иракцам, что не возьмем их нефть, что мы не приберем к рукам их экономику, что не будем создавать военных баз, что уйдем после того, как избранное правительство попросит нас уйти. Мы никогда не говорили, что нас устроит любое правительство». Как он пишет в своей книге *Playing the*

Course («Следовать курсу»), США лучше было бы «гласно» отказаться от преследования следующих целей: 1) использования Ирака в качестве орудия или рычага для изменений в регионе; 2) использования Ирака в качестве «американской военной базы»; 3) вмешательства в независимое управление Ираком в сфере политики и экономики, и прежде всего, в нефтяной сфере; 4) блокирования «полной прозрачности» американского присутствия в иракской экономике. США должны взять на себя недвусмысленные обязательства полностью уйти из Зеленой зоны в Багдаде, которая не может рассматриваться имперской штаб-квартирой в якобы независимом Ираке.

Кордсмен рекомендует США сузить свои целевые установки до создания устойчивого правительства, поддерживающегося адекватными иракскими вооруженными силами, даже если новый политический режим будет всего лишь несколько умереннее режима Саддама Хусейна и даже открыто враждебен Соединенным Штатам. Если Вашингтон сможет преуспеть хотя бы в такой степени, говорит Кордсмен, можно провозглашать «победу» и уходить в течение двух лет с минимальным ущербом для своего престижа как имперской державы. Однако если США не удастся за этот период найти стабильное политическое решение или создать адекватную иракскую армию, что, как представляется в настоящий момент, скорее всего, и не получится, то им нужно немедленно начинать планирование действий на случай явной неудачи. «Даже «победа» в Ираке, сказано нам, будет в высшей степени относительной, а поражение», которое может произойти в очень многих формах, как только Ирак выйдет из-под контроля, «вынудит США укреплять свои позиции в этом регионе».

По мнению Кордсмена, еще более важной задачей, чем формирование устойчивого режима, является замена американских войск иракскими. «Иракизация», — пишет он, — либо должна быть эффективной, либо Ирак сделается зеркальным отражением «вьетнамизации» времен Вьетнама: военные победы коалиции станут играть весьма несущественную роль». Сделав детальную оценку состояния и подготовки иракских вооруженных сил, он приходит к выводу, что «иракские вооруженные силы и силы безопасности в настоящий момент слишком слабые, чтобы принять на себя задачи по поддержанию безопасности, и почти наверняка будут не способны сделать это еще и в течение почти всего 2005 года... США смогут с каким-то успехом «следовать курсу» только при условии, если сумеют вместе с временным правительством Ирака выйти за пределы цифр 28 тысяч солдат в иракских вооруженных силах и приблизительно 40—55 тысяч военных и полувоенных формирований и Национальной гвардии, которые, по американским расчетам, составляют нынешнюю «потребность»».

Правда заключается в том, что присутствие в Ираке 150 тысяч американских войск, что до предела напрягло наличную численность американской армии, даже при условии поддержки дополнительного контингента британских войск, оказалось недостаточным для того, чтобы поставить страну на колени. «США уже поняли, что могут выиграть практически любое военное сражение или столкновение, но завоевать страну не в состоянии... Как это было во Вьетнаме, если временное правительство Ирака не может выиграть политического сражения, американские победы на поле боя не имеют никакого значения».

В условиях политической неразберихи в Ираке и трудностях в поиске какого-то политического решения или даже поиска способа избежать возникновения гражданской войны, как полагает Кордсмен, США необходимо сосредоточиться на проблеме сохранения своих позиций на Ближнем Востоке в случае поражения:

«Одно дело вести борьбу с повстанцами; США не должны оставаться в Ираке, если там вспыхнет гражданская война... Никто не может гарантировать успеха в Ираке или что Ирак не погрузится в гражданскую войну, не попадет под власть сильной руки или не расколется по этническому или конфессиональному признаку... Одно дело вести игру, и совершенно другое — пытаться спасти ее, в том числе «удваивая ставку». Если к 2006 году прояснится, что США не могут победить при нынешнем уровне усилий и/или ситуация серьезно ухудшится до такой степени, что станет очевидным, что никакого иракского правительства и поддерживающих его сил безопасности нет и в помине, то это будет означать, что игра окончена. Уже не время осматриваться по сторонам, время уносить ноги»¹¹.

Если понадобится «уносить ноги», говорит он, США придется успокаивать правителей «дружественных государств Залива и других арабских союзников», придется принимать меры против расширения исламского джихада в Афганистане, который неизбежно получит новое дыхание после провозглашения исламской «победы». США нужно будет удерживать Иран от вмешательства в Ираке. Усилится

нажим на США с требованием ускорить решение израильско-палестинской проблемы. Наконец, понадобится планировать мероприятия для противостояния возможным угрозам, которые могут возникнуть для стратегических позиций США в сфере ближневосточной нефти, не допустить ухода США с Ближнего Востока и в случае возникновения критической ситуации усилить их присутствие в регионе.

Кордсмен нисколько не сомневается, что нефть — это главный вопрос для США в Ираке, как и вообще на Ближнем Востоке. Непрерывающиеся диверсии иракского сопротивления на нефтепроводах сократили поставки нефти из Ирака, нанося удар по одной из главных целей США и тем самым подчеркивая общий провал политики США в регионе. В случае, если крах обозначится совершенно определенно и США придется уходить из Ирака, ситуация с нефтью примет еще более критический характер. Кордсмен пишет, что «США могут и должны найти заменитель нефтепродуктам, это займет десятилетия. Тем временем США и мировая экономика постепенно сделаются еще более зависимыми от энергетического импорта, в особенности от импорта углеводородов из района Персидского залива». По расчетам Агентства по энергетической информации США (EIA), изложенным в выпускаемом им издании «Обзор международной энергетики» за 2004 год, ожидается, что к концу 2025 года одни только промышленно развитые страны увеличат импорт нефтепродуктов из стран ОПЕК на 11,5 миллиона баррелей в день, помимо ежедневно импортировавшегося в 2001 году 16,1 миллиона баррелей. Более половины роста импорта нефти придется на импорт из зоны Персидского залива. За этот период североамериканский

импорт нефти должен удвоиться. Резко возрастут потребности в нефти Китая и других развивающихся стран. Соответственно увеличится стратегическое значение нефти для мировой экономики.

Для того чтобы удовлетворить спрос на дополнительное производство нефтепродуктов, как считает ЕИА, в Ближний Восток между 2003 и 2030 годами должно быть вложено еще 1,5 триллиона долларов. Долгосрочный потенциал капиталовложений на расширение производства нефти в Ираке намного выше, чем в других регионах, поскольку многие специалисты и институты, специализирующиеся на изучении проблемы нефти (например, Институт Бейкера, Центр глобальных энергетических исследований и Федерация американских ученых), полагают, что в дополнение к установленным запасам в 115 миллиардов баррелей нефти Ирак может иметь на 90% своей неисследованной территории еще 100 или более миллиардов баррелей дополнительных запасов. (Ряд учреждений, вроде Службы геологии, геодезии и картографии США, менее оптимистичны и в среднем оценивают дополнительные запасы иракской нефти в 45 миллиардов баррелей.) По словам Кордсмана, самой насущной «практической проблемой», которую ставит Персидский залив с точки зрения мировой экономики, является колоссальный масштаб капиталовложений, которые потребуются для расширения производства нефти на Ближнем Востоке, с тем чтобы обеспечить адекватные поставки для будущего потребления. Эти капиталовложения должны быть не только произведены, но и защищены. Из этих соображений США будет не так легко полностью вывести свои войска из Ирака или воздержаться от увеличения своего присутствия

в других районах Ближнего Востока, если они будут вынуждены покинуть эту страну.

Схожая с многими материалами, исходившими из кругов, связанных с национальной безопасностью в Соединенных Штатах, книга Кордсмена «Следовать курсом» отличается большим реализмом. Поэтому резонно задать вопрос, можно ли ждать от властей предрежащих в США, что они прислушаются к его рецепту и начнут с отказа от всех имперских целей в Ираке. Вряд ли такое произойдет. Их лозунгом остается «следовать курсу». Тридцатого марта 2004 года бывший министр обороны в администрациях Никсона и Форда Джеймс Шлезингер и бывший посол США в России и заместитель секретаря по политическим вопросам при Клинтоне Томас Пикеринг выступили в газете *Los Angeles Times* со статьей, призывавшей поставить Ирак «вне политики» и «следовать курсу». Они ссылались на необходимость предотвратить иранское влияние на Ирак, гарантировать «долгосрочную стабильность в производстве и поставках нефти», заблокировать возникновение в Ираке новой, враждебной США силы и уйти от возникновения представлений о поражении Америки, которые способствовали бы дестабилизации американской мощи и нанесли бы ущерб ее интересам как на Ближнем Востоке, так и в мировом масштабе. Коротче говоря, имперские цели, во имя которых США совершили интервенцию в регионе, должны быть сохранены во что бы то ни стало.

Ничто из поступающих в эти дни из Вашингтона вестей не говорит о том, что такой доминирующий подход в какой-то мере изменился. Хотя в верхах социальной иерархии хорошо понимают, что в Ираке США вполне может ожидать серия неприятностей,

если они просто будут продолжать действовать так, как будто ничего не изменилось. Но не замечать перемен — значит ожидать еще большие бедствия — признание поражения приведет в будущем к сокращению способности США вести войны в третьем мире и прибегать к прямому применению силы в качестве средства обеспечения имперских интересов. Больше того, все еще существует вопрос об иракской нефти и о том, кто будет ее контролировать. Это значит, что с точки зрения правящего класса даже абсолютный провал с затеей установить стабильный политический режим и создать в Ираке нужную военную силу для защиты его еще не будет обязательно означать, что США следует уйти. Томас Фридман, комментатор по вопросам международных отношений газеты *New York Times*, чьи взгляды обычно воспринимаются как надежный барометр настроений истеблишмента, 18 ноября 2004 года заключает свой репортаж из Ирака словами: «Без существования безопасной атмосферы, в которой может быть избрано и спокойно функционировать его новое руководство, Ирак никогда не сможет дышать самостоятельно, и американским войскам придется остаться здесь навсегда». Другими словами, в случае, если не удастся создать в Ираке устраивающую США стабильную политическую ситуацию, американской оккупации суждено продолжаться бессрочно. Имея в виду колоссальные запасы иракской нефти, Вашингтон может решить, что какую бы цену ни пришлось заплатить в Ираке, это в конечном счете окупится с лихвой.

Если изложенное выше относительно решимости руководства США в настоящее время «следовать курсу» правильно отражает ситуацию, то неудачи в Ира-

ке будут по-прежнему преследовать американский империализм и только усугубляться. Продолжающееся присутствие американских войск будет означать, что американские военные продолжают свой кровавый счет (в котором уже числятся систематические пытки и возвращение к напалму, запрещенному ООН еще в 1980 году), а иракская оппозиция американским «освободителям» будет только расти. Между тем любое иракское правительство, которое изберут в подобной обстановке, встанет перед альтернативой — либо противиться американской оккупации, либо утратить в иракском обществе всякие претензии на легитимность. Американское вторжение и оккупация Ирака могут быть почвой для возгорания гражданской войны и тлеющим фитилем под готовой взорваться пороховой бомбой для всего Ближнего Востока. Насколько это серьезно, можно судить по тому, что Израиль вооружает и обучает курдскую милицию, чтобы направить ее, если потребуется, против шиитских и суннитских сил в Ираке. То, что израильтяне располагают сотнями единиц ядерного оружия, создает постоянную угрозу «Самсонова выбора», если только правительство Израиля придет к заключению, что существует опасность для его страны или для оккупации им палестинских территорий¹².

Дальнейшие рассуждения по этому поводу были бы бессмысленными, но нет сомнений, что, вторгнувшись в Ирак, США разверзли ворота ада не только для иракцев и всего Ближнего Востока, но и для их собственного глобального империалистического порядка. В полной мере отзвуки провала американского империализма в Ираке станут очевидны только в будущем, спустя месяцы и годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ Robert Kaplan, *Imperial Grunts: The American Military on the Ground*. New York: Random House, 2005, pp. 3—15.

Введение

- ¹ Max Boot, «American Imperialism? No Need to Run Away from Label», *USA Today*, May 6, 2003.
- ² Deepak Lal, *In Praise of Empires*. New York: Palgrave Macmillan, 2004, p. 99.
- ³ *New York Times*, May 10, 2003.
- ⁴ Michael Ignatieff, The Challenges of American Imperial Power, *Naval War College Review* LVI:2, Spring 2003. www.nwc.navy.mil/press/Review/2003/Spring/art3-sp3.htm.
- ⁵ *New York Times*, April 27, 2003.
- ⁶ Michael Mann, *Incoherent Empire*. London: Verso, 2003, pp. 252, 267.
- ⁷ Boot, “American Imperialism?”
- ⁸ Michael Hardt and Antonio Negri, *Empire*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000, pp. 178—179.
- ⁹ Andrew Bacevich. *American Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004, pp. 177.

- 10 См. изложение заявления Саддама Хусейна и ответа посла США Э. Гласпи. *New York Times International*, September 23, 1990.
- 11 Research Unit for Political Economy, *Behind the Invasion of Iraq*. New York, Monthly Review Press, 2003.
- 12 *New York Times Magazine*, March 28, 1999.
- 13 *New York Times*, March 8, 1992.
- 14 Project for the New American Century, *Rebuilding America's Defenses, Strategy, Forces and Resources for a New Century*, September 2000. Online link is: www.newamericancentury.org/RebuildingAmericasDefenses.pdf.
- 15 Istvan Meszaros. *Socialism or Barbarism*. New York: Monthly Review Press, 2002, p. 37.
- 16 Robert S. McNamara. "Apocalypse Soon", *Foreign Policy*, 148, May/June 2005, p. 29.

Глава 1

- 1 См.: Ellen C. Collier, *Instances of Use of United States Forces Abroad, 1798—1993*, Congressional Research Service, Library of Congress, CRS Issue Brief, October 7, 1993. Available online at: www.fas.org/man/crs/crs_931007.htm. Исследовательская служба Конгресса приводит шестьдесят шесть случаев применения вооруженных сил США за рубежом за период 1945—1993 годов (245 за период 1978—1993 годов). Этот список может быть дополнен данными за последние восемь лет, и тогда общее число случаев военного вмешательства США с периода 1945 года возрастет за семьдесят.
- 2 Цитировано в *Toronto Star*, April 9, 1991. См. также: David N. Gibbs. "Washington's New Interventionism", *Monthly Review*, 53: 4 (September, 2001), pp. 15—37.

- ³ Istvan Meszaros, *Socialism or Barbarism*. New York, Monthly Review Press, 2002, p. 23.
- ⁴ Этот раздел написан в соавторстве с Робертом Макчесни (Robert W. McChesney).
- ⁵ Amnesty International, *The United States of America: Rights for All*. London: Amnesty International, 1998. См. особенно главы 7 и 8. www.amnesty.org.

Глава 2

- ¹ Michael Hardt and Antonio Negri, *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000, p. xii.
- ² Ibid.
- ³ Ibid., p. 9.
- ⁴ Ibid., p. 333.
- ⁵ Ibid., p. 335. Хардт и Негри обращаются к работе Самира Амина, особенно к его *Empire of Chaos*. New York: Monthly Review Press, 1992, как к ведущей альтернативе их взглядам на империализм/империю и резко отличающейся в вопросе «центр — периферия». См. Hardt and Negri, *Empire*, pp. 9, 14, 334, 467.
- ⁶ Hardt and Negri, *Empire*, pp. xiii—xiv.
- ⁷ Ibid., pp. 178, 179.
- ⁸ Ibid., p. 180.
- ⁹ Ibid., p. 182.
- ¹⁰ Ibid., p. 407.
- ¹¹ Istvan Meszaros, *Socialism or Barbarism*. New York: Monthly Review Press, 2001 и Istvan Meszaros, *Beyond Capital*. New York: Monthly Review Press, 1995.

- ¹² Meszaros, *Socialism or Barbarism*, pp. 10—11.
- ¹³ Ibid, p. 13.
- ¹⁴ Это сокращенный и несколько измененный вариант составленного Мешарошем списка основных противоречий.
- ¹⁵ Ibid., pp. 13—14.
- ¹⁶ Ibid., pp. 19, 61.
- ¹⁷ Ibid., p. 51.
- ¹⁸ Ibid, pp. 28—29.
- ¹⁹ Стратегия США, направленная на установление глобальной гегемонии с помощью своей вооруженной мощи, подробно рассматривается в работе Дэвида Н. Гиббса «Новый интервенционизм Вашингтона, гегемония США и международное соперничество» (David N. Gibbs. “Washington’s New Interventionism: U.S. Hegemony and Interimperialist Rivalries”, *Monthly Review* 53: 4. September 2001, pp. 5—37.
- ²⁰ Meszaros, *Socialism or Barbarism*, pp. 37—38.
- ²¹ Ibid., p. 40.
- ²² Ibid., p. 73.
- ²³ The Editors, “Pox Americana”, *Monthly Review* 43:3, July—August 1991, p. 13.

Глава 3

- ¹ *New York Times* пересказала в нескольких словах взгляды Майкла Хардта и Антонио Негри, изложенные в их модной постмодернистской работе «Империя», *Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.
- ² «Манифест коммунистической партии» был процитирован в «*World Development Report, 1996*». New York: Oxford University Press, 1996, p. 1.

- ³ Adam Smith, Book 4, Section 9.
- ⁴ Thomas Friedman, *The Lexus and the Olive Tree*. New York: Farrar, Strauss, Giroux, 1999, p. 94.
- ⁵ Многие мысли в этом и последующих параграфах принадлежат Полу Суизи и были изложены в статье «Монополистический капитализм» справочника по экономике (см.: *New Palgrave Dictionary of Economics*, vol. 3, New York: The Stockton Press, 1987, pp. 541—544).
- ⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 23, с. 40.
- ⁷ Там же. Т. 3, глава 27.
- ⁸ Arthur R. Burns. *The Decline of Competition: A Study of the Evolution of American Industry*. New York: McGraw-Hill, 1936.
- ⁹ Michal Kalecki. *Theory of Economic Dynamics*. New York: Monthly Review Press, 1965, p. 161.
- ¹⁰ Michal Kalecki. *Essays in the Theory of Economic Fluctuations*. London: Allen and Unwin, 1939, p. 149.
- ¹¹ Монополистическая капиталистическая экономика состоит, конечно, не просто из гигантских фирм. В производящих отраслях экономики, например, сотни тысяч фирм, которые, взятые вместе, нанимают значительную долю рабочей силы. Эти небольшие фирмы часто являются придатком гигантов, некоторые поставляют детали, другие занимают разные другие ниши. Такие фирмы выносят на себе основной удар спада производства. Во время подъема они растут быстрее доминирующих монополистических фирм.
- ¹² Для детального ознакомления с взглядами Суизи, на которых основывается большая часть этих материалов, см.: John Bellamy Foster. "Poul Marlor Sweezy" in Philip Aresits and Malcolm Sawyer, eds., *A Bibliographical Dictionary of Dissenting Economists*. Northampton, MA: Edward Elgar, 2000, pp. 642—651.

- ¹³ Josef Steindl, *Maturity and Stagnation in American Capitalism*. New York: Monthly Review Press, 1976.
- ¹⁴ Для более глубокого ознакомления с трудами Барана, которые использованы в настоящей работе, см.: John Bellamy Foster, "Paul Alexander Baran", in Arestis and Sawyer. *Bibliographical Dictionary of Dissenting Economists*, pp. 36—43.
- ¹⁵ Paul A. Baran. *The Political Economy of Growth*. New York: Monthly Review Press, 1957, p. 136.
- ¹⁶ Ibid., p. 142.
- ¹⁷ Paul A. Baran and Paul M. Sweezy, *Monopoly Capital: An Essay on the American Economic and Social Order*. New York: Monthly Review Press, 1966.
- ¹⁸ Joanne Barkan, "A Blast from the Past: Paul Baran and Paul M. Sweezy's *Monopoly Capital*," *Dissent* 44 (Spring 1997), p. 95.
- ¹⁹ Baran and Sweezy, *Monopoly Capital*, 3.
- ²⁰ Harry Braverman, *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York: Monthly Review Press, 1974.
- ²¹ Более полное изложение идей Бравермана см.: John Bellamy Foster, "Introduction," in Harry Braverman. *Labour and Monopoly Capital*. New York, Monthly Review Press, 1998, pp. ix—xxvii.
- ²² Harry Magdoff, *The Age of Imperialism: The Economics of U.S. Foreign Policy*. New York: Monthly Review Press, 1969.
- ²³ Для более подробного ознакомления с жизнью и работой Магдоффа, чьи мысли использованы в настоящей книге, см.: John Bellamy Foster. "Harry Magdoff" in Arestis and Sawyer. *Bibliographical Dictionary of Dissenting Economists*, pp. 385—394.

- ²⁴ Аналогичную точку зрения третьего мира высказал Самир Амир в своей новаторской работе «Накопление в мировом масштабе. Критика теории слабого развития» (*Accumulation on a World Scale. A Critique of the Theory of Underdevelopment*). New York: Monthly Review Press, 1974. Впервые текст был представлен в 1957 году в качестве диссертации.
- ²⁵ Magdoff, *Age of Imperialism*, 200.
- ²⁶ Harry Magdoff, *Globalization — To What End?* New York: Monthly Review Press, 1992, p. 3.
- ²⁷ Paul M. Sweezy, *Four Lectures on Marxism*. New York: Monthly Review Press, 1981, p. 73.
- ²⁸ Magdoff, *Globalization—To What End?* p. 4—5.
- ²⁹ Istvan Meszaros, *Socialism or Barbarism*. New York: Monthly Review Press, 2001, pp. 51—2.
- ³⁰ Paul M. Sweezy, «More (or Less) on Globalization,» *Monthly Review*, 49:4 (September 1997), pp. 1—4.

Глава 4

- ¹ Arnold Toynbee, *America and the World Revolution*. New York: Oxford University Press, 1962, pp. 105—6.
- ² Robert Harkavy, *Great Power Competition for Overseas Bases*. New York: Pergamon Press, 1982.
- ³ James R. Blaker, *United States Overseas Basing*. New York: Praeger, 1990, pp. 9, 37. Весьма плодотворное исследование Блейкера проводилось при поддержке аппарата министра обороны. Из приведенных в исследовании сведений видно, что не существует согласованного или общепринятого определения, что такое военная база, поэтому довольно трудно оперировать цифрами. Блейкер называет территорией военной базы сооружения,

которые используются вооруженными силами «на регулярной основе». Все сооружения в радиусе двадцати пяти миль классифицируются как часть единой территории базы, связанной с ближайшим городом или крупным населенным пунктом; сооружения, находящиеся за пределами радиуса двадцать пять миль, рассматриваются в качестве самостоятельных военных баз. Сооружения и базы классифицируются в зависимости от величины их капитализированной стоимости.

- ⁴ Quoted in C. T. Sandars, *America's Overseas Garrisons: The Leasehold Empire*. Oxford: Oxford University Press, 2000, p. 5.
- ⁵ Blaker, *United States Overseas Basing*, p. 32.
- ⁶ Subcommittee on Security Agreements and Commitments Abroad, Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, *Security Agreements and Commitments Abroad*, 91st Congress, 2nd Session, December 21, 1970, pp. 19—20.
- ⁷ Report of the Secretary of Defense, 1989, p. 41.
- ⁸ Цитируется по: Thomas J. McCormick *America's Half Century*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1995, p. 249. За два года до того, как Буш-старший объявил «вьетнамский синдром» умершим, Пол Суизи писал: «Перед Вьетнамом правящий класс США считал само собой разумеющимся, что народ страны проявит готовность вести любую войну, какая только понадобится для защиты имперских интересов США, — это веками было предусловием жизнеспособности империй. Но Вьетнам доказал, по крайней мере что касается США конца XX столетия, что этого не произошло. Эту новую ситуацию назвали «вьетнамским синдромом», и она стала играть всевозрастающую роль в истории нашего времени». Paul M. Sweezy, "U.S. Imperialism in the 1990s". *Monthly Review*, October, 1989, 41:5, 6.
- ⁹ *Los Angeles Times*, January 6, 2002.

- ¹⁰ Report of the Secretary of Defense, 1996, 13—4.
- ¹¹ Этот подсчет количества стран, в которых США имеют военные базы, нельзя сравнивать с приведенными выше цифрами из исследования Бейкера, так как в его исследовании учитывались только те базы, которые перечислены в списке сооружений Министерства обороны на основе их капитализированной стоимости, в то время как мы включили также: 1) базы, которые не указаны в *Докладе о структуре баз* Пентагона, но на которых размещаются значительные контингенты американских войск; 2) базы, находящиеся на территории собственно США и их владений за пределами пятидесяти американских штатов и округа Колумбия; 3) недавно приобретенные передовые места передовой дислокации войск, расположенные в стратегических регионах (главным образом на Ближнем Востоке, Южной и Центральной Азии, в Латинской Америке и в Карибском бассейне). Тем не менее приведенные здесь цифры, хотя в узком смысле слова и несравнимы с теми, которые были показаны ранее, однако они свидетельствуют о том, что географический охват земного шара американскими военными базами, несмотря на то что со времен корейской войны (и, возможно, с момента окончания вьетнамской войны), соглашений о создании новых баз не было, не только не сократился, но с новой силой увеличивается.
- ¹² *Los Angeles Times*, January 6, 2002.
- ¹³ Показания в отношении компании «Унокал» приводятся в статье «Новый шелковый путь: предлагаемый нефтепровод в Афганистане (“A New Silk Road: Proposed Pipeline in Afghanistan”. *Monthly Review*, December, 2001). История проекта центральноазиатского нефтепровода «Унокал» рассказывается в книге Ахмеда Рашида «Талибан» (Ahmed Pashid, *Taliban*), New Haven: Yale University Press, 2000, pp. 151—180.

- ¹⁴ Subcommittee on Security Agreements and Commitments Abroad, Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, *Security Agreements and Commitments Abroad*, p. 20.
- ¹⁵ Chalmers Johnson, *Blowback: The Costs and Consequences of American Empire*. New York: Metropolitan Books, 2000, p. 64
- ¹⁶ John Lindsay-Poland, “U.S. Military Bases in Latin America and the Caribbean”, *Foreign Policy in Focus* 6 (October 2001) www.foreignpolicy-infocus.org.
- ¹⁷ Harry Magdoff, *Imperialism: From the Colonial Age to the Present*. New York: Monthly Review Press, 1978, p. 205.

Глава 5

- ¹ Harry Magdoff, *Imperialism: From the Colonial Age to the Present*. New York: Monthly Review Press, 1978, p. 148.
- ² *New York Times Magazine*, July 28, 2002.
- ³ G. John Ikenberry, «America’s Imperial Ambition,» *Foreign Affairs* 81: 5 (September-October 2002), p. 44.
- ⁴ Бут, Бжезинский, Каплан, Киссинджер, Маллаби и Розен цитируются в статье Филиппа С. Голуба «Динамика мирового беспорядка: западное направление имперского курса». “*Le Mond Diplomatique*”, английское онлайн-издание (сентябрь 2002). mondediplo.com/2002/09/03westward. См. также: Martin Walker, “America’s Virtual Empire”. *World Policy Journal* 19: 2, Summer 2002, pp. 13—20.
- ⁵ Charles A. Conant, *The United States in the Orient*. Boston: Houghton Mifflin, 1900, pp. 29—30.
- ⁶ J. A. Hobson, *Imperialism: A Study* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965), p. 80f.
- ⁷ Ленин В. И. *Империализм как высшая стадия капитализма*. Полн. собр. соч. М.: Политиздат. Т. 27, с. 386.

- ⁸ Там же, с. 182.
- ⁹ Harry Magdoff, *The Age of Imperialism. The Economics of U.S. Foreign Policy*. New York: Monthly Review Press, 1969.
- ¹⁰ *Ibid.*, p. 53f.
- ¹¹ Magdoff, *Imperialism*, p. 261.
- ¹² Нагляднейший пример тому книга Стивена Дж. Розена и Джеймса Р. Курта «Проверка теорий экономического империализма» (Steven J. Rosen and James R. Kurth, *Testing Theories of Economic Imperialism*. Lexington, MA: Lexington Books, 1974. В критическом очерке, помещенном в этом томе, Гарри Магдофф пришел к выводу, что ошибочно, проводя анализ, «раскладывать по отдельным полочкам основные аспекты проблемы империализма, так как они неотделимы». «Попытка четко разграничить военные, политические и экономические вопросы приводит к тому, что ускользает самое главное — взаимозависимость и взаимодействие этих факторов. Для ортодоксальной общественной науки такое мышление — включая манипулирование абстрактным понятием «национального интереса» — вполне традиционно, что во многом объясняет историческую неспособность увидеть либо рост и значение империализма, или корни (нового) империализма в монополистическом капитализме» (Магдофф, цит. пр., с. 86).
- ¹³ Prabhat Patnaik, «Whatever Happened to Imperialism?» *Monthly Review* 42: 6 (November 1990), pp. 1—6.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ Michael Hardt and Antonio Negri, *Empire*. Harvard, MA: Harvard University Press, 2000, p. 180.
- ¹⁶ *New York Times*, September 5, 2002.
- ¹⁷ Этот раздел был подготовлен Гарри Магдоффом.

- 18 Эти данные за 1992 год, последний год, за который имеется информация. Граница 2 доллара определяется на базе паритета покупательной способности. Это значит, что эти данные составлены таким образом, чтобы отразить данный объем корзины потребительских товаров, которые можно приобрести за 2 доллара, сведя к допустимым границам разницу в ценах, существующих в разных странах.
- 19 Эти данные взяты из составленных Всемирным банком таблиц распределения доходов, помещенных в последних выпусках Доклада о всемирном развитии под заглавием «Бедность и распределение дохода». Подсчитывая процентную долю распределения доходов, Всемирный банк использует составленные в разных странах данные о доходах и расходах домашних хозяйств. Для того чтобы цифры были сопоставимыми, сотрудники Всемирного банка используют, когда это возможно, сведения о расходах, а не о доходах. В случае Индии приведенные данные основаны на данных о расходах на душу члена домашнего хозяйства. Всемирный банк. *World Development Report*, 1990, 1996, 2003.
- 20 В зависимости от конкретных данных, экономисты Всемирного банка выводят распределение доходов либо по доходам, либо по расходам.

Глава 6

- 1 Недавно администрация Буша заявила, что «смена режима» может включать и такой вариант, когда у власти будет правительство под руководством Саддама Хусейна, готовое полностью сотрудничать с инспекцией Организации Объединенных Наций по вопросам разоружения на приемлемых для США условиях. Но при этом администрация оговорила, что не видит реаль-

ной перспективы такому ходу событий, и поэтому ее позицию в этом отношении можно интерпретировать как часть стратегии дипломатической переговорной подготовки, имеющей целью заручиться поддержкой на случай, если придется прибегнуть к военному решению вопроса и осуществить вторжение в Ирак, если тот откажется подчиниться инспекционному процессу ООН.

- ² Thorstein Veblen. *Essays in Our Changing Order*. New York: Viking Press, 1934, p. 464.
- ³ Noam Chomsky. "The Cold War and Superpowers". *Monthly Review* 33:6, November 1981, p. 1f.
- ⁴ Harry Magdoff. *The Age of Imperialism. The Economics of U.S. Foreign Policy*. New York: Monthly Review Press, 1969.
- ⁵ Jay Bookman. "The President's Real Goal in Iraq", *Atlanta Journal — Constitution*, September 29, 2002.
- ⁶ Joseph Schumpeter. *Imperialism and Social Classes*, edited and introduced by Paul M. Sweezy. New York: Augustus M. Kelley, 1951, p. 66.
- ⁷ Конечно, для многих (если не для большинства) имперских авантюр XIX века не было нужды в прикрытии лозунгом, будто они велись по мотивам обороны. «Опиумные войны» велись не против агрессивного Китая, а ради того, чтобы навязать ему свободную торговлю опиумом. Борьба между европейскими державами за раздел Африки шла не против воинственной Африки, ее объясняли «бременем белого человека».
- ⁸ *New York Times*, September 20, 2002.
- ⁹ *New York Times*, October 7, 2002.
- ¹⁰ *New York Times*, October 14, 2002.
- ¹¹ *New York Times*, October 10, 2002.

- 12 Senate Committee on Banking, Housing and Urban Affairs, *United States Dual-Use Exports to Iraq and their Impact on the Health of the Persian Gulf War Veterans*, 103rd Congress, 2nd sess., May 25, 1994, pp. 264—76; *Buffalo News*, September 23, 2002.
- 13 *Sydney Morning Herald*, October 3, 2002.
- 14 See William Rivers Pitt with Scott Ritter, *War on Iraq*. New York: Context Books, 2002; *Newsday*, July 30, 2002; *The Guardian*, October 7, 2002.
- 15 www.eia.doe.gov/emeu/cabs/iraq.html; *Middle East Report*, Fall 2002; *San Francisco Chronicle*, September 29, 2002.
- 16 Edward L. Morse and James Richard, «The Battle for Energy Dominance,» *Foreign Affairs* 81: 2 (March/April 2002).
- 17 Quoted in Bookman, «The President's Real Goal».
- 18 *New York Times*, October 22, 2002.
- 19 G. John Ikenberry, «America's Imperial Ambition,» *Foreign Affairs* 81: 5 (September — October 2002).

Глава 7

- 1 Richard N. Haass, *Imperial America*. Online: www.brook.edu
- 2 *New York Times Magazine*, January 5, 2003.
- 3 John Gallagher and Ronald Robinson, «The Imperialism of Free Trade,» *Economic History Review*, second series, 6: 1 (1953), pp. 1—15.
- 4 Wolfgang J. Mommsen, *Theories of Imperialism*. Chicago: University of Chicago Press, 1980, p. 369f.
- 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 27, с. 383.

- ⁶ Henry Kissinger, *Does America Need a Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century*. New York: Simon and Schuster, 2001.
- ⁷ «It's Not 'All About Oil,' but...», *Business Week Online*, February 10, 2003.
- ⁸ Richard Haass, *Intervention: the Use of American Military Force in the Post-Cold War World*. Washington, DC : Carnegie Endowment for International Peace, 1994.
- ⁹ Richard Haass, *Intervention: The Use of Military Force*, p. 84.
- ¹⁰ Harry Magdoff, *Imperialism: From the Colonial Age to the Present*. New York: Monthly Review Press, 1978, p. 139.
- ¹¹ Harry Magdoff, *Imperialism without Colonies*. New York: Monthly Review Press, 2003, p. 68.

Глава 8

- ¹ John A. Hobson, *Imperialism: A Study*. London: James Nisbet, 1902.
- ² *Economist*, April 26, 2003.
- ³ Harry Magdoff, *The Age of Imperialism: The Economics of U.S. Foreign Policy*. New York: Monthly Review Press, 1969.
- ⁴ Этот аргумент удачно приводится в книге Пола Барана и Пола М. Суизы «Монополистический капитал» (Paul Baran and Paul M. Sweezy. *Monopoly Capital*). New York: Monthly Review Press, 1966, pp. 183—202.
- ⁵ Magdoff, *The Age of Imperialism*, p. 16.
- ⁶ Robert W. Tucker, *The Radical Left and American Foreign Policy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971, p. 28.
- ⁷ *Ibid.*, p. 131.

- ⁸ Robert W. Tucker and David C. Hendrickson, *The Imperial Temptation: The New World Order and America's Purpose*. New York: Council on Foreign Relations Press, 1992, pp. 14—5.
- ⁹ Ibid., p. 147.
- ¹⁰ Ibid., p. 10—11.
- ¹¹ Richard Haass, *Intervention: the Use of American Military Force in the Post-Cold War World*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1994, p. 8.
- ¹² *New York Times*, March 8, 1992.
- ¹³ Richard Haass, «*The Reluctant Sheriff: The United States After the Cold War*». New York: Council on Foreign Relations Press, 1997, p. 54.
- ¹⁴ Haass, *The Reluctant Sheriff*, p. 93.
- ¹⁵ www.brook.edu. For a more detailed discussion of Haass' «*Imperial America*» argument see chapter 7 above.
- ¹⁶ Quoted in Michael Hirsh, *At War with Ourselves: Why America is Squandering its Chance to Build a Better World*. Oxford: Oxford University Press, 2003, p. 251.
- ¹⁷ Project for the New American Century, *Rebuilding America's Defenses*, September 2000.
- ¹⁸ О том, какое место в более широких империалистических планах занимает вмешательство Соединенных Штатов и НАТО в гражданские войны в Югославии, см.: Диана Джонстон. «Крестовый поход дураков: Югославия, НАТО и западные заблуждения» (Diana Johnstone. "Fool's Crusade: Jugoslavia, NATO, and Western Delusions". New York: Monthly Review Press, 2002).
- ¹⁹ Max Boot, *The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power*. New York: Basic Books, 2003.
- ²⁰ Hirsh, *At War with Ourselves*, p. 245.

- 21 Ibid., p. 235.
- 22 Council on Foreign Relations, *Iraq: The Day After*. New York, 2003, p. 48.
- 23 Harry Magdoff, *The Age of Imperialism*.
- 24 Council on Foreign Relations, *Iraq: The Day After*, pp. 48—9.
- 25 «Prison Industry Goes Global,» www.futurenet.org, fall 2000.
- 26 Istvan Meszaros, *Socialism or Barbarism*. New York: Monthly Review Press, 2001.

Глава 9

- 1 Jonathan Marcus, «US Faces Up to Guerrilla War,» *BBCNews*, July 17, 2003 (news.bbc.co.uk).
- 2 Исторический анализ филиппино-американской войны основан на следующих работах: Henry F. Graff, ed., *American Imperialism and the Philippine Insurrection: Testimony Taken from Hearings on Affairs in the Philippine Islands before the Senate Committee on the Philippines—1902*. Boston: Little, Brown, 1969; Angel Velasco Shaw and Luis H. Francia, *Vestiges of War: The Philippine-American War and the Aftermath of an Imperial Dream, 1899—1999*. New York: New York University Press, 2002; Daniel B. Schirmer, *Republic or Empire: American Resistance to the Philippine War*. Cambridge, MA: Schenkman, 1972, and «How the Philippine-US. War Began,» *Monthly Review* 51:4 (September 1999); Stuart Creighton Miller, «Benevolent Assimilation»: *The American Conquest of the Philippines, 1899—1903*. New Haven: Yale University Press, 1990; and Daniel B. Schirmer and Stephen Rosskamm Shalom, *The Philippines Reader*. Boston: South End Press, 1987.

- ³ Часто это стихотворение приводят без подзаголовка. Точное название стихотворения см. в *Kipling's Verse: Definitive Edition*. New York: Doubleday, 1940.
- ⁴ Хотя «четверть миллиона» — цифра жертв, с которой соглашается большинство историков, по некоторым оценкам, потери в этой войне достигали миллиона человек. Это означало сокращение населения островов почти на одну шестую населения.
- ⁵ MacArthur quoted in Miller, «*Benevolent Assimilation*,» p. 94.
- ⁶ Jim Zwick, ed., *Mark Twain's Weapons of Satire*. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1992, p. 172.
- ⁷ Информацию о побоище в Моро см. www.boondocksnet.com/ai/ail/moro.html. Jim Zwick's boondocksnet.com website — основной источник материалов по филиппино-американской войне. Его материалы вполне соответствуют тому, что написано в стихотворении Киплинга и антиимпериалистических памфлетах Марка Твена.
- ⁸ Нобелевский комитет находился под впечатлением от симпатий Киплинга бурам в Южной Африке — еще одной колонии белых людей.
- ⁹ John A. Hobson, *Imperialism: A Study*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1965, p. 283.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1967. Т. 27. С. 15.
- ¹¹ *Wall Street Journal*, July 15, 2003.
- ¹² *New York Times Magazine*, September 7, 2003.
- ¹³ Max Boot, *The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power*. New York: Basic Books, 2002.
- ¹⁴ *New York Times Magazine*, July 28, 2002.

- ¹⁵ Niall Ferguson, *Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power*. New York: Basic Books, 2004, p. 369f.
- ¹⁶ Это — призыв к белой элите поделить мир, который сформировался вопреки интересам Британии и США. Восхищение Киплингом в среде правящего класса в центре капиталистического мира было обычным явлением. Хобсбан так рассказывает об этом: «Когда Редьярд Киплинг, певец империи в Индии, как стало известно позднее, умирал от пневмонии в 1899 году, то горевали не только англичане и американцы, — германский император также прислал телеграмму». Eric Hobsbawm, *The Age of Empire*. New York: Vintage, 1987, p. 82.

Глава 10

- ¹ Quoted in the *New York Times*, August 31, 1966.
- ² Quoted in Harry Magdoff and Paul M. Sweezy, «The War Spreads,» *Monthly Review* 22:1 (May 1970).
- ³ Council on Foreign Relations, *Iraq: One Year Later*. Washington, DC, March 9, 2004, p. 13.
- ⁴ *Los Angeles Times*, March 30, 2004.
- ⁵ *Business Week*, April 26, 2004.
- ⁶ Bruce Nussbaum, «Iraq: A Most Dangerous Moment,» *Business Week*, April 26, 2004, p. 37f; Bruce Nussbaum, «It's Time to Reshelve the Rumsfeld Doctrine,» *Business Week*, April 26, 2004, p. 40f.
- ⁷ *New York Times*, April 25, 2004.
- ⁸ *Wall Street Journal*, April 24, 2004.
- ⁹ Harry Magdoff and Paul Sweezy, «Vietnam: What Next?,» *Monthly Review* 21:7 (December 1969), pp. 3—4.

¹⁰ «U.S. Weighs the Return of Military Conscription,» *Toronto Star*, April 22, 2004.

¹¹ www.gregpalast.com.

Глава 11

¹ John F. Kennedy. “Commencement Address at American University”, June 10, 1963 (www.jfklibrary.org/j061063.htm; V.D. Sokolovskii. “*Soviet Military Strategy*”. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1963, p. 149. Первоначально опубликовано в Советском Союзе в 1962 году под названием «Военная стратегия». В своей речи Кеннеди заменил эллипсы (легкоподразумеваемые слова) в основной части предлагаемой здесь выдержки. Мы цитируем ту же выдержку, заменив эллипсы подлинным текстом.

² Ronald Steel. *Pax Americana*. New York: Viking Press. 1967. pp. 16—17, 268, 336.

³ Chalmers Johnson. *The Sorrows of Empire: Militarism, Secrecy and End of the Republic*. New York: Henry Holt, 2003, p. 1.

⁴ Steel, *Pax Americana*, p. 334.

⁵ Harry Magdoff and Paul M. Sweezy, “Pox Americana,” *Monthly Review* 43:3 (July—August 1991), pp. 1—13.

⁶ *Ibid.*

Глава 12

¹ *Business Week*, September 20, 2004.

² John Lendering. “The Edges of the Earth in Greek and Roman Thought”, www.livius.org/ea-eh/edges/edges.html.

- ³ Strabo, *Geography*, 4. 1.14.
- ⁴ Ibid. 4.1.17.
- ⁵ Ibid. 4.1.12.
- ⁶ Charles Fourier. *The Social Destiny of Man, Or Theory of the Four Movements*. New York: R.M. Devitt, 1857, p. 99.
- ⁷ Маркс К., Энгельс Ф. «Из ранних произведений». М.: Политиздат, 1956. С. 601.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., т. 6 (New York: International Publishers, 1975), p. 434.
- ⁹ *Scientific American*, October 1971.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. «Из ранних произведений». М.: Политиздат, 1956. С. 601.
- ¹¹ Mike Davis. *Victorian Holocausts*. New York: Verso, 2001.
- ¹² ...Маркс и Энгельс не применяют термина «варварство» в европоцентрическом смысле. В войне между христианами и маврами в Испании именно христиан Энгельс называл варварами (см. Собр. соч. Т. 25. С. 170).
- ¹³ Marx, *Early Writings*, pp. 359—60; Marx and Engels, *Collected Works*, vol. 25, pp. 460—61.
- ¹⁴ Peter Hudis and Kevin B. Anderson, eds., *The Rosa Luxemburg Reader*. New York: Monthly Review Press, 2004, pp. 349—52, 364.
- ¹⁵ Ibid., p. 313.
- ¹⁶ Ibid., pp. 8, 18, 124—27.
- ¹⁷ Ferguson, *Colossus*, pp. 48—52, 267, 301—02; Ferguson, *Empire*, pp. 369—70.
- ¹⁸ Istvan Meszaros, *Socialism or Barbarism*. New York: Monthly Review Press, 2001, p. 29.

- ¹⁹ *USA Today*, September 16, 2004.
- ²⁰ *New York Times*, September 29, 2004.
- ²¹ *Lancet*, online edition, October 29, 2004.
- ²² *USA Today*, September 16, 2004.
- ²³ *New York Times*, May 13, 2004.
- ²⁴ *Final Report of the Independent Panel to Review DoD Detention Operations, August 2004*. www.defenselink.mil/news/Aug2004/d20040824finalreport.pdf.
- ²⁵ Marx and Engels, *On Colonialism*, pp. 152—55, 162—67; Mark Tanner, «Abu Ghraib,» *New York Review of Books*, October 7, 2004, pp. 44—50; Edward Greer, «We Don't Torture People in America,» *New Political Science* 26: 3 (September 2004), pp. 371—87.
- ²⁶ «После меня — хоть потоп!» — так рассуждает любая капиталистическая нация и любой капиталист. Капитал игнорирует проблемы здравоохранения, продолжительности жизни рабочего до тех пор, пока общество не принуждает его к этому». Маркс «Капитал», т. 1, с. 381.
- ²⁷ *USA Today*, September 16, 2004.
- ²⁸ Daniel Singer, *Whose Millennium?: Theirs or Ours?* New York: Monthly Review Press, 1999, p. 272.

Глава 13

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 915.
- ² Niall Ferguson, *Colossus: The Price of America's Empire*. New York: Penguin Books, 2004, p. 107.
- ³ Michael Klare, «The New Geopolitics,» in John Bellamy Foster and Robert W. McChesney, ed., *Pox Americana*. New York: Monthly Review Press, 2004, pp. 51—56.

- ⁴ For a critique of this new conservative/military history of the war see Robert Buzanco, *Masters of War: Military Dissent and Politics in the Vietnam Era*. Cambridge University Press, 1996.
- ⁵ General William C. Westmoreland, *A Soldier Reports*. New York: Da Capo Press, 1989, pp. 332—34, 404.
- ⁶ Stewart Alsop, *Stay of Execution*. Philadelphia: J. B. Lippincott Co., 1973, p. 73f.
- ⁷ Критику этой новой трактовки военной истории см.: *The Pentagon Papers*, vol. 4. Boston: Beacon Press, 1971, p. 668; Noam Chomsky, «Foreword» in Peter Limquenco and Peter Weiss, ed., *Prevent the Crime of Silence: Reports from the Sessions of the International War Crimes Tribunal founded by Bertrand Russell*. London: Penguin, 1971, p. 19; Dorothy Fosdick, ed., *Staying the Course: Henry M. Jackson and National Security*. Seattle: University of Washington Press, 1987, p. 190.
- ⁸ Robert Scheer, «Don't Stay the Course Senator,» Salon.com, April 28, 2004; Evan Thomas, «The Vietnam Question,» MSNBC.com, April 19, 2004.
- ⁹ Max Boot, *The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power*. New York: Basic Books, 2003, p. 347.
- ¹⁰ Anthony H. Cordesman, «Playing the Course:» *A Strategy for Reshaping U.S. Policy in Iraq and the Middle East* (fourth draft, November 22, 2004); www.CSIS.org.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² Seymour M. Hersh, *Chain of Command: The Road from 9/11 to Abu Ghraib*. New York: HarperCollins, 2004, pp. 356—60, and *The Samson Option: Israel's Nuclear Arsenal and American Foreign Policy*. New York: Random House, 1991.

ДЖОН БЕЛЛАМИ ФОСТЕР

**ОТКРОВЕННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ —
«БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»...**

Перевод с английского *В. Л. Артемова*

Художественное оформление: *Е. Амитон*

Редактор *Л. Миронова*

Корректор *О. Иванова*

Верстка: *Е. Щербакова*

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке

По вопросам оптовых закупок обращаться
по тел./факс (495) 788-72-10
или на e-mail: bk@pokolenie.ru

ООО Издательство «Поколение»
127549, Москва, ул. Пришвина, 8/2. Тел./факс (495)788-72-10
www.pokolenie.ru

Подписано в печать 28.07.2007 г.
Формат 84×108/32. Гарнитура «Miniature».
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 10,0.
Тираж 3000 экз. Заказ № 4898

Отпечатано в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Вооруженный конфликт во Вьетнаме долгое время считался последней империалистической войной — войной, в результате которой США надеялись укрепить свое политическое и экономическое влияние в Азии.

В 1970-е идеологической ширмой, за которой американский капитализм прятал свои хищнические цели, было желание остановить распространение коммунизма. После распада СССР казалось, будто вооруженная борьба с коммунизмом на территории других стран ушла в прошлое. Но не тут-то было — теперь вместо пугала «мирового коммунизма» США начали использовать жупел «мирового терроризма». Однако суть со времен Вьетнама не изменилась. Под видом борьбы с очередной «угрозой» Штаты вновь пытаются навязать миру свой порядок — порядок, при котором странам вроде Вьетнама и Ирака, равно как и большинству других государств, отводится роль американских «сырьевых складов». Многие считают, что ответственность за выбор подобного курса лежит на клике неоконсерваторов, пришедшей к власти в США.

Джон Беллами Фостер последовательно доказывает, что в действительности нынешняя агрессивность Америки — закономерный результат ее общественно-политического и экономического развития. Автор производит тщательный анализ природы империализма, предпосылок возникновения у США империалистических притязаний и делает неутешительный вывод о том, что подобная политика, если ее вовремя не пресечь, неминуемо ведет к мировой катастрофе.

ПОКОЛЕНИЕ

ISBN 978-5-9763-0052-1

9 785976 300521 >

Эту книгу можно купить в самом
большом магазине электронных книг

WWW.RUCARTA.RU

RUCARTA

Джон Беллами
ФОСТЕР

ОТКРОВЕННЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

ПОКОЛЕНИЕ